РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2016. № 1(85)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:
23.00.00. Политология;
07.00.00. Исторические науки и археология;
08.00.00. Экономические науки

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory"

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
© Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2016
© Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);
Лезеан Э. — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
Хань Лихуа — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Косов Ю. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
Акопов С. В. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);
Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);
Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
Аграшенков А. В. — кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург);
Вершель В. П. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Ежова Г. В. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Исаев А. П. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Лушин А. И. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Морозов В. И. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Сергеев В. М. — доктор исторических наук, профессор (Москва);
Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);
Яновский В. В. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Lezean E. — PhD in Political Sciences (France);
Han Lihua — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
Wolman H. — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

Kosov Yu. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences*
Akopov S. V. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (History), Moscow Это в политические науки;
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
2. *History*
Agrashenkov A. V. — PhD in History, Associate Professor (St. Petersburg);
Vershel V. P. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Ezhova G. V. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Isaev A. P. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Lushin A. I. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Morozov V. I. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (Saint-Petersburg)
Sergeev V. M. — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).
3. *Economics*
Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg)
Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Yanovskiy V. V. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

6 **ШАМАХОВ В. А.**

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ — НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ — ГОСТЬ НОМЕРА

7 **ЭДМУНД С. ФЕЛПС**
Что не так с западными экономиками?

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

15 **КВИНТ В. Л.**
Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления

22 **ШАМАХОВ В. А., БАЛАШОВ А. И.**
Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России

31 **АГАНБЕГЯН А. Г.**
Новая модель экономического роста России

47 **КОЗЫРЕВ А. А.**
Рекомендации нобелиата экономике России, или Как нам реализовать конкурентные преимущества

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОТРАСЛЕВЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИИ

64 **АЛБИН И. Н.**
Генеральный план Санкт-Петербурга 2019–2043: стратегия и тактика

68 **ДАРЬКИН С. М.**
Стратегические проблемы Дальнего Востока России

77 **АЛИМУРАДОВ М. К., ЗИЯРОВА А. Л.**
Методологические основы разработки отраслевых финансовых стратегий

85 **БАННОВ И. П.**
Роль стратегии экономического и социального развития региона в достижении показателей экономического роста

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

92 Нобелевская премия по экономике присуждена Ангусу Дитону

94 Стратегия на перспективу

EDITOR'S COLUMN

6 **SHAMAKHOV V. A.**

STRATEGIC PROBLEMS OF WORLD ECONOMY — THE NOBEL LAUREATE — GUEST OF THE ISSUE

7 **EDMUND S. PHELPS**
What Is Wrong with the West's Economies?

STRATEGIES OF ECONOMIC GROWTH

15 **KVINT V. L.**
Search and Investigation of Philosophical Base of the Theory of Strategy. Interrelation of Philosophical and Strategic Thinking

22 **SHAMAKHOV V. A., BALASHOV A. I.**
The New Geopolitical Reality and Its Impact on the Strategy for Economic and Social Development of Russia

31 **AGANBEGIAN A. G.**
New Model of Economic Growth of Russia

47 **KOZYREV A. A.**
Recommendations of the Nobel Laureate on Economy to Russia or How Can We Realize Competitive Advantages

PROBLEMS OF REGIONAL AND BRANCH STRATEGIES OF RUSSIA

64 **ALBIN I. N.**
General Plan of St. Petersburg for 2019–2043: Strategy and Tactics

68 **DARKIN S. M.**
Strategic Problems of the Far East of Russia

77 **ALIMURADOV M. K., ZIYAROVA A. L.**
Methodological Bases of Development of Branch Financial Strategy

85 **BANNOV I. P.**
The Role of Economic and Social Development of the Region in Achieving Economic Growth

SCIENTIFIC LIFE

92 The Nobel Prize on Economics is Awarded to Angus Deaton

94 Strategy on Prospect

Дорогие друзья! Уважаемые читатели и авторы российского научно-практического журнала «Управленческое консультирование»!

Подводя итоги 2015 года, хочется отметить, что он ознаменовался формированием нового Перечня Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Благодаря нашим авторам, высокой квалификации редакционной коллегии, опыту членов редакционного совета, профессионализму научных редакторов, наш журнал включен в обновленный Перечень. Вместе с вами нам предстоит много работать, чтобы роль отечественной науки продолжала возрастать, результаты исследований были бы по-настоящему актуальны и реализовывались не только в фундаментальном плане, но и на практике. В наступившем году редакция продолжит публиковать материалы как ученых с мировым именем, так и руководителей всех ветвей власти и бизнеса, практиков, молодых специалистов и ученых. Приглашаем к публикации авторов, представляющих как результаты собственных исследований, так и обзоры, лекции, обсуждение спорных вопросов, касающихся экономики, политологии, истории.

От имени редакционного совета и редколлегии журнала «Управленческое консультирование» поздравляю вас с наступившим 2016 годом.

Желаю вам крепкого здоровья, успехов во всех свершениях. Пусть этот год принесет вам творческое вдохновение, позволит достичь интересных результатов вашей научной работы, а наше сотрудничество будет способствовать успеху!

Директор СЗИУ РАНХиГС
главный редактор журнала
«Управленческое консультирование»
доктор экономических наук,
действительный государственный советник
Российской Федерации 1-го класса
В. А. Шамахов

Эдмунд С. Фелпс

Что не так с западными экономиками?*

Эдмунд С. Фелпс
Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике, член Национальной академии наук США, иностранный член Российской академии наук

Edmund S. Phelps

What Is Wrong with the West's Economies?

Edmund S. Phelps
American economist, Nobel Prize winner in Economics, Member of United States National Academy of Sciences, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences

Что же неверно с экономикой Запада — и с экономической наукой? Это зависит от того, о чем мы говорим: о том, что хорошо или о том, что справедливо.

Многие из нас в Западной Европе и Америке чувствуют, что наши экономики далеки от справедливости, хотя наши взгляды на справедливость несколько отличаются. Группа экономистов, десятилетия возглавляемая британским экономистом Энтони Аткинсом, полагает, что Запад находится в новом золотом веке неравенства по уровню доходов и благосостояния[2]. Основываясь на утилитаристском подходе Джереми Бентама, доходы более состоятельных групп перераспределяются в пользу более бедных до тех пор, пока не будет достигнута максимальная «общественная полезность». Однако открытым остается вопрос, отвечает ли эта доктрина интуитивному взгляду на то, что представляет собой справедливость.

В те же десятилетия философы проявили большой интерес к работе американского философа Джона Роулза. Его книга «Теория справедливости» принципиально отличается от теории Бентама, в ней экономическая справедливость связана с распределением «общественных благ», но для него это слово означает удовлетворение потребностей в благах и свободе, а не сумму «благ»[3]. Речь идет о тех условиях, на которых каждый участник вносит свой вклад в экономику общества. По мнению Роулза, справедливость требует от государства использования налогов и субсидий для того, чтобы вытянуть людей с низкими доходами на максимально

* Оригинал статьи: The New York Review of Books, 13.08.2015. What Is Wrong with the West's Economies?

[1] An early work of Atkinson's is *Economics of Inequality* (Oxford University Press, 1975); for a review of his most recent book, *Inequality: What Can Be Done?* (Harvard University Press, 2015), see Thomas Piketty, The New York Review, June 25, 2015. I was struck by a presentation by Atkinson, «The Social Marginal Valuation of Income», at the conference celebrating the seventieth birthday of Sir James Mirrlees, Clare College, Cambridge, July 28, 2006.

[2] *A Theory of Justice* (Harvard University Press, 1971). The book sees a society's economy as central to the people, arguing that they are drawn together by their desire for mutual gains from collaborating in its economy.

возможный уровень. Таким образом, наименее обеспеченные получают самую большую из возможных выгоду от сотрудничества людей в экономике.

Между этими двумя взглядами существует борьба. Идеи Бентама со временем трансформировались в корпоративистскую идею, согласно которой правительство должно предоставлять лучшие условия, будь то денежные или налоговые льготы, или бесплатные услуги определенным категориям, будь то корпорации, или союзы, или потребители, которые заявляют о подобных нуждах, до тех пор, пока предоставляемые преимущества не станут слишком дорого обходиться государству. Выполнение подобных требований от групп с различными интересами приводит к недостатку средств в государственной казне для нужд низкооплачиваемых работников.

Взгляды Роулза, действительно, практически не были поддержаны законодателями. В США налоговый кредит на заработанный доход был принят в 1975 г. Но он в основном компенсировал низкие доходы женщин с маленькими детьми. Ничего не делалось для низкооплачиваемых работников в целом и, в некоторой степени, налоговый кредит на заработанный доход на самом деле уменьшал и без того небольшую зарплату бездетных женщин и неженатых мужчин. В Европе некоторые страны тратят гораздо больше на субсидирование рабочих мест, чем в США, но статистический анализ не позволяет обнаружить его значительного влияния на уровень заработной платы или безработицы.

Незначительная или неэффективная политика привела к неблагоприятным, меняющимся на протяжении четырех последних десятилетий последствиям для рынка — главным образом это замедление производительности на Западе и, конечно, глобализация, в процессе которой производства с низким уровнем оплаты труда были перенесены в Азию — что в результате привело, не встретив сопротивления, к снижению занятости и размера заработной платы на нижнем уровне. Подобный спад стоил наименее обеспеченным слоям населения не только потери дохода, но и потери того, что экономисты называют «включенностью» («inclusion») — доступа к рабочим местам, предлагающим работу и зарплату на достойном уровне, обеспечивающем самоуважение. И самой по себе «включенности» уже недостаточно. В Америке чернокожим городским подросткам давно не хватает «включенности», во Франции в подобной ситуации находятся североафриканцы, в большей части Европы сделана лишь незначительная попытка включения народности рома (цыган).

Провал западных экономик означает провал экономики как науки. Классическая идея политэкономии состоит в том, чтобы допустить снижение уровня заработной платы до размера, диктуемого рынком, а затем предоставлять каждому «социальную поддержку» или «отрицательный подоходный налог», защиту от безработицы, бесплатную еду, жилье, одежду и медицинское обслуживание. Эта политика, даже осуществляемая гуманно (а обычно это не так), упускает из виду то, что, даже если мы обратимся к Западу уже начиная с эпохи Возрождения, многие люди давно почувствовали желание делать в своей жизни что-то помимо потребления товаров и услуг. Они хотят участвовать в сообществе, в котором могут взаимодействовать и развиваться.

Широко распространенная у нас политэкономия не учитывает само понятие «включенности»; она не исключает из рассмотрения любые средства покрытия дефицита. Моя монография и изданный сборник конференции — одни из немногих книг, публикующих результаты исследований о способах недопущения отсутствия включенности людей в экономику, в которой они будут удовлетворены своей работой[1].

[1] *Rewarding Work: How to Restore Participation and Self-Support to Free Enterprise* (Harvard University Press, 1997) and *Designing Inclusion: How to Raise Low-End Pay and Employment in Private Enterprise* (Cambridge University Press, 2003).

Специалисты сейчас говорят о несправедливости иного рода. Люди с достойной работой считают экономику несправедливой, если они или их дети не имеют реальной возможности подняться по социальной лестнице. В настоящее время двигаться вверх становится все трудней. Даже в золотой век многие магнаты поднялись из низших слоев населения. (Хотя ступени лестницы были высокими, по ней можно было подняться.) Ощущение несправедливости появляется от чувства неравенства возможностей: те, кто находится на высшей социальной ступени, используют свои связи для того, чтобы там остаться и быть уверенными, что их дети последуют за ними. Препятствие для вертикальной мобильности всегда одно и то же: барьеры конкуренции преодолеваются обеспеченными людьми, обладающими определенными связями, а также корпорациями, профессиональными ассоциациями, союзами и гильдиями.

Но правда состоит в том, что никакие действия в соответствии с идеями Роулза направленные на то, чтобы поднять нижнюю планку заработной платы и уровень занятости или ликвидировать несправедливые преимущества, не могут избавить наименее привилегированные слои населения от проблемы недостаточной включенности в экономику. Влияние спада производства и глобализации слишком велики. Более того, несмотря на то, что несправедливость западных экономик является вопиющей, она не должна рассматриваться как основная причина спада производства и глобализации. (Начнем с того, что спад производства начался в США в середине 1960-х, а резкое сокращение рабочих мест в более бедных странах произошло значительно позднее — с конца 1970-х до начала 1990-х.) Необходимо рассматривать более глубокие причины.

Несмотря на то, что справедливая экономика нужна для самоуважения и национальной гордости — Роулз рассматривает справедливость как важнейшее достоинство общества — справедливость это не все, что люди хотят от экономики. Они нуждаются не только в справедливой, но и в «хорошей» экономике. В течение нескольких десятилетий западные экономики не отвечают требованиям концепции «хорошей экономики» — экономики, предлагающей «хорошую жизнь», или «жизнь в богатстве», как называют это некоторые гуманисты.

Хорошая жизнь в обыденном понимании означает достижения мастерства в каком-либо занятии, которое позволит получить более выгодные условия или вознаграждение, будь то материальное, как богатство, или нематериальное — как то, что мы можем назвать «благоденствием». В понимании гуманистов и философов хорошая жизнь подразумевает использование своего воображения, творческих возможностей, исследование неизведанного, и воздействие на мир, то, что я называю «процветанием». Здесь выгода заключается в приобретении опыта, а не материальных наградах, хотя материальные блага могут быть средством для достижения нематериальных целей. Как писал Кабир Сехгал, «деньги — как кровь. Они нужны для жизни, но не являются ее целью»[1].

Как может «хорошая жизнь» преобладать в обществе? Исторически, как я пишу в своей книге «Массовое процветание»[2], благоденствие и процветание существовали в XIX в., когда экономики в Европе и Америке активно и динамично производили инновации. В ответ на вызовы и возможности постоянно развивающейся экономики, более предприимчивые участники рынка получали опыт решения новых проблем и преодолевали новые препятствия, возникающие в процессе внедрения инноваций: и именно эти люди достигали «благоденствия». Воодушевленные воз-

[1] Kabir Sehgal, *Coined: The Rich Life of Money and How Its History Has Shaped Us* (Grand Central, 2015).

[2] *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change* (Princeton University Press, 2013).

никшим духом динамизма, наиболее склонные к инновациям участники постоянно пытались придумать новые способы производства и новые продукты: эти люди «процветали».

Каковы были истоки этого динамизма? Он возник из-за развития благоприятной культурной среды. В XIX в. в Великобритании и Америке, а позднее в Германии и Франции культура исследования, экспериментирования и, в конечном итоге, инноваций, выросла из индивидуализма Возрождения, витализма эпохи барокко, экспрессионизма периода романтизма. Существенный прорыв в поэзии, музыке, изобразительном искусстве, т. е. в «креативном» секторе экономики, что неудивительно, привел к росту творчества в других ее секторах. В эти годы Джордж Стефенсон задумал паровую железную дорогу, Джон Дир — стальной плуг; Айзек Зингер разработал и выпустил лучшую швейную машину, Томас Эдисон разработал фонограф, братья Люмьер — кинематограф, а Флоренс Найтингейл осуществила реорганизацию больниц. Инновации, особенно в США, по свидетельствам очевидцев, процветали. Авраам Линкольн, находясь в поездке по Америке в 1858 г., заявил, что у страны есть «большая страсть — идеальная жажда «нового»[1].

Такими мощными инновации были из-за того, что не ограничивались одними элитами. Они пронизывали общество от наименее обеспеченных слоев до самого верха. Обычные люди могли быть вовлечены в инновации, большие и маленькие. Стефенсон был безграмотным, Дир — кузнецом, Зингер — машинистом, Эдисон был незнатного происхождения. Инновационные идеи были у людей с обычными способностями. Как я писал в книге «Массовое процветание», «даже люди с малыми и средними талантами ... получили возможность использования своего разума, чтобы решить проблему, придумать новый способ, создать новую вещь».

Опыт работы в такой динамичной экономике был, очевидно, положительным для многих людей — во всяком случае, гораздо лучше, чем в предыдущих экономиках. Дневники этого периода противоречат старой знакомой идее о том, что сельская жизнь во времена меркантилизма, с ее рутиной и изоляцией, лучше, чем современная жизнь на производствах и в городах[2].

Возможно, некоторым экономикам не хватало (и до сих пор не хватает) средств, чтобы обеспечить большей части населения уровень заработной платы, достаточный для благоденствия или преуспевания; или создать необходимое число рабочих мест с такими возможностями. Высокая заработная плата, низкий уровень безработицы и широкий доступ к привлекательной работе необходимы для «вполне хорошей» экономики, хотя и недостаточны. Материальные возможности экономики должны соответствовать распространению нематериальных возможностей, включая удовлетворенность от благоденствия и процветания, достигаемых посредством интересной, созидательной и даже творческой работы.

В то же время некоторые экономисты полагают, что обществу для счастья не нужен динамизм. Французы и итальянцы, кажется, находят вполне приемлемым, что в их экономиках в течение последних двух десятилетий не было инноваций, инициированных изнутри. Они довольствуются экономикой, способной только позволить глобальным силам рынка — включая достижения отечественной и зарубежной науки — поднять существующий уровень ставок заработной платы

[1] Abraham Lincoln, «Discoveries and Inventions», Young Men's Association, Bloomington, Illinois, April 6, 1858.

[2] See Emma Griffin, *Liberty's Dawn: A People's History of the Industrial Revolution* (Yale University Press, 2013). Her current work, as yet unpublished, has reached farther into the nineteenth century, where some of the findings are equally or more striking.

и поддерживать рыночный уровень прибыли. (На самом деле небольшой рост реальных доходов населения с недавних пор имеет место в развитых экономиках.) Но, с моей точки зрения, такая экономика выглядит жалко рядом с экономикой с явным благоденствием и процветанием, не говоря уже об экономиках со стремительными инновациями, как в прошлом на Западе. Как ни странно, этот вызывающий жалость тип экономики очень похож на описанные в классической экономике теоретические модели.

В классических моделях, которые я описываю, никто не пытается придумать что-то новое (кроме, возможно, новых прибыльных инвестиций), и никто не пытается это создать. Нет концепции деятельности человека, только ответы на вопросы заработной платы, процентных ставок и благосостояния. Экономика механическая, роботизированная. Благосостояние может расти, но нет личного роста. В классической модели Бентама, с ее «суммой благ», индивидуальности представлены как машины, работающие для того, чтобы внести свою лепту в общее благосостояние. Йозеф Шумпетер представляет, что «инновацию» создают идущие впереди предприниматели, которые «очевидным» образом применяют открытия, сделанные вне национальной экономики, как будто центральные участники национальной экономики не обладают воображением совсем.

Такие классические модели являются основой для современной стандартной экономики. Эта экономика, несмотря на некоторые сложности, не оставляет места экономике, в которой люди придумывают новые продукты и используют для их создания свои творческие способности. Наиболее фундаментальным из того, что «не так» с нашей экономикой является то, что концепция «быть настолько хорошим, насколько платят» считается нормой. В результате этого западные экономики становятся производными от такой базовой классической модели, где нет места для творческих способностей и воображения.

Примерно с 1970 г. или немногим ранее в некоторых случаях большинство континентальных экономик Западной Европы пришли к модели, которая больше напоминает механическую модель стандартной экономики. Большинство компаний высокоэффективны. Домохозяйства, кроме самых низкооплачиваемых или не имеющих постоянного заработка, постоянно экономят, тем самым с каждым годом увеличивают накопления, что продвигает их на более высокий уровень, особенно сильна эта тенденция в Италии и Франции, — намного выше, чем в Америке, если не говорить о сверхбогатых. А с ростом благосостояния домохозяйств снижается предложение рабочей силы и, как следствие, рабочие недели и доля работающих (от общего числа населения) также сокращаются.

Можно утверждать, что страны континента идут — в голову приходит Дэвид Герберт Лоуренс с его «вечным утомительным трудом» — по пути все возрастающего благосостояния, как это давно математически описал Фрэнк Рамсей. Это исследование вдохновлено влиятельным эссе Джона Мейнарда Кейнса, в котором тот расценивал снижение объема работы как освобождение человеческого духа[1]. Кейнс, кажется, полагал, что обычные люди неспособны к благоденствию или процветанию. Даже сейчас многие европейцы, кажется, не осознали, что, несмотря на сравнительно высокое благосостояние и наличие свободного времени, они бедны в условиях для «хорошей жизни»: экономика способствует благоденствию и процветанию. Причины этого снижения ясны.

В большинстве стран Западной Европы, насколько я могу судить, экономический динамизм сейчас находится на минимуме со времен его появления в XIX в. Создание

[1] See F.P. Ramsey, "A Mathematical Theory of Saving," *The Economic Journal* (1928), and J.M. Keynes, "The Economic Possibilities for Our Grandchildren," *The Nation and the Athenaeum* (1930, in two parts).

и разработка новых продуктов почти исчезли с континента — того континента, который был основным источником новых отраслей и образа жизни. Рост здесь остановился, эконометрические оценки внутренних инноваций — низкие. Фактическое исчезновение созидательной и творческой активности привело к снижению национальных инноваций и одновременно к снижению инвестиционной активности и спроса на труд.

Неутешительный уровень безработицы и отсутствие удовлетворенности работой в Европе — показатель плачевного состояния экономик. Опросы дают упрощенные ответы на вопросы о сложных чувствах; и неудивительно, что по недавним национальным опросам средний индекс счастья в Испании (54), Франции (51), Италии (48), и Греции (37) ниже, чем в так называемых странах с переходной экономикой — Мексике (79), Венесуэле (74), Бразилии (73), Аргентине (66), Вьетнаме (64), Колумбии (64), Китае (59), Индонезии (58), Чили (58) и Малайзии (56)[1]. Как я уже писал в статье о западной континентальной Европе, «экономика разрушает общество»[2].

Экономика США ненамного лучше. Два экономиста, Стэнли Фишер и Ассар Линдбек, авторы книги о «великом замедлении производительности», которое, по их мнению, началось в конце 1960-х[3]. Снижение роста капитала и рабочих сил одновременно, что называется «технологическим динамизмом», очевидно, и, за исключением лет «бума интернета», с 1996 по 2004 гг., оно не останавливалось; и стало значительно интенсивнее по сравнению с 1960-ми. Проведенное мной исследование показало, что замедление производительности приводит к существенному снижению заработной платы, доли работающего населения и, в некоторой степени, удовлетворенности работой. Заметно меньше людей достигает «хорошей жизни». (Как и в континентальной Европе, снижение производительности вызвало замедление роста заработной платы, и многие домохозяйства продолжали накапливать деньги за счет экономии, что значительно снизило их участие в экономике.) Так как снижение производительности в США началось раньше, то эффект еще более заметен.

В чем заключается механизм замедления производительности? Многие полагают, что значительный рост инноваций в Силиконовой долине привел к сокращению рабочих мест и замедлил повышение заработной платы на нижнем и среднем уровнях. Мы все можем наблюдать исчезновение книжных, музыкальных и других магазинов, а также печатных газет. Но если инновации в совокупности выросли, тяжело объяснить, почему рост «технологического динамизма» в целом однозначно идет вниз. Как писал много десятилетий назад Элвин Хансен, это «прекращение роста» или, как он это сформулировал, «катастрофическое» замедление инноваций в целом[4].

Правдоподобное объяснение этого синдрома в Америке — среди прочего, снижение производительности и сокращение удовлетворенности работой — в критической потере внутренних инноваций в таких индустриях, как традиционное производство и услуги, которая практически не компенсируется расцветом инноваций в новых индустриях — цифровой, медиа и финансовой. На просторах Срединной

[1] «People in Emerging Markets Catch Up to Advanced Economies in Life Satisfaction», Pew Research Center, October 2014. (Performing better were the UK at 58, Germany at 60, and the US at 65).

[2] «Europe Is a Continent That Has Run Out of Ideas», *Financial Times*, March 3, 2015.

[3] See Assar Lindbeck, «The Recent Slowdown of Productivity Growth», *The Economic Journal*, Vol. 93, N 369 (March 1983), and Stanley Fischer, «Symposium on the Slowdown in Productivity Growth», *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 2, N 4 (Fall 1988). Lindbeck begins, «The growth slowdown that began in the late 1960s or early 1970s is the most significant macroeconomic development of the last two decades».

[4] Alvin H. Hansen, «Economic Progress and Declining Population Growth», *The American Economic Review*, Vol. 29, N 1 (March 1939).

Америки такая потеря динамизма почти осязаема, и не только в часто упоминаемых в этой связи образовании и здравоохранении. Такие компании, как «Гугл» и «Фейсбук» могут предложить работу, дающую возможность или требующую использования воображения или творческих способностей, но вся Силиконовая долина целиком составляет лишь 3% национального дохода и еще меньше рабочих мест. После того как европейские экономики больше не смогли копировать американские инновации, синдром снижения производительности захватил и их — Францию и Италию в конце 1990-х, Германию и Великобританию к 2005 г. и т. д. То, что большая часть европейских экономик, кажется, находится в худшем положении по отношению к американской по доле занятого населения и степени удовлетворенности работой, дает Америке заметное преимущество и позволяет ей оставаться на шаг впереди.

Что же вызвало такое сокращение инноваций? Ни одного убедительного объяснения не существует. Тем не менее, в двух теориях есть доля истины. Одна указывает на сопротивление инновациям привилегированными классами. Их сила значительно выросла в Западной Европе и, в конечном итоге, в Америке в послевоенные десятилетия. Из-за корпоративных понятий экономического контроля и общественного договора, берущих начало в Древнем Риме, в некоторых сферах, таких как образование и медицина, ввели регулирование и лицензирование для пресечения экспериментов и изменений, таким образом приостановив инновации.

Ссылаясь на корпоративное понятие солидарности, компании, пострадавшие от инноваций — как GM от BMW и Toyota — могли получить помощь федерального правительства, чтобы вернуть свои прежние позиции. В результате, инноваторы — BMW и Toyota в моем примере — потеряли деньги. И теперь они дважды подумают, прежде чем снова пробовать ввести инновации на автомобильный рынок США.

Ссылаясь на корпоративистский принцип социальной защиты, сильные корпорации — их владельцы и заинтересованные лица — и целые индустрии, используя лоббистов, получали предписания и патенты, затрудняющие для новых фирм проникновение на рынок и конкуренцию с уже существующими. В результате рынок для новых компаний оказался закрыт, и лишь немногие сумели проникнуть в новые отрасли до того, как там тоже были установлены барьеры. И некоторые отрасли, защищенные от проникновения новых компаний, без опасности для себя могут пренебрегать инновациями. Мы можем видеть драматические примеры того, как эти барьеры защищают игроков рынка в фармацевтике и производстве медицинских устройств, где процесс одобрения Управления по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов (FDA) блокирует новых участников и крайне замедляет инновации. Те, кто уже находится на рынке, таким образом могут свободно поднимать цены, тем самым увеличивая прибыль и неравенство имущественного положения.

Мы можем проверить эту теорию. Статистическое управление министерства труда США относительно несельскохозяйственного бизнеса показывает, что доля трудового дохода снизилась с 66% с двойного пика в 1970-х до 61% в 1990-е и примерно к 58% в последнее время. Данные Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) по секторам бизнеса показывают рост доли капитала с 32,5% в 1971–81 гг. до 34,5% в 1995–97 в США и с 33,3% до 38,5% в Европейском союзе[1].

Вторая теория указывает на препятствование возможным инновациям со стороны семьи и школы. Так же как корпоративистские ценности контроля, солидарности и протекции препятствуют инновациям, так и традиционные ценности консерватизма и материализма часто препятствуют стремлениям молодежи организовать что-то новое. Школы в меньшей степени предлагают книги о приключениях и личном развитии. Родители с детства учат осторожности и призывают быть ближе к семье.

[1] OECD, *Economic Outlook*, December 1998.

Сейчас говорят о гиперопеке: необходимо вернуться к детям со «свободным выбором», которым позволено исследовать, изучать новое и рисковать[1]. После окончания обучения родители призывают детей выбрать стабильную работу с высокой зарплатой, а не в стартапе. Во многих университетах сейчас есть курсы об «ответственном инвестировании», но нет о рискованном.

Как западные страны могут достигнуть распространения благоденствия и процветания или восстановить его? Конкретные действия не помогут без нового осмысления: сначала люди должны понять, что стандартная экономика не ведет к процветанию — это лишь инструмент для повышения эффективности. Рост процветания населения требует экономики, в которой инновации активно происходят с самого низа. Для таких инноваций население должно активно изобретать и создавать новое, недостаточно только экономической свободы. И такой динамизм необходимо подпитывать общечеловеческими ценностями.

Среди конкретных мер, которые могли бы обеспечить процветание, выделяется реформа образования. Проблема здесь заключается не в том, что прививаемые навыки не соответствуют тем, на которые есть спрос. (Эксперты признают все более высокий уровень образования в сфере естественных наук, технологий, инженерного дела и математики, но, когда в Европе были созданы специализированные университеты, в этих областях инноваций не наблюдалось.) Проблема в том, что молодежь не учится видеть экономику как пространство, где участники могут придумывать новые вещи, где предприниматели могут хотеть их применять, а инвесторы могут рискнуть и поддержать некоторые из них. Большое значение имеет формирование у молодых людей такого видения экономики.

Также существенно, чтобы школы и колледжи учили студентов общечеловеческим ценностям, транслируемым через шедевры западной литературы, чтобы эти молодые люди хотели создать экономику, где будут предлагаться творческие и созидательные карьерные пути. Система образования должна давать студентам и гуманитарное знание, чтобы подпитывать стремление человека к созданию нового и, возможно, достигнуть инноваций. Такая переориентация общего образования должна быть подкреплена такими же изменениями в экономическом образовании.

Мы все должны перейти от классической фиксации на накоплении богатства и производительности к современной экономике, которая ставит в центр экономической жизни воображение и творческие способности.

[1] See Hanna Rosin, “The Overprotected Kid,” *The Atlantic*, April 2014, and Lenore Skenazy, *Free-Range Kids: How to Raise Safe, Self-Reliant Children (Without Going Nuts with Worry)*, (Jossey-Bass, 2009).

Квинт В. Л.

Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления

Квинт Владимир Львович

Иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой стратегии, территориального развития и качества жизни Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, член Бреттон-Вудского комитета и Всемирной академии искусств и науки
strateg@sziu.ru

РЕФЕРАТ

В статье показаны фундаментальные философские основы теории стратегирования. На основе анализа характерных особенностей философского и стратегического мышления обоснована их глубокая сущностная взаимосвязь, порождающая феномен стратегического самосознания. Доказана возможность, необходимость и пути формирования стратегического мышления с целью повышения эффективности управления, разработки оптимальных тактик и практических действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия, стратегирование, стратегический приоритет, стратегическое мышление, стратегическое самосознание, философское мышление, тактика

Kvint V. L.

Search and Investigation of Philosophical Base of the Theory of Strategy. Interrelation of Philosophical and Strategic Thinking

Kvint Vladimir Lvovich

Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics), Professor. Head of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life at North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Head of the Financial Strategy Department at the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University. Member of the Bretton Woods Committee and the World Academy of Art and Science
strateg@sziu.ru

ABSTRACT

Fundamental philosophical bases of the theory of a strategizing are shown in the article. Based on the analysis of characteristics of philosophical and strategic thinking their deep intrinsic interrelation generating a phenomenon of strategic consciousness is proved. Opportunity, necessity and ways of formation of strategic thinking for the purpose of increase of management efficiency, development of optimum tactics and practical actions is proved.

KEYWORDS

strategy, strategizing, strategic priority, strategic thinking, strategic consciousness, philosophical thinking, tactics

Практическая мудрость обеспечивает нам власть над другими.
Аристотель [1]

Важность истинно стратегического мышления и самой стратегии часто пренебрегается или игнорируется в современном мире. Хотя фактически стратегическое мышление использовалось сотни, а то и тысячи лет в военных и государственных центрах власти, знание и конкретное понимание феномена стратегии не существовало. Вот почему глубокие исследования генеалогии стратегии имеют принципиальное теоретическое и практическое значение. Удивительно, но мощь стратегии до сих пор остается недооцененной, неверно используется или неверно понимается большинством лидеров важнейших корпораций, правительственных и ведомственных структур власти. Даже разработка успешной навигации через мифы персональной жизни требует воспитания стратегического склада ума и знания правил построения сценариев и реализации стратегий. И именно в этой связи следует понимать мое аргументирование и утверждение, что важнейшим аспектом стратегического мышления и практики стратегирования можно и следует обучать. Поэтому лейтмотивом моего многолетнего исследования являются не только разработка теории стратегии и выявление ее философских корней и исторического прошлого, но также и выработка важнейших стратегических рекомендаций для организаций и их лидеров с целью изначального использования в процессах принятия корпоративных, государственных и военных краеугольных решений. Практические рекомендации, сделанные на основе этих исследований, особенно полезны для сохранения достигнутых успехов, преодоления трудностей и продвижения к новым приоритетам в сложном глобальном конкурентном мире и рыночном пространстве. Впечатляющие поражения в различных сферах человеческой активности могут быть связаны с преимущественным вниманием к тактическим, оперативным или рутинным решениям вместо фокусирования на выработке стратегических приоритетов, и выборе векторов, ведущих к долгосрочному успеху.

Начиная с работ столь ранних стратегов (даже не знавших, что они таковыми являются), как римский лидер и автор Фронтин (Froitinus) и византийский император Маврикий (Maurice), теория стратегии спорадически развивалась свыше двух тысяч лет. Тем не менее, стратегия как наука до сих пор в значительной степени находится в процессе формулирования. Систематизация основных блоков работ классиков Античного мира, Нового времени и работ современников — это и есть создание фундамента теории стратегии и практики стратегирования. Теоретики стратегии, ее практики и лидеры должны серьезно изучать, анализировать и глубоко понимать различные категории стратегического мышления и на этой основе их практическое видение будет совершенствоваться в сложных процессах разработки и реализации стратегий. В своей новой книге («Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications» (2016). New York, London: Routledge, 547 p.) я предпринял попытку инкорпорации важнейших разработок античных философских, классических и аналитических военных работ в современный процесс принятия решений в сфере лидерства [2]. Теория стратегии как любая теория должна изучаться от ее первоначальных истоков. Современные и грядущие лидеры могут многое подчерпнуть в античных работах, написанных в процессе рождения теории стратегии, — начиная с систематического изучения генезиса стратегии Древнего мира и вплоть до наших дней.

Несмотря на существование принципиальных различий между философским и стратегическим мышлением, эти феномены, взятые вместе, интегрированные, формируют взаимодополненное единое целое — мыслительный процесс стратегирования. Мои исследования этих процессов и отражающие их категорий находились и находятся под большим влиянием работ Аристотеля, Спинозы и других метафизиков, а также философского идеализма Гегеля и произведений античного философа Фило-

на Александрийского. Поиск истоков стратегии в пределах этих и некоторых других философских традиций, их преломление через свой сорокалетний опыт разработки и внедрения стратегий — стратегирования привело меня к выводу, что стратегический путь мышления ведет к формированию законченного и неделимого стратегического самосознания, в значительной степени согласованного с философским мировоззрением.

Стратеги ориентированы на целостное и взаимосвязанное мировосприятие. Вэтом смысле оба — глубокое понимание виденья и оценка окружающей среды и фактов — объединяют философов и стратегов. Тем не менее, философы более озабочены правдивыми заключениями, которые, что очень важно, подкрепляются проверенными фактами, и в этом смысле они в некоторой степени отличаются от стратегов, которые более озабочены еще неизвестными реалиями будущего, чем текущими процессами. Для стратегов факты не могут быть игнорированы, но они менее важны, чем для философов. Конечно, правильное понимание событий через призму стратегического мышления может, в широком смысле, помочь оценке выбранных стратегических перспектив и сценариев. Стратеги могут игнорировать текущие факты, поскольку их внимание должно быть направлено в будущее, где текущие факты и события могут быть забыты, признаны незначимыми или иметь меньшее влияние на будущую «реальность», чем казалось ранее. Деятельность стратега направлена на создание новых стратегических перспектив, приоритетов и сценариев, в условиях, когда «настоящее» не существует, а будущие факты остаются неизвестными, даже для стратегов, обладающих долгосрочным видением. К моменту разработки стратегии большинство будущих фактов остаются неизвестными; именно поэтому стратеги и философы отличаются тем, как они анализируют и делают выводы на основе этих фактов, а также тем, каким образом эти факты инкорпорируются в результаты их работы. Факты, которые всегда относятся к прошлому, необходимы стратегам для анализа и, что не обязательно, для включения в какой-либо формальный стратегический сценарий.

Стратегическое и философское мышление также произрастает из различных традиций и школ, различного уровня зрелости. Нет науки столь же зрелой, как философия. Стратегия, как теоретическая концепция, в отличие от большинства других наук, находится на начальных этапах своего развития. Философские идеи, обычно, являются результатом абстрагирования и включают в себя незначительное количество практических примеров, за исключением онтологической школы, которая значительно ближе к стратегии, чем любая другая философская школа. Изначальное наблюдение Платона (428–347) о несовершенстве мира является, по сути своей, онтологическим, что, для меня, является утверждением о его интерпретации фактов. В отличие от большинства философских школ, стратегическая мысль заключена в конкретных примерах, направленных на подтверждение стратегической точности. Наполеон (1769–1821 гг. н. э.) утверждал:

«Тактику, инженерную науку и артиллерию можно изучить по трактатам так же, как геометрию; но знание высот стратегической науки можно постичь только через опыт и изучение истории войн и сражений и великих вождей. Может ли грамматика научить нас сочинять песни Илиады или трагедии Корнеля? Эти уроки служат для объединения Ваших сил, чтобы не оставлять слабые стороны незащищенными, быстро захватывать контроль над важными точками; репутацией Вашей мощи сеять ужас, что ведет к верности и уверенности Ваши собственные силы» [3][1].

[1] Конкретно в данной цитате Наполеон не использовал термин «стратегия», но применил термин «la granda tactic», сделав различие между тактикой и большой тактикой. Однако переводчик D'Aguilar и здесь допустил излишнюю «свободу», переведя этот термин Наполеона как «наука стратегии». Но мне все-таки такой перевод представляется допустимым.

В этой цитате Наполеон рекомендует полководцам делать заключения не только на основе теории, но и используя свой стратегический опыт, а также стратегический опыт кампаний других полководцев. В отличие от Наполеона, философы, в основном, уделяют меньше внимания практике, зачастую осознанно предпочитая теоретические размышления практическому применению своих идей. Конфуций (551–479 гг. до н. э.) писал:

«Тремя методами мы познаем мудрость: во-первых, рефлексией, что наиболее благородно, во-вторых, подражанием, что наиболее просто, в-третьих, опытом, что наиболее тяжко» [4, p. 87].

На первый взгляд, эти два величайших мыслителя — Наполеон и Конфуций — прямо противоречат друг другу. В то время как один обращается к мудрости, а другой — к стратегии, их мысли устремлены к одному и тому же феномену. Обдумывая их работы, можно прийти к нестрогому интегрированному определению стратегии:

Стратегия — это мудрость, умноженная на точно выбранный вектор атаки с оценкой ресурсной ограниченности.

С этой точки зрения, образ мышления (и категоризации) стратега ближе к онтологическому образу мышления, изучающему фундаментальные закономерности и принципы реальности, как экономические, так и социальные. В стратегии, как науке, в отличие от философии, к настоящему времени сформировано значительно меньше правил и категорий, классификаций терминов, теорий, методов и методологии. Мой опыт изучения стратегии и философии приводит к выводу, что такие основополагающие категории онтологии, как пространство и время, являются господствующими и в теории, и в практике стратегии. С этой точки зрения, философские корни стратегии могут быть обнаружены еще в работах Платона (и его идеях, унаследованных, во многом, по-видимому, от Сократа), Аристотеля, Парменида и, позднее, Декарта, Спинозы, Хайдеггера и других метафизиков, развивающих теории рационализма, эмпиризма и органицизма. Корни всех этих теорий происходят из онтологии.

Представляется, что еще более теоретически интересным и практически значимым является анализ мыслей великих философов и стратегов, живших в близкие исторические периоды и в соседствующих районах, странах или частях света. Некоторыми из наиболее ранних письменных источников подобного рода являются работы искусного стратега-первопроходца Сунь-Цзы (544–496 гг. до н. э.) и философа Конфуция, живших в V–IV веке до нашей эры. Естественно, существуют лингвистические опасности анализа работ более чем 2,5-тысячелетней давности, написанных на древних языках. Также усложняет эти исследования и проблема аутентичности и оригинальности текста. Работы Сунь-Цзы были составлены и переписаны Сыма Цянем (145–86 гг. до н. э.), также известным как Великий Историк, спустя примерно 400 лет после жизни самого автора. Качество перевода древних трудов варьируется в зависимости от квалификации и таланта автора перевода. Например, в книге Сунь-Цзы «Искусство войны» («The Art of War»), Ральф Сауер (Ralph D. Sawyer) и Меи-Чан Ли Сауер (Mei-Chun Lee Sawyer) переводят предложение в первой главе, об основных пяти качествах полководца в военное время следующим образом: «Полководец должен обладать мудростью, доверием, благожелательностью, храбростью и строгостью» [5, p. 167]. Это же предложение в 2002 г. было переведено Джоном Минфордом (John Minford) более поэтично:

«Полководец — это
Мудрость
Честность
Сострадание
Храбрость
Суровость» [6, p. 4].

Этот пример наглядно демонстрирует, насколько сложно исследователям постичь истинный смысл работ великих древних философов и стратегов. В вышеприведенных цитатах одно древнее слово переведено двояко: Сауерами как «доверие» и Минфордом как «честность». Эти слова близкого значения, но обладают различным смыслом, особенно у стратегов. Доверие относится к тому, как люди воспринимают друг друга в контексте правдивости, которая является одним из ключевых правил и принципов для стратега. Честность демонстрирует такое внутреннее качество, как добродетель. Доверие сопутствует честности. Считать же эти два термина идентичными является ошибкой. Если стратег соглашается разработать, например стратегию производства оружия массового поражения, то результат этой работы должен заслуживать доверие профессионалов. С другой стороны, если стратегия противоречит моральным принципам стратега, то он не должен соглашаться разрабатывать такую стратегию. В случае, если он все же соглашается, он должен пренебречь моральными принципами и честно направить все свои усилия на разработку стратегии, вызывающей доверие заказчика. Вышеперечисленное — всего лишь несколько примеров ловушек, с которыми сталкиваются стратеги, изучающие древние тексты с целью их применения в современном понимании и использовании в теоретических исследованиях и на практике.

Тем не менее, эта цитата корреспондируется с тем, что известно, как пять ключевых добродетелей Конфуция: человечность (т. е. сострадание), мудрость и искренность (т. е. честность). Даже из этой короткой цитаты становится очевидным, что глубокие стратегические мысли включаются в те же категории, которые обеспечивают основы философских мыслительных процессов и глубокого понимания реальности. Еще более интересно отметить, что Аристотель (384–322 гг. до н. э.), живший около 150 лет после Сунь-Цзы и Конфуция в другой и далекой части света, и который, очевидно, ничего не слышал об этих гениальных китайцах, также использует аналогичные основные категории. Обладая различными опытом и практикой, все они определяют идеи, используя близкий категориальный аппарат. Этих троих гигантов объединяет отношение к их регионам, государствам и военным традициям. Многие мысли Аристотеля, признаваемые нами стратегическими, вероятнее всего происходят из процесса обучения Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.) и анализа опыта одержанных им побед. Для сравнения, Сунь-Цзы анализировал свой личный опыт военного руководства. Конфуций, вероятнее всего, также анализировал законы и практики, распространенные в провинциях, в которых он жил. Конфуций, также занимавший различные должности в правительстве, жил в тот период, когда несколько династий находились одновременно в состоянии постоянной войны. Эти военные практики, скорее всего, влияли на его стратегический анализ. Безусловно, эти выдающиеся философы, а фактически являющиеся также и стратегами понимали сложную и важную взаимосвязь между этими двумя доменами мышления.

Вопреки тому, что большинство философов не формулируют ясных и специфических стратегических рекомендаций, изучение и выявление в их философских трактатах или трудах стратегических идей всегда обогащает практику стратегирования. Современные стратеги могут усовершенствовать свой опыт, экспертизу и деятельность через анализ работ и достижений древних и современных лидеров. Если практики стратегии, государственные деятели, военачальники и руководители бизнеса изучают опыт известных успешных военных, политических и деловых лидеров, то теоретики стратегии создают для них методологии, как в своих теоретических работах, так и в практических рекомендациях. В дополнение к упомянутому выше трактату «Искусство Войны» в переводе Сауеров и Джона Минфорда я изучал и русский перевод этой книги, выполненный академиком Российской академии наук Николаем Конрадом.

Конрад перевел название книги Сунь-Цзы как «Трактат о военном искусстве», ссылаясь на философскую суть работы. После прочтения всех трех этих переводов я пришел к выводу, что наибольшее практическое значение этой книги передает такое ее название: «Стратегия силы». В современном мире эта книга редко используется в военном деле, но высоко ценится и изучается в сфере бизнеса. Непрекращающийся интерес к работе Сунь-Цзы связан с ее практической ценностью не только в сфере бизнеса, но и для военных и государственных лидеров, заинтересованных в стратегическом успехе. Этот манускрипт полезен для любого человека, заинтересованного в выборе направления своего личного развития.

Такие гениальные лидеры, как Александр Великий и Наполеон, развивали свои выдающиеся способности в первую очередь на основе изучения теоретических работ или общения с выдающимися учителями. Их военный талант развивался в процессе прохождения длительного обучения. Отец Александра Великого, Филипп II Македонский, не мог найти более подходящего учителя для своего сына, чем величайший философ и мыслитель всех времен Аристотель. Наполеон часто и с восхищением вспоминал своих учителей в *Ecole Militaire* (Военная академия).

Продолжая изыскания и изучение эпистемологических корней стратегического мышления и аккуратность переводов научных трудов и трактатов с древних языков, полезно также обратиться к изучению соответствующих разделов и аспектов священных писаний. Даже наиболее часто читаемые в мире тексты, сущностно имеющие отношение к обсуждению предмета стратегии, доступны через множественные переводы, в некоторых из которых при этом используется термин «стратегия», в других же — нет. Например, в Ветхом Завете, тексте, священном как для иудеев, так и для христиан, а также имеющем важное значение для мусульман, описываются проблемы стратегии. В 18-м псалме Второй книги царей, Изекиэль, легендарный царь Иудеи, посылает представителей к царю Ассирии с посланием, подчеркивающим его «стратегическое» преимущество. Ассирийский царь впечатлен и посылает своего полевого командира спросить: «Вы говорите, что обладаете стратегической и военной силой — но все это лишь пустые слова. На кого вы полагаетесь, восстав против меня?» (Вторая книга Царей, 18:20) [7].

Даже тогда сильные лидеры признавали равную важность военной силы и стратегии! Однако это предложение читается иначе в переводе XVII в., выполненного 47-ю переводчиками под патронажем короля Якова I Английского: «Ты сказал (но это пустые слова), что у тебя есть „совет“ и мощь для войны. Так кому ты доверяешь, что решил восстать против меня?» [8]. В одном переводе используется термин «стратегия», в другом — «совет». Тем не менее, можно сделать вывод, что, по крайней мере, в этом примере «совет» имеет значение стратегического совета. С другой стороны, у Изекиэля не было бы причины упоминать это рядом (и даже в соответствующем контексте, что более важно) с военной мощью. Современному читателю важно оценивать эти переводы наилучшим способом, уделяя особое внимание контексту, в котором используются соответствующие термины.

Говоря теоретически, Изекиэль был прав и аккуратен, помещая стратегию (или стратегический совет) перед прямой военной силой как более устрашающий аргумент. Подобным образом высказывается и Сунь-Цзы:

«Следовательно, высшее совершенство не в том, чтобы одержать сотню побед в ста сражениях; покорить армию врага без сражения — вот высшее искусство.

Таким образом, лучшая военная стратегия состоит в том, чтобы сначала атаковать планы врага, затем его союзников, а затем армию, а худшей стратегией является атака укрепленных городов врага» [5, p. 177].

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.) высказывал идеи, подобные данному постулату Сунь-Цзы (согласно переводу Джона Картера (John Carter)) спустя почти 500 лет после гениального китайца, и вероятнее всего, не имея представления о работах Сунь-Цзы или словах Изекиэля[1]: «Для генерала победа с помощью „стратегии“ не менее важна победы с помощью армии» [9, 1:72]. В 1869 г. У. А. Мак-Девитт (W. A. McDevitte) и У. С. Бон (W. S. Bohn) перевели ту же работу Юлия Цезаря, однако использовали вместо термина «стратегия» термин «тактика». Термин «тактика» часто описывается как составная часть более значительного и объемного термина «стратегия» (однако стратегические и тактические решения по своей сути принципиально различаются и с точки зрения временного горизонта, и методологии мышления). Стратегия может направлять множество тактик, хотя это определение вновь становится недостаточно адекватным и непрактичным при использовании переводов древних текстов.

Литература/References

1. Aristotle (2001). Basic Works of Aristotle. R. McKeon (Ed.) and W.R. Roberts (Trans.). New York: Modern Library, p. 1371 b.
2. Kvint Vladimir (2016). Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. New York, London: Routledge, 547 p.
3. Napoleon. (1987). Military Maxims of Napoleon. G. D' Aguilar (Trans.).
4. Handbook of Reflection and Reflective Inquiry. NY: Springer.
5. Sun-Tzu (1994). The Art of War. R.D. Sawyer and M.L.Sawyer (trans.). Boulder, CO: Westview Press.
6. Tzu, Sun (2002). The Art of War. J. Minford (Trans.). NY.
7. New International Version (2011). Grand Rapids, MI: Zondervan
8. King James Version (2007). Naples, FL: Trident Reference Publishing
9. Gains Julius Caesar (1998). The Civil War. (J. Carter, Trans.). New York, NY: Oxford University Press.

[1] Я не знаком с какими-либо историческими источниками, подтверждающими доступность Ветхого Завета (Торы) в переводе на латинский в период жизни Цезаря. Он, в принципе, мог бы читать это Священное писание на древнегреческом, однако никаких исторических подтверждений этому пока что не обнаружено.

Шамахов В. А., Балашов А. И.

Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России

Шамахов Владимир Александрович
Директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доктор экономических наук, профессор
Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса
director@sziu.ru

Балашов Алексей Игоревич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
Руководитель научно-образовательного направления «Государственное и муниципальное управление»
Доктор экономических наук, профессор
aleksey.i.balashov@gmail.com

РЕФЕРАТ
В статье анализируются причины перехода российской экономики с 2013 г. к затяжной стагнации, перешедшей в настоящее время в стагфляцию. Авторы рассматривают последствия смены сформировавшейся в 2000-е годы в России модели роста, базировавшейся на превращении нефтегазовых сверхдоходов во внутренний спрос, а также комплекс геополитических факторов, неопределенность состояния которых негативно сказывается на экономическом и социальном развитии современной России. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, что реальный потенциал роста Российской Федерации в настоящее время коренится в наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, развитии евразийской интеграции и укреплении Шанхайской организации сотрудничества посредством инструментов «мягкой силы» — науки, образования, межкультурных обменов, единых профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов, особенно в сфере публичного управления, корпоративного менеджмента и экономики. В статье обоснована гипотеза о том, что сила гуманитарного сотрудничества, выстроенная вокруг уникальной полиэтичной российской цивилизации, способна в современных условиях вывести стратегию экономического и социального развития России на трек устойчивого роста. В заключении статьи авторами сформулирован ряд конкретных предложений по продвижению евразийской интеграции в сфере формирования общих профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов в области государственного и муниципального управления, часть из которых уже реализуется в Северо-Западном институте управления РАНХиГС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
государственная политика, геополитические факторы, экономический рост, реиндустриализация, евразийское экономическое пространство, Шанхайская организация сотрудничества

Shamakhov V. A., Balashov A. I.

The New Geopolitical Reality and Its Impact on the Strategy for Economic and Social Development of Russia

Shamakhov Vladimir Alexandrovich
Director of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Doctor of Science (Economy), Professor
State Councilor of the Russian Federation of the 1st class
director@sziu.ru

Balashov Aleksei Igorevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
Head of the Scientific and Educational School "State and Municipal Management"
Doctor of Science (Economy), Professor
aleksey.i.balashov@gmail.com

ABSTRACT
The article analyzes the causes of the transition of the Russian economy from 2013 to the prolonged stagnation has passed now in stagflation. The authors examine the effects of change emerged in the 2000s. Russia's growth model based on the conversion of oil and gas windfall in domestic demand, as well as a complex geopolitical factors, the state of uncertainty that adversely affects the economic and social development of modern Russia. In the result of the analysis the authors conclude that the real growth potential of the Russian Federation is now rooted in building the «weight» of Russia in the Eurasian geopolitical, economic and cultural space, the development of the Eurasian integration and the strengthening of the Shanghai Cooperation Organization through the instruments of «soft power» — science, education, intercultural exchanges, common professional and educational standards and training programs, especially in the field of public administration, corporate management and economics. The article substantiates the hypothesis that the strength of humanitarian cooperation, built around a unique polietichnoy Russian civilization is able to bring the present conditions of economic and social development of Russia on track for sustainable growth. At the end of the article the authors formulated a number of concrete proposals on the promotion of Eurasian integration in the field of formation of common professional and educational standards and training programs in the field of state and municipal government, some of which are already being implemented in the North-West Management Institute of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration.

KEYWORDS
government policies, geopolitical factors, economic growth, de-industrialization, the Eurasian Economic Space, the Shanghai Cooperation Organization

В настоящее время процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углубляется разрыв между уровнями благосостояния стран, усиливается борьба за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает также ценностные модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы[1].

Проведение в этих условиях Россией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления. Поддержка США с Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине привела к возникновению вооруженного конфликта непосредственно у границ с Россией и способствовала повороту стратегии экономического и социального развития России.

Сформировавшаяся в 2000-е годы в Российской Федерации модель роста базировалась на превращении нефтегазовых сверхдоходов (общая величина которых за 2000–2013 гг. превысила 2 трлн долл.) во внутренний спрос. По мере того как

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г. № 1 (ч. II), ст. 212, п. 13.

главным двигателем экономического роста становился приток в страну доходов и капитала, экономическая политика правительства все больше концентрировалась на вопросах распределения этих ресурсов. Поддержка роста проводилась преимущественно за счет создания госкомпаний и выделения финансовых ресурсов на льготных условиях. Создаваемые государством государственные и квазигосударственные компании, как правило, имели существенно искаженную мотивацию. Они были менее заинтересованы в получении прибыли, их коммерческая деятельность во многих случаях сочеталась с выполнением публичных функций «агента правительства», у них была слабее ответственность за результаты своей деятельности, поскольку их убытки всегда могли быть тем или иным образом покрыты правительством. Существование у компаний таких мягких бюджетных ограничений, проявляющихся в возможности получать кредиты на нерыночных условиях, ослабляло их стимулы повышать свою производительность, сокращать издержки, поскольку они могли быть сравнительно легко включены в их цены [9, с. 22–23].

Воссоединение в марте 2014 г. Крыма с Россией, не признанное мировым сообществом и повлекшее несколько пакетов международных санкций, знаменовало собой окончание «модели импортирования роста» [9, с. 33]. Заметим, что переход к стагнации и стагфляции российской экономики начался еще при высоких ценах на нефть (108 долл. за баррель в 2013 г. и 98 — в 2014 г.), устойчивом валютном курсе рубля и до введения санкций, которые реально стали влиять на экономический рост лишь с сентября 2014 г. Без серьезного негативного внешнего влияния темпы экономического развития страны сократились в 3–5 раз, стали снижаться инвестиции, в 1,5 раза ускорилась инфляция, вдвое (с 5,5 до 10,5%) возросла ключевая ставка Центрального банка РФ (ЦБ РФ) и намного подорожали все кредиты. Все это, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, явилось результатом неадекватной внутренней экономической политики, которая с 2012 г. пошла вразрез с указом Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике»[1]. Вместо выполнения поставленной в указе задачи наращивания доли инвестиций в ВВП страны с 21% в 2012 г. до 25% к 2015 г., инвестиции в 2012 г. выросли лишь на 6,8%, после чего их рост в составе госбюджета и государственных корпораций (Газпром, Роснефть, Ростехнологии и др.) стал стремительно сокращаться в 2013–2014 гг., и особенно в 2015 г. К снижению экономического роста и стагнации привело и повышение ключевой ставки ЦБ РФ (до уровня до 17% в декабре 2014 г. и 11% с августа 2015 г.), что сделало затруднительным финансирование предприятий реального сектора экономики [1].

Переход российской экономики к затяжной стагнации, а затем и стагфляции (после роста ВВП на 4% в 2010 и 2011 гг., в 2013 и 2014 гг. темпы роста продемонстрировали затухающую динамику — 1,3% и 0,6%, соответственно, а в 2015 г. российская экономика сократилась на 3,6%) и накопившиеся к началу 2014 г. негативные тенденции (недоверие бизнеса, его низкая деловая активность и спад инвестиций, хронический отток капитала за рубеж, сокращение бюджетных обязательств, разрастание в экономике неэффективного государственного сектора и ослабление рыночных институтов) [2, с. 8] сделали неизбежным переход к сценарию мобилизационного развития, развороту России в сторону стратегии реиндустриализации и импортозамещения, развития не за счет растущего внутреннего спроса, а за счет «накачки» экономики бюджетными деньгами.

При этом, как было показано ранее [4], если необходимость новой индустриализации — то есть воссоздания реального сектора национальной экономики — не

[1] Указ Президента РФ «О долгосрочной экономической политике» от 07.05.2012 г. № 596 // «Российская газета» от 09.05.2012 г. № 102.

вызывает вопросов внутри политического класса и экспертного сообщества, то рецепты реализации этой экономической стратегии сильно разнятся.

По мнению «экономических либералов» [2; 9 и др.], выбор мобилизационной модели экономического развития с опорой на реиндустриализацию и воссоздание импортозамещающих производств, ориентированных на выпуск, критичной для обороноспособности и безопасности страны, продукции, приведет к перекачке ресурсов от потребления на госинвестиции, от эффективных к неэффективным предприятиям, что после кратковременного роста обернется быстрым истощением ресурсов и переходом к более глубокой рецессии или спаду [2, с. 33]. Реиндустриализация, по мнению либералов в российском правительстве, должна опираться на малый и средний бизнес при одновременном снижении доли государственных (или контролируемых государством) компаний. В противном случае новая индустриализация страны вызовет не рост экономики темпами, опережающими мировые, а диспропорциональное развитие крупных компаний при стагнации и постепенном исчезновении малых и средних бизнесов.

В свою очередь сторонники экономического дирижизма [3, 5 и др.] обращают внимание на то, что для перехода к новой индустриализации России потребуется провести «стратегическую национализацию командных высот экономики, их суверенизацию, дедолларизацию и деофшоризацию... в форме выкупной деприватизации», сформировать «экономику отечественных транснациональных корпорпаций», основанных на государственной и квазигосударственной формах собственности, и, в конечном счете, ввести в стране планово-регулируемый механизм ценообразования [5, с. 16–17]. Иными словами, вопрос о реиндустриализации, в конечном счете, является вопросом о роли государства в экономике — сохранении рыночно-ориентированной модели развития, основанной на частной собственности, свободных ценах и конкуренции экономических агентов, либо переходе к планово-административной модели хозяйствования.

Между тем источники роста по модели полупринудительной государственной индустриализации в стране отсутствуют. Успешные примеры ее реализации в СССР в 1930-е годы и в Китае в более поздний период основывались на существовавших в те годы у национальных экономик резервах дешевой рабочей силы и информационной закрытости советского и китайского общества. Все это обеспечивало высокие темпы роста при перекачке ресурсов из аграрной сферы в индустриальную при нетребовательности общества к качеству государственных институтов. Современная же Россия, как пишет В.А. Мау, демонстрирует случай так называемой «ловушки конкурентоспособности», когда дорогой труд (с учетом потребительного бума 2000-х годов и демографического провала 1990-х годов, в России к 2014 г. стоимость рабочей силы была одной из самых дорогих среди стран с формирующимися рынками) сочетается с плохими институтами (62-я позиция в рейтинге Doing Business за 2015 г.[1]) [10, с. 20].

В условиях глобализации на экономическое и социальное развитие страны сильное влияние оказывают факторы геополитики и геоэкономики [7], неопределенность которых негативно сказывается на современной России.

Большая неопределенность сохраняется применительно к санкциям США и Евросоюза по отношению к России в связи с событиями на Украине. Неизвестно, как долго сохранятся эти санкции — будут ли они ужесточены, как предлагают многие политики в США и Европе. Кроме конфликта, связанного с событиями на Украине, в течение 2015 г. возникли новые поводы для обострения отношений нашей страны с западными странами.

[1] Ведение бизнеса — 2015. Больше, чем эффективность: Доклад Всемирного банка [Электронный ресурс] // URL: http://russian.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2015 (дата обращения: 15.01.2016).

Во-первых, это ограниченное участие российских вооруженных сил (ВС РФ) в военной операции в Сирии, которое предопределяется двумя основными причинами: уже свершившимся фактом стратегического поражения американской кампании против запрещенного в России «Исламского государства» (ИГ) и быстрым ухудшением ситуации в Центральной Азии. Российская военная операция в Сирии позволяет в самом худшем случае отсрочить полномасштабную сухопутную войну с участием России в бывшей советской Средней Азии на годы, а в лучшем предотвратить ее. С российской точки зрения, поражения Асада повлечет за собой резкое усиление ИГ, которое сможет перебросить силы на другие направления и, в первую очередь, на территорию Афганистана и Таджикистана. А в случае дестабилизации Центральной Азии и начала там региональной войны полномасштабное вовлечение в нее России предопределено.

Отметим, что то противостояние, которое мы наблюдаем сейчас на Ближнем Востоке, началось с интервенции США и коалиции западных государств в Ирак в 2003 г. За падением режима Саддама Хусейна последовали фактическое отделение иракского Курдистана и возникновение суннитского сопротивления оккупантам, которое трансформировалось со временем в террористическое движение, включающее в себя множество разрозненных подпольных организаций. Постепенно в регионе возникло межконфессиональное противостояние военизированных ополченческих формирований суннитов и других исламских и околоисламских конфессий. Положение вещей усугубилось после начала организованной извне гражданской войны в Сирии. Апофеозом всего перечисленного стало возникновение «Исламского государства», в военное противостояние с которым в настоящее время в той или иной степени вовлечены все страны региона, включая Саудовскую Аравию, Йемен, Турцию и Иран.

Для России сирийская операция является вступлением в фактически неизбежную войну на относительно выгодных для нас условиях — вдали от границ бывшего СССР и без участия российских сухопутных войск. В настоящее время действия российских воздушно-космических сил (ВКС) представляют собой составную часть общевойсковой наступательной операции, главную роль в которой играет не Россия, а перевооруженные и обученные Россией и Ираном сирийские части, а также переброшенные в Сирию по воздуху иранские войска. Именно успешность их наступления будет критерием успеха всего предприятия. Пока наступление сирийской армии и ее иранских союзников при российской поддержке с воздуха развивается медленно.

Масштаб российских военных усилий в Сирии пока невелик. Российские военные силы, ведущие войну с ИГ, на данный момент представлены смешанной авиагруппой (фронтовые бомбардировщики Су-34 и Су-24М, штурмовики Су-25СМ, прикрывающие их истребители Су-30СМ, и вертолеты огневой поддержки Ми-24П), которая с 30 сентября 2015 г. наносит бомбовые удары с авиабазы «Хмеймим» в сирийской Латакии. Прочие силы (батальонная тактическая группа) осуществляют лишь охрану объектов, находящихся в глубоком тылу. В ноябре 2015 г., после официального признания трагедии с пассажирским авиалайнером А321 «Когалымавиа» (унесшей жизни 224 человек) терактом, Россия задействовала в сирийской операции стратегические бомбардировщики Ту-160 и Ту-95МС, ракетоносцы Ту-22М3, также ракетные корабли и дизель-электрические подводные лодки, оснащенные крылатыми ракетами 3М-14 ракетного комплекса «Калибр», которые атаковали цели террористов в провинциях Алеппо и Идлиб, а также атаковали в Ракке и Дэйр-эз-Зоре. Очевидно, что неконтролируемое расширение российского участия в войне с вовлечением в нее сухопутных войск является главной угрозой [6].

Во-вторых, это резко ухудшившиеся на фоне сирийских событий отношения России с Турцией, похоронившие проект российского газопровода в Европу через

территорию Турции («Турецкий поток»). После 24 ноября 2015 г., когда фронтовой бомбардировщик Су-24М российских ВКС при выполнении боевого вылета над территорией Сирии (в 4 км от турецкой границы) был сбит истребителем турецких ВВС F-16 (пилот бомбардировщика, а также один российский морской пехотинец, принимавший участие в спасательной операции, погибли), в отношениях России с Турцией началась открытая эскалация. Боевые вылеты российских бомбардировщиков в Сирии впредь осуществляются только под прикрытием истребителей. Усилена противовоздушная оборона — в прибрежной части сирийской Латакии на боевое дежурство встал крейсер российского Черноморского флота «Москва», оснащенный системой ПВО «Форт», аналогичной С-300 (в январе 2016 г. ему на смену пришел крейсер «Варяг»). В отношении турецких товаров и компаний на территории России были введены экономические санкции. Контакты с Турцией по военной линии прекращены.

В-третьих, продолжающееся снижение мировых цен на нефть, по мнению экспертов, носит долгосрочный характер. Со 115 долл. в июне 2014 г. стоимость барреля нефти марки Brent упала к январю 2016 г. до отметки ниже 30 долл. Отмена эмбарго на торговлю нефти с Ираном позволяет ему выбросить на мировой рынок значительное количество нефти, усилив тем самым давление на рынок со стороны предложения. Между тем мировой спрос на нефть снижается прежде всего из-за замедления экономического роста в Китае, крайне низких темпов роста в европейских странах — крупных нефтяных импортерах, а также развития технологий энергосбережения в США и Европе. На фоне нежелания Саудовской Аравии и других стран ОПЕК сокращать объемы добычи нефти, сохраняющийся переизбыток предложения нефти на мировом рынке является главной причиной поддержания низких цен на нефть. Стабилизация цены на нефть в районе 45–50 долл. за баррель, ожидаемая в среднесрочный период большинством экспертов, формирует для России ситуацию «новой экономической реальности» [8].

В-четвертых, при серьезной внешнеполитической и экономической переориентации России в последние годы на Восток усиливается зависимость нашей страны от инвестиций, прежде всего в топливно-энергетический комплекс, со стороны Китая [12]. Между тем заметное замедление развития китайской экономики, продолжающаяся девальвация юаня, происходящие обвалы фондового рынка в Китае — все сильнее отрицательно влияют на наше развитие. В 2015 г., несмотря на объявленное Россией стремление увеличить товарооборот с Китаем вдвое, он, напротив, сократился на треть. Намеченные поставки в Китай нефти и газа по трубопроводу «Сила Сибири» требуют невиданных для нашей страны инвестиций, суммарно приближающихся к 100 млрд долл. Заметим, что в настоящее время (даже несмотря на санкционные ограничения) наиболее значимой для нас является торговля с Европейским союзом. Разница между экспортом и импортом товаров в ЕС за 9 мес. 2015 г. составила почти 80 млрд долл. в нашу пользу, то есть более 60% положительного сальдо торгового баланса. Еще порядка 18 млрд долл. составил товарооборот со странами СНГ, 12 млрд — Турцией, по 6 млрд долл. — Южной Кореей и Японией. Напротив, с Китаем Россия имеет отрицательное сальдо торгового баланса (превышение импорта над экспортом) в размере больше 4 млрд долл.[1].

Таким образом, новая геополитическая реальность содержит серьезные риски для экономического и социального развития России. Значительное снижение инвестиций в 2015 г. тянет экономику вниз. Наступивший 2016 г. может оказаться

[1] Бжезинский Д. Почему разворот на Восток не избавит экономику России от кризиса [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-xecutive.ru/finance/business/1984437-pochemu-razvorot-na-vostok-ne-izbavit-ekonomiku-rossii-ot-krizisa? (дата обращения: 15.01.2016).

тяжелее предыдущего из-за накопленного масштаба падения, в том числе уровня жизни — сокращения реальных зарплат, экономии на потреблении и невозможности его поддержать за счет кредитных ресурсов (ЦБ РФ ожидает нулевой динамики кредитования физических лиц), общего снижения качества жизни при продолжающейся архаизации экономики. Экономика, достигшая, по оценкам Минэкономразвития РФ, дна в июне 2015 г., в ноябре снова начала спуск. Если не произойдет быстрого отскока цены нефти, то вторая волна кризиса запустит процесс новой адаптации с сокращением издержек бизнеса, ростом безработицы, падением зарплат и потребления: это выльется в более глубокую и продолжительную рецессию. Сокращение потребления станет основным фактором спада ВВП — никаких других способных этот процесс компенсировать не наблюдается. Между тем, в преддверии электорального цикла сентября 2016 г. власти, скорее всего, пойдут на дополнительную индексацию социальных расходов. После тяжелого первого полугодия это может поддержать потребление и экономику наряду с ожидаемым ростом цены нефти: во втором полугодии 2016 г. экономика может перейти к восстановлению.

Как заявил на прошедшем 13–15 января 2016 г. в РАНХиГС Гайдаровском форуме экс-министр финансов РФ А. Л. Кудрин, Россия вошла в полосу, когда наиболее острыми из всех проблем становятся социальные проблемы. Рост числа бедных (по данным Росстата, за январь — сентябрь 2015 г. число людей с доходами ниже прожиточного минимума составило 14,1% населения против 12,6% за тот же период 2014 г.) и демографические дисбалансы (сокращение числа работающих при увеличении количества пенсионеров) являются ключевыми структурными проблемами российской экономики. У бюджета больше нет возможности для повышения социальной поддержки, а ее поддержание на текущем уровне будет означать рост бедности. С 2008 г. доля расходов бюджетной системы на социальную политику выросла с 9,1% до 14,3% ВВП, или на 5,2 пп. ВВП, из которых 3,9 пп. — это поддержка пенсионной системы. Из этих 3,9 пп. повышения пенсионных выплат половина была обеспечена ростом налоговой нагрузки, а вторая половина — сокращением государственных инвестиционных расходов. В итоге, как заявил А. Л. Кудрин, Россия оказалась в замкнутом порочном круге: рост социальной поддержки ведет к росту нагрузки на бизнес или сокращению расходов бюджета на человеческий капитал, что, в свою очередь, снижает экономический рост, а без экономического роста проблемы социальной поддержки будут только усугубляться[1]. Одно из давно необходимых, но крайне непопулярных в обществе решений — это повышение пенсионного возраста. Иначе у российского бюджета просто не хватит налогов, когда число пенсионеров сравняется с налогоплательщиками. Только с 2016 г. число экономически активного населения снизится на 1 млн, а в 2017 г. — еще на 1 млн, при том что число пенсионеров увеличивается на 300–400 тыс. чел. ежегодно[2]. Без радикальных изменений в экономической и социальной политике российской экономике до 2030 г. грозит рост в 1–1,5% в год с постепенным снижением своего удельного веса в мировой экономике.

В этих условиях актуально подумать над тем, где у российской экономики и государства еще остался реальный потенциал роста. Не претендуя на оригинальность ответа на данный вопрос, авторы обосновано полагают, что он коренится в дальнейшем наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, повышении роли Российской Федерации в формирующемся полицентричном мире.

---

[1] Кувшинова О. Мы попали в замкнутый порочный круг // [Электронный ресурс] // URL: http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/13/623856-kudrin-krug/galleries/140737488855728/normal/1 (дата обращения: 15.01.2016).

[2] Там же.

Несмотря на продолжающееся санкционное давление, Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защиты своих соотечественников за рубежом. Украинский и сирийский конфликты, урегулирование «атомной проблемы» Ирана продемонстрировали возросшую роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях. Участие российских ВКС, кораблей и подводных лодок ВМФ в антитеррористической операции в Сирии стало убедительной демонстрацией нового качества и возможностей Вооруженных сил страны, реформированных под руководством Верховного главнокомандующего страны В. В. Путина.

Формирование Евразийского экономического союза (ЕЭС) открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве. Российская Федерация всемерно способствует укреплению Союза в целях дальнейшей интеграции, стабильного развития, всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик государств — членов ЕЭС в рамках глобальной экономики, а также в целях повышения жизненного уровня их населения, обеспечения свободы перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Российская Федерация придает важное значение наращиванию политического и экономического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулированию в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии, а также развитию взаимодействия с государствами — членами, наблюдателями и партнерами ШОС[1].

Немаловажную роль в развитии евразийской интеграции и укреплении ШОС играет наращивание инструментов «мягкой силы» — науки, образования, межкультурных обменов, формирования единых профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов для стран ШОС, особенно, в сфере публичного управления [11], корпоративного менеджмента и экономики. По сути сила гуманитарного сотрудничества, выстроенная вокруг уникальной полиэтичной российской цивилизации (симбиоза русской, тюркской, кавказской, сибирской и иных культур) — это то, что способно вывести в современных условиях стратегию экономического и социального развития России на трек устойчивого роста.

В заключение сформулируем ряд конкретных предложений, часть из которых уже получают свою практическую реализацию в Северо-Западном институте управления РАНХиГС:

- создание в Санкт-Петербурге при СЗИУ РАНХиГС и Межпарламентской ассамблеи стран СНГ Ассоциации вузов стран ШОС по направлению «Управление и экономика»;
- развитие совместных со странами ШОС, а также иными государствами постсоветского пространства программ дополнительного профессионального образования государственных служащих (в СЗИУ РАНХиГС данное направление активно реализуется на базе Факультета ДПО «Высшая школа государственного управления»);
- формирование на базе бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление» совместных студенческих групп, где обучались бы студенты из России, Казахстана, Киргизии, Армении и других стран ШОС и СНГ (работа по формированию подобных групп в настоящее время активно ведется на Факультете государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС).

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г. № 1 (ч. II), ст. 212, п. 91–92.

Литература

1. *Аганбегян А. Г.* О преодолении существующей рецессии и стагфляции: Открытая лекция. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2015.
2. *Акиндинова Н. В., Ясин Е. Г.* Новый этап развития экономики в постсоветской России: Доклад к XVI Апрельской международ. науч. конференции по проблемам развития экономики и общества, 7–10 апреля 2015 г. М. : Высшая школа экономики, 2015.
3. *Амосов А.* Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014. № 2. С. 3–12.
4. *Балашов А. И., Мартьянова Я. В.* Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 31–44.
5. *Губанов С.* Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3–32.
6. *Кашин В.* Большая игра: зачем России война в Сирии // Ведомости. 09.10.2015 г. № 3935.
7. *Квинт В. Л.* Стратегирование в современном мире. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
8. *Крашенинников Ф.* Внешнее и внутреннее: политика наизнанку // Ведомости. 08.10.2015 г. № 3934.
9. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
10. *Мау В. А.* Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 4–23.
11. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4 (44). С. 6–15.
12. *Kvint V.* Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge NY, London, Sydney, 2015.

References

1. Aganbegyan A. G. *About overcoming the current recession and stagflation* [O preodolenii sushchestvuyushchei retsessii i stagflyatsii]: Open lecture. SPb. : SZIU RANHiGS. 2015. (rus)
2. Akindinova N. V., Yasin E. G. *A new stage of economic development in post-Soviet Russia* [Novyi etap razvitiya ekonomiki v postsovetskoi Rossii]: Report to the XVI April international Science Conference on Economic and Social Development, 7–10 April 2015. M. : Higher School of Economics [Vysshaya shkola ekonomiki]. (rus)
3. Amosov A. *About the economic mechanism of the new industrial development* [Ob ekonomicheskom mekhanizme novogo industrial'nogo razvitiya] // The Economist [Ekonomist], 2014. N 2. P. 3–12. (rus)
4. Balashov A. I., Martiyanova Ya.V. *Re-industrialization of the Russian economy and the development of military-industrial complex* [Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki i razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa] // Economy questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 9. P. 31–44. (rus)
5. Gubanov S. *Neoindustrialization Russia and Poverty Sabotage her Critics* [Neoindustrializatsiya Rossii i nishcheta ee sabotazhnoi kritiki] // The Economist [Ekonomist], 2014. N 4. P. 3–32. (rus)
6. Kashin V. *Big game: why Russia war in Syria* [Bol'shaya igra: zachem Rossii voina v Sirii] // Vedomosti. 09.10.2015. N 3935. (rus)
7. Kvint V. L. *Strategy development in the modern world* [Strategirovanie v sovremennom mire]. SPb. : SZIU RANHiGS, 2014. (rus)
8. Krasheninnikov F. *External and internal: politics inside* [Vneshnee i vnutrennee: politika naiznanku] // Vedomosti. 08.10.2015. N 3934. (rus)
9. Kudrin A., Gurvich E. *The new model of growth for the Russian economy* [Novaya model' rosta dlya rossiiskoi ekonomiki] // Economy questions [Voprosy ekonomiki], 2014. N 12. P. 4–36. (rus)
10. Mau V. A. *Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012* [Mezhdu modernizatsiei i zastoem: ekonomicheskaya politika 2012 goda] // Economy questions [Voprosy ekonomiki], 2013. N 2. P. 4–23. (rus)
11. Shamakhov V. A. *Towards a new system of vocational training of managers* [K novoi sisteme professional'nogo obucheniya gosudarstvennykh upravlentsev] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 4 (44). P. 6–15. (rus)
12. Kvint V. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications.* Routledge NY, London, Sydney, 2015.

Аганбегян А. Г.

Новая модель экономического роста России

Аганбегян Абел Гезевич
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Заведующий кафедрой экономической теории и политики
Академик РАН, доктор экономических наук, профессор
aganbegyan@ranepa.ru

РЕФЕРАТ
В статье проанализированы причины того, почему после успешных 3 лет по восстановлению основных показателей докризисного 2008 г. неожиданно произошел резкий спад российской экономики и ее переход сначала в стадию стагнации в 2013–2014 гг., а затем и к глубокой рецессии в 2015 г. с одновременным утроением инфляционного роста и удвоением дороговизны денег (повышение ключевой ставки Центрального банка РФ), приведший к негативному процессу стагфляции. Результаты анализа могут быть использованы для разработки обоснованных предложений по возобновлению социально-экономического развития Российской Федерации на базе новой модели экономического роста.

На основе этого анализа обосновываются предложения по переходу к новой экономической политике — политике форсированных инвестиций, вложения в человеческий капитал при стимулировании экономического роста и институционального реформирования по снятию барьеров, мешающих развитию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
экономический рост, народное хозяйство, инвестиции, стагнация, стагфляция

Aganbegian A. G.

New Model of Economic Growth of Russia

Aganbegian Abel Gezevich
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)
Head of the Chair of Economic Theory and Police
Academician of the Russian Academy of Science, Doctor of Science (Economics), Professor
aganbegyan@ranepa.ru

ABSTRACT
In the article are analyzed: the reasons of why after successful three years on restoration of the main indicators of pre-crisis 2008 unexpectedly there was a sharp recession of the Russian economy; moreover its transition at first to a stagnation stage in 2013–2014 and then and to deep recession in 2015. with simultaneous trebling of inflationary growth and doubling of high cost of money (increase of key interest rate of the Central bank Russian Federation) which led to negative process of stagflation. Results of the analysis can be used for development of reasonable offers on renewal of social and economic development of the Russian Federation based on new model of economic growth.

Based on this analysis offers on transition to new economic policy — policy of the forced investments, investments in the human capital locate at stimulation of economic growth and institutional reforming on removal of the barriers disturbing to development.

KEYWORDS
economic growth, national economy, investments, stagnation, stagflation

Развитие экономической ситуации в России в 2013–2015 гг.: причины и последствия

Снижение темпов роста валового внутреннего продукта России (ВВП) началось с I квартала 2012 г., когда по отношению к соответствующему периоду предшествующего года прирост ВВП составил 4,7%, снизившись к I кварталу 2013 г. почти в 7 раз (до 0,7%).

С 2013 г. российская экономика вошла в состояние стагнации. ВВП страны вырос в 2013 г. всего на 1,3%, рост промышленности прекратился (0,3%), инвестиции снизились на 0,3%, более значительно сократилось строительство и железнодорожные перевозки, а также экспорт и финансовый результат деятельности предприятий и организаций. Не достигнув даже 2/3 докризисного уровня, существенно просел фондовый рынок — снизилась рыночная капитализация крупных российских компаний.

В 2014 г. социально-экономическая ситуация в России заметно ухудшилась. Прирост ВВП упал вдвое в сравнении с 2013 г. и составил всего 0,6% за год. Инвестиции сократились уже на 2,5%, впервые снизились реальные доходы населения. На 3% сократился экспорт и на 8% — импорт.

Среднегодовая инфляция ускорилась с 5,1% в 2012 г., до 6,8% — в 2013 г. и до 7,8% — в 2014 г., достигнув 15% к концу 2014 г. С 2014 г. в российской экономике стали нарастать процессы стагфляции.

Заметим, что переход к стагнации и стагфляции начался до присоединения Крыма и начала гражданской войны на Украине, до введения санкций, при высоких ценах на нефть (108 долл. за баррель в 2013 г. и 98 — в 2014 г.), устойчивом валютном курсе рубля и при отсутствии санкций, которые реально стали влиять на экономический рост лишь с сентября 2014 г.

В 2012 г. наш внешнеэкономический долг перед иностранными инвесторами за счет крупных дополнительных заимствований вырос на 98 млрд долл. (с 539 до 637 млрд), а в 2013 г. он увеличился еще на 92 млрд долл. (до уровня 729 млрд). При этом государственный бюджет в 2013 г. имел небольшой дефицит (1,3%), а в 2014 г. примерно такой же профицит.

На «пустом месте», без серьезного негативного внешнего влияния темпы экономического развития страны сократились в 3–5 раз, стали снижаться инвестиции, в 1,5 раза ускорилась инфляция, вдвое (с 5,5 до 10,5%) возросла ключевая ставка Центрального банка РФ (ЦБ РФ) и намного подорожали все кредиты.

Всего этого мы «добились», по моему мнению, за счет неадекватной внутренней экономической политики, которая с 2012 г. пошла вразрез с указом Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике»[1]. В Указе была поставлена краеугольная задача повысить долю инвестиций ВВП страны до 25% к 2015 г. (2012 г. — 21%), что предполагало переход к политике форсированных инвестиций с их ростом по 10% в год.

Однако в 2012 г. инвестиции выросли лишь на 6,8%, после чего их рост в составе госбюджета и государственных предприятий и организаций (Газпром, Роснефть, Ростехнологии и др.) стал сокращаться и привел к снижению общих инвестиций и в 2013 г., и, особенно, в 2014 г. К снижению экономического роста и стагнации привело и повышение ключевой ставки ЦБ РФ, а также его энергичные меры по сжатию ликвидности в народном хозяйстве, что сделало невыгодным и затруднительным финансирование экономического роста. Поэтому переход к стагфляции при такой политике был закономерен и вызван был внутренними причинами.

Снижение инвестиций, на наш взгляд, явилось главным фактором перехода к стагнации. В 2013 г. резко сократился прирост основных фондов, так как в 2009 г. — году кризиса — инвестиции упали на 16% и не были созданы заделы для расширения производственных мощностей. На это, к тому же, наложилось прямое снижение госинвестиций в 2013 г., что подорвало экономическую активность.

Сопутствующую роль при этом сыграл ежегодный с 2008 г. отток капитала, начало которому положил кризис. За 2008–2013 гг. этот отток составил почти 430 млрд

[1] Указ Президента РФ «О долгосрочной экономической политике» от 07.05.2012 г. № 596 // «Российская газета» от 09.05.2012 г. № 102.

долл., в то время как в докризисные 2006–2007 гг. наблюдался приток капитала в размере 125 млрд долл.

В кризис также существенно сократились коэффициенты выбытия и обновления основных фондов, что привело к их прогрессирующей отсталости. Средний срок службы машин и оборудования достиг почти 14 лет — вдвое выше показателей развитых стран, в том числе 22% машин и оборудования работает свыше срока износа. Все это дополнительно потянуло экономику вниз — к нулевому уровню.

К тому же зависимость доходов госбюджета и всей экономики страны от цен на нефть, газ и другого сырья и материалов, составляющие подавляющую часть нашего экспорта, при серьезном начавшемся снижении экспортных цен на нефть со второй половины 2014 г., когда они упали до 60–65 долл. за баррель, тоже стало тормозом экономического роста.

Эта уродливая структура нашей экономики явилась основной причиной значительной девальвации рубля по отношению к доллару и евро. Здесь рубль обесценился примерно в 1,5 раза, что коррелирует с соответствующим снижением цен на нефть. Дополнительным фактором явились ускоряющиеся инфляция, санкции и неумелое валютное регулирование со стороны ЦБ РФ.

Чтобы погасить возникшую панику среди населения в связи с резкой девальвацией рубля и утроением размера инфляции и избежать системного банковского кризиса в связи с внезапным резким ростом ключевой ставки ЦБ РФ до заоблачной величины в 17,5% при сжатии ликвидности, пришлось прибегнуть к интенсивному использованию золотовалютных резервов, включая средства Фонда национального благосостояния и Резервного фонда для покрытия дефицита бюджета, особенно в 2015 г. В результате золотовалютная «подушка безопасности» сократились с 537,6 на конец 2012 г. до, примерно, 368 млрд долл. к концу 2015 г.

На все эти процессы негативное влияние оказали принятые ЕС и США экономические санкции против России, прежде всего секторальные санкции, в том числе по топливно-энергетическим отраслям и по запрещению импорта в Россию товаров и технологий двойного назначения, с одной стороны; и серьезные финансовые ограничения по предоставлению кредитных и других средств иностранных инвесторов предприятиям и организациям России, с другой.

И если в 2012 г. и 2013 г. дополнительное вливание финансовых средств с мирового рынка в экономику России вело к ежегодному росту российского внешнего долга почти по 100 млрд долл. в год, то в 2014 г. этот долг сократился на 130 млрд (с 729 до 599 млрд долл.), а в 2015 г. — еще почти на 70 млрд — до 522 млрд долл.

Все это во многом сказалось на резком увеличении оттока капитала из России, который в 2014 г. составил рекордные для России 151,5 млрд долл. в сравнении с 61 млрд в 2013 г. В 2015 г. отток составил еще 56,9 млрд долл.

Благодаря всему этому недофинансирование экономического роста в России резко выросло, инвестиции в 2014 г. снизились на 2,5%, а в I-м квартале 2015 г. — на 7%.

С I квартала 2015 г., прежде всего в связи с санкциями, в России началась глубокая рецессия. Об этом свидетельствует снижение экономических и социальных макроэкономических показателей. И если в I квартале снижение ВВП составило 2,2%, то во II квартале — 4,6%, в III квартале — 4,1% и в IV квартале — 4% к соответствующему периоду 2014 г. В целом ВВП снизился в 2015 г. на 3,9%. Падение ускорилось и по большинству других показателей.

Но больше всего — намного больше, чем в кризис 2009 г., — снизились показатели доходов и уровня потребления населения. Конечное потребление домашних хозяйств впервые за последние 20 лет за год снизилось на 9%, реальные зарплаты — на 8,9%, а оборот розничной торговли — даже на 9,8%. В 2015 г. общая без-

работица была почти на 0,5 млн на 590 тыс. чел. больше, чем год назад. Миллионы работающих стали работать неполный рабочий день, уходить в вынужденные отгулы с соответствующим снижением зарплаты, т. е. стали частично безработными.

При этом, судя по всему, «дно» рецессии пока не достигнуто. Идет четвертый год ухудшающегося социально-экономического положения нашей страны, причем это положение с каждым годом, особенно по социальным показателям, выглядит все хуже и хуже из-за небывало высокой инфляции и недостаточной социальной помощи государства.

Самое плохое для населения, что оно не видит перспективы. Прогнозы и обещания высших чиновников расходятся с жизнью: люди слышат одно, а видят другое. Их все время убеждают, например, в улучшении здравоохранения, а они воочию видят его ухудшение, особенно в связи с затеянной реорганизацией в 2014–2015 гг., при сокращении бюджетных расходов на поддержание здоровья населения и резком увеличении платности медицинских услуг.

В 2013 г. произошла заминка, и рождаемость в России впервые за последние 10 лет не выросла. В 2014 г. положение выправилось, но в 2015 г. рождаемость вновь снизилась. В 2014 г. впервые с 2006 г. немного увеличилась смертность. Но в связи с повышением рождаемости в 2014 г., продолжился возобновленный с 2013 г. естественный прирост населения. Напомню, что до этого в 1993–2011 гг. была огромная депопуляция населения — смертность превысила рождаемость за эти годы суммарно на 13,5 млн. чел. В 2015 г. в I полугодии рождаемость снизилась на 5,7 тыс. чел., а смертность возросла на 27 тыс. чел. Возобновилась депопуляция населения, составившая за полгода 61,3 тыс. чел.

Минздрав РФ в связи с повышением смертности в 2015 г. и поручениями Президента РФ и Правительства РФ после обсуждения этого негативного тренда наладил детальный мониторинг смертности, провел анализ ее причин и стал принимать меры по улучшению работы больниц и скорой помощи. Это привело к стабилизации смертности в апреле месяце после ее значительного увеличения в январе-марте и ее заметному снижению в мае месяце. В июне 2015 г. смертность опять возросла, а в июле — снова сократилась.

Срочные повсеместные меры, конечно, необходимы, но они вряд ли смогут возобновить начатую в 2006 г. устойчивую тенденцию роста рождаемости и сокращения смертности, приведшей к преодолению депопуляции. Нужна серьезная программа с увеличением финансирования здравоохранения, которая прекратилась с 2013 г., а затем бюджетное финансирование этой отрасли начало снижаться. В проектах до 2018 г. это снижение усиливается, и доля бюджетных расходов на здравоохранение сокращается с 3,8% ВВП до 3,5%.

Увеличение смертности, на наш взгляд, вызвано повышенными стрессами среди населения из-за ухудшающихся условий жизни и сокращением средств на наиболее эффективную медицинскую помощь: ухудшение работы скорой помощи, сокращение высокотехнологических услуг, усиление бюрократизма и очередей в поликлиническом обслуживании, ликвидации пунктов медпомощи в ряде небольших поселений и ухудшении доступности медицины для населения.

Создается впечатление, что ряд руководящих работников, не говоря уже о массе государственных служащих, не до конца понимают глубины нашего падения в яму, которую мы сами для себя выкопали. Они не осознают, что нынешняя рецессия и стагфляция — это структурный кризис, глубинной причиной которого является неадекватная экономическая политика. Положение намного хуже обычного кризиса, из которого обычно выходят за 1–2, максимум за 3 года, как мы вышли, например, из тяжелейших кризисов 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг. Структурный кризис, связанный со стагфляцией, длится намного дольше, и выход из него намного более трудный и болезненный.

Такой структурный кризис со стагнацией, рецессией и стагфляцией был характерен для США 1970-х годов. Он длился почти десятилетие. И все попытки двух президентов — Генри Форда и Джимми Картера — преодолеть этот структурный кризис не увенчались успехом. И они, как известно, немногие из числа президентов США, не были переизбраны на второй срок. Коренное изменение политики при президенте США Рональде Рейгане, вошедшее в историю как «рейгономика», позволило переломить негативные тренды. Далось это дорогой ценой: на время были заморожены цены, не повышались зарплаты при растущей инфляции. Серьезно были снижены налоги, в том числе подоходный налог с населения, была выдвинута задача ускоренной амортизации и началось обновление основных фондов США и крен в инновации. Все это толкнуло экономику вперед и в течение 25 лет, вплоть до ипотечного кризиса 2007 г., экономика США в целом развивалась успешно, серьезно выросло благосостояние людей. Место США в мире и экономическая мощь США, особенно в развитии «экономики знаний», инноваций и высокотехнологических отраслей, укрепилась.

Что ждет народное хозяйство России при продолжении действующей экономической политики?

О возможном продолжении действующей политики можно судить по прогнозным показателям экономического развития, подготовленным Минэкономразвития РФ до 2018 г.[1], положенным правительством в основу при составлении проекта федерального бюджета на 2016–2018 гг., направленного в Государственную Думу летом 2015 г.

Реальный размер госбюджета при этом сокращается и будет замедлять экономический рост. Объем инвестиций ежегодно намечено увеличивать по 2–3%, которые неспособны заметно ускорить экономику. Правда, в прогнозе намечено повышение цен на нефть с 45–50 в настоящее время до 70 долл. за баррель к 2018 г. Но это тоже вряд ли сильно подтолкнет экономику. Ведь возникновение стагнации в 2013–2014 гг. в России возникло при реальном увеличении госбюджета, при ценах на нефть свыше 100 долл., при стабильном высоком курсе рубля и отсутствии санкций. А Минэкономразвития РФ собирается преодолеть стагнацию и обеспечить экономический рост при намного худших условиях.

К тому же в последнее время возросла неопределенность и турбулентность в мировом экономическом развитии, что со временем все сильнее негативно сказывается на России.

Во-первых, все время возрастает риск поддержания низких цен на нефть и даже их возможного снижения. Отмена эмбарго на торговлю нефти с Ираном позволит ему выбросить на мировой рынок значительное количество нефти, возрастает так же добыча нефти в Ираке и Ливии. Снижается и рост спроса на нефть, прежде всего, из-за замедления экономического роста в Китае, связанного с обвалом его фондового рынка на 40%, или на 7 трлн долл. Крайне низки темпы роста и европейских стран — крупных потребителей импортной нефти. Усиливаются меры по энергосбережению, особенно в США и Европе, в связи с усовершенствованием двигателя внутреннего сгорания, электрификацией автомобиля и развитием альтернативных производителей электроэнергии.

Саудовская Аравия и другие страны ОПЕК вряд ли начнут сокращать добычу нефти, так как это приведет к серьезному снижению их доли в мировой торговле

[1] Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов [Электронный ресурс] // URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70963160 (дата обращения 15.01.2016).

нефти и вызовет снижение их доходов. Поэтому переизбыток нефти на мировом рынке, являющийся главной причиной поддержания низких цен на нефть, не только сохраняется, но и усиливается. Не последнюю роль играет здесь и Россия, которая заметно увеличивает экспорт нефти — в 2015 г. он увеличился на целых 8%.

Все это в последние месяцы 2015 г. и в январе 2016 г. привело к значительному новому снижению цен на нефть, которая в отдельные дни торговалась по 30 и меньше долларов за баррель. На 2016 г. большинство экспертов предсказывают цену на нефть 40 долл. вместо 51 долл. в 2015 г.

Во-вторых, в условиях растущей неопределенности всегда повышается роль резервной валюты и курс доллара по отношению к другим валютам, особенно по отношению к валютам развивающихся стран и России, возрастает. Новый скачок доллара вверх будет связан с начавшейся в декабре 2015 г. повышением ставки рефинансирования ФРС. Для этого в США созданы все условия — экономика растет по 2–4%, на минимальном уровне находится безработица, продолжение политики смягчения из-за низкой ставки рефинансирования вызывает увеличение рисков накопления «финансовых пузырей», что опасно для экономики США.

Дальнейшая девальвация рубля по отношению к доллару вызовет в России повышенную инфляцию, усилит недофинансирование экономического роста из-за дорожающих долгов, которые надо отдавать иностранным инвесторам, и оттоком капитала. Ухудшится и без того неудовлетворительное обновление основных фондов, будет свертываться новое строительство из-за удорожания импорта машин и оборудования, а ведь этот импорт обеспечивает до 70% потребностей страны в новой технике и технологии.

В-третьих, в последнее время резко возросли риски накопления «финансовых пузырей» в США, Европе и Китае. Проведенное профессором М. Ершовым[1] исследование показало, что отрыв уровня акций, деривативов, маржинальных долгов от движения реальных активов уже превысил максимальное значение этих показателей, которые приводили в прошлом, в том числе в период кризиса 2008–2009 гг., к крупным финансовым потрясениям. Обвал фондового рынка в Китае и последовавшее за ним рекордное снижение фондовых рынков в США и других стран — явный показатель перенасыщенности финансовыми ресурсами.

Как известно, экономика России особенно остро реагирует на финансовые срывы, случающиеся в мировой экономике. Глубокий кризис 1998 г., например, во многом был связан с обвалом фондовых рынков в восточноазиатских странах. В кризис 2008–2009 гг. фондовые рынки России сократились в 4,5 раза — вдвое выше, чем в других странах.

В-четвертых, при серьезной переориентации в последнее время России на Восток и усиливающейся зависимостью от инвестиций в Россию, прежде всего, в топливно-энергетический комплекс со стороны Китая, резко усилилась наша зависимость от перспектив развития этой громадной экономики. Поэтому ее заметное замедление (в 2015 г. впервые за 25 лет ВВП Китая вырос на 6,9%, а доля инвестиций снизилась меньше чем до его 50%), продолжающаяся девальвация юаня, происходящие обвалы фондового рынка в Китае — все больше будут отрицательно влиять на наше развитие. В 2015 г., несмотря на объявленное Россией стремление увеличить товарооборот с Китаем вдвое, он сократился на 1/3. Намеченные поставки в Китай нефти и газа требуют невиданные для нашей страны инвестиции, суммарно приближающие к 100 млрд долл. (а это сегодня эквивалентно половине всех инвестиций страны).

[1] Ершов М. Финансовый кризис: возможность все более отчетлива [Электронный ресурс] // Эксперт. 2015. № 36 // URL: http://expert.ekiosk.pro/article.aspx?aid=408576 (дата обращения: 15.01.2016).

В-пятых, большая неопределенность поддерживается и применительно к санкциям США и ЕС по отношению к России. Неизвестно, как долго сохранятся эти санкции — будут ли они ужесточены, как предлагают многие политики в США и Европе. Кроме конфликта, связанного с событиями на Украине, в 2015 г. возникли новые поводы для обострения отношений нашей страны с западными странами:

- конфликт по поводу создания трибунала в связи со сбитым Boeing 777 на границе Украины и России;
- решение Гаагского суда по делу ЮКОСа;
- болезненные для многих стран Запада российские антисанкции, особенно эмбарго импорта продовольствия с их стороны.

В-шестых, условия и факторы внутреннего развития России тоже неопределенны и содержат серьезные риски. Значительное снижение инвестиций в 2014–2015 гг. тянет экономику вниз и не преодолевается в планах правительства вплоть до 2018 г. В связи с этим основные фонды и особенно их активная часть — машины и оборудование — с каждым годом обновляются все меньше, устаревают, требуют все больше средств на свое поддержание и крайне негативно, естественно, влияют на экономическое развитие.

Резко сократилась экспортная выручка в связи со снижением экспорта на 1/3 в 2015 г. Импорт при этом упал даже сильнее, особенно импорт оборудования — его главная составляющая.

Продолжается и будет происходить в обозримое время, по прогнозу Минэкономразвития РФ, серьезный отток капитала из России со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Совсем плохо обстоит дело с инфляцией: в последние месяцы в связи с обесценением рубля и повышением коммунальных цен она заметно возросла, поэтому перестала снижаться ключевая ставка ЦБ, которая продолжает держаться на малодоступной для предприятий и организаций, а так же населения, высоте. Из-за этого впервые произошло сокращение объема кредитования и народного хозяйства, и населения страны. Кредитный долг предприятий и организаций перед отечественными банками вырос до 30 трлн руб., что в разы превышает их годовую прибыль. Долг населения достиг 11 трлн руб., или почти 30% их годового дохода. Катастрофически на 9% в 2015 г. сократилось конечное потребление домашних хозяйств в России, и спрос населения из двигателя экономики превратился в его тормоз.

Как видно, сохранение действующих тенденций и действующего курса экономической политики не сулит нам преодоление стагнации и рецессии. В 2015 г. ВВП сократился на 3,9%. По-видимому, 2016 г., и к этому склоняется большинство экспертов, для России будет годом продолжающейся рецессии — ВВП сократится, по крайней мере, на 1% при ухудшении других экономических и социальных макроэкономических показателей.

По последним прогнозам Минэкономразвития, в 2016 г. ВВП сократится на 0,8%, промышленность — на 0,4%, инвестиции — на 5%, реальные доходы населения — на 4%, оборот розничной торговли — на 2,5% при увеличении безработицы с 5,8% до 6,3% от численности экономически активного населения.

Последующие годы, скорее всего, будут, в лучшем случае, годами стагнации, когда экономический рост будет колебаться в районе нулевого уровня. На экономике в эти годы будет негативно сказываться десятипроцентное снижение объема инвестиций в 2013–2015 гг. и их дальнейшее значительное сокращение в 2016 г., поскольку инвестиции являются вложениями в будущее. Из-за сниженных инвестиций в следующие 4–5 лет будет крайне низкий ввод новых производственных фондов и это намного замедлит наш экономический рост.

Если мы хотим в обозримое время преодолеть рецессию и стагфляцию, существует единственная мера — коренное изменение социально-экономической политики нашей страны.

Новая экономическая политика для возобновления экономического роста

Основные направления новой экономической политики были подробно обоснованы в Концепции социально-экономического развития страны «2020»[1], подготовленной Академией народного хозяйства и Высшей школой экономики. Наиболее важные позиции содержатся в Указе Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2012 г. по долгосрочной экономической политике и состоят, в первую очередь, в переходе к политике форсированных инвестиций.

Они конкретизированы также в выступлении В.В. Путина на Петербургском международном экономическом форуме в мае 2014 г., где указана главная направленность этих капиталовложений на осуществление технологического обновления, развития высокотехнологических отраслей, создание современной транспортной инфраструктуры, удвоение жилищного строительства. Там же содержатся предложения по стимулированию экономического роста при технологическом обновлении и строительстве новых современных предприятий, при импортозамещении и развитии неэнергетического экспорта, чтобы изменить структуру экономики и экспорта и уйти, наконец, от сильной зависимости нашего бюджета от экспортных цен на нефть и газ.

Важным стимулирующим средством инвестиций при осуществлении крупных инвестиционных объектов является проектное финансирование, которое дает возможность предоставлять инвестиции не под залог имущества, а под проект. Эта важная инициатива Президента обросла столь бюрократическими инструкциями, мелочной опекой, выделением для этого небольших гарантий, что в реальной жизни никакого влияния на инвестиционную деятельность, во всяком случае, в 2015 г. не оказывала.

Переход к форсированным инвестициям, подкрепленных стимулированием экономического роста по главным направлениям использования этих инвестиций при проведении институциональных реформ, является сердцевиной новой экономической политики. Условием перехода к форсированным инвестициям является осуществление программы по радикальному сокращению инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ. Величину инфляции и ключевой ставки, по нашему мнению, можно было бы за 3 года снизить втрое до 4%.

Другим важнейшим условием осуществления политики форсированных инвестиций является устранение барьеров на пути экономического роста, что предполагает осуществление структурных институциональных реформ постепенно, шаг за шагом в направлениях:

1. Перевод экономики страны с преимущественно государственного на преимущественно рыночный путь развития, что предполагает реальную приватизацию части государственных предприятий и организаций, не выполняющих государственную функцию, а занимающихся самообогащением на базе коммерческой деятельности. Если сегодня около 65% ВВП производится организациями бюджетной

[1] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс] // URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01 (дата обращения: 15.01.2016).

сферы и государственными компаниями, то на первом этапе эту долю надо снизить до 50–55%, а на втором этапе — до 40% (при сокращении доли госбюджета и соответствующих фондов в ВВП с 37 до 30%).

Расширение частного сектора следовало бы осуществлять вместе с устранением или ограничением деятельности государственных монополистических организаций и развитием рыночной конкуренции.

2. Изменение бюджетной системы, когда госбюджетные расходы, направленные на реализацию конкретных целевых показателей, будут определяться под эгидой всего правительства, где главную роль будет играть Минэкономразвития РФ при участии Министерства финансов РФ и других министерств и ведомств. В бюджете отдельно должен быть выделен бюджет развития, опыт разработки которого был накоплен в прошлые годы. Как правило, расходы бюджета должны превышать его доходы, но не более 3% ВВП (принятая норма для стран ЕС). Дефицит бюджета должен покрываться, как в других странах, выпуском Федеральным казначейством долгосрочных ценных бумаг, приобретаемых ЦБ РФ, ВЭБом, Агентством по жилищной ипотеке и другими крупными фондами.

Целесообразно, чтобы источником более половины всех инвестиций стал, как в передовых странах, инвестиционный кредит, выдаваемый на началах возврата и самоокупаемости. Выделение на инвестиции безвозвратных государственных средств, служащих главным источником современной коррупции, должно быть сведено к минимуму. Значительная часть этих средств также должна предоставляться на возмездных началах, в том числе в виде государственно-частного партнерства, чтобы приумножить значимость государственной направленности инвестиций.

Финансовую систему страны нужно перестраивать с повышением доли «длинных» денег, которые могут служить инвестиционными фондами. В этой связи существенно должна быть перестроена на европейский лад работа фондового рынка, который должен быть превращен в канал формирования и перелива капитала.

3. Со временем целесообразно перестроить систему регионального административно-экономического деления России, перейдя на губернскую структуру с 20–30 регионами с учетом их самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления, используя опыт Германии, США и Канады.

Процесс преодоления рецессии и стагфляции можно разбить на несколько этапов.

Первый, среднесрочный, этап преодоления рецессии и стагфляции может быть рассчитан на период до 2018–2020 гг. с переломом в темпах экономического развития в 2018 г., когда они могут достигнуть 2–3% устойчивого роста ВВП за счет внутренних источников развития и 3–4% ВВП в период до 2020 г. с достижением доли инвестиций в ВВП не менее 25% в 2020 г. На этом этапе подавляющую часть прироста ВВП нужно направлять на рост реальной заработной платы и реальных доходов населения, а также на социальные расходы, прежде всего в здравоохранении и образовании.

Преимущественно эти средства предстоит нацелить на ликвидацию бедности среди работающего населения и пенсионеров. С этой целью следовало бы пересмотреть прожиточный минимум в сторону его повышения, намного увеличить минимальную заработную плату хотя бы до уровня этого нового прожиточного минимума, соответственно поднять за счет бюджетных средств и пенсионное обеспечение. Это позволит сократить разницу в доходах 10% зажиточных слоев населения и 10% бедных с 16–17 раз в настоящее время хотя бы до 12 раз.

Второй этап намечено осуществить за пятилетку 2021–2025 гг., продолжая наращивать инвестиции высокими темпами и доведя их долю в ВВП до 30% к 2025 г. Среднегодовые темпы социально-экономического развития в этот период могут составить 4–5% в среднем в год, что позволит после восстановления докризисных

показателей благосостояния населения и улучшения условий жизни бедных семей приступить в этот период к серьезным социальным преобразованиям.

Прежде всего, целесообразно увеличить расходы населения на пенсионное обеспечение и структуру здравоохранения с тем, чтобы:

- довести уровень пенсий с менее чем 30% в настоящее время до 50% средней заработной платы;
- увеличить долю страховых расходов на здоровье — с 2,5 до 6% ВВП (общих расходов на здравоохранение до 10% ВВП к 2025 г.).

Соответственно и за счет приоритетного увеличения госрасходов, и за счет увеличения взносов граждан на образование предстоит радикально улучшить систему образования, доведя общие расходы на эту отрасль с менее чем 5% до 8% ВВП.

При этом должны быть продолжены работы по преимущественному повышению благосостояния бедных семей по всем линиям: и по повышению их квалификации, и по вовлечению в малый бизнес, и по повышению минимальной заработной платы и приближению ее к средней зарплате, и по увеличению пенсий, росту льгот на содержание детей в детских садах и школах, переходу здесь к бесплатному питанию и т. д. Поэтому разница между зажиточным слоем населения и бедными с 12 раз сократится до 8–10 раз. Именно такой является эта разница в Германии и во многих других странах Европейского союза, а также и в Японии. На этом этапе для зажиточных и особенно богатых семей, на наш взгляд, должна быть введена прогрессивная шкала подоходного налога с максимумом 30% уплаты налогов в год и акцизным обложением предметов роскоши, приобретаемых в России.

На наш взгляд, нормы инвестиций в размере 30% для нашей страны недостаточно. Поэтому мы предлагаем осуществить и третий этап ускоренного социально-экономического развития с продолжением форсированных инвестиций до 2030 г. при достижении нормы инвестиций в 35% и устойчивых среднегодовых темпов социально-экономического развития не менее 5–6%. Это может быть достигнуто к 2030 г.

На этом третьем этапе в качестве главной социальной проблемы могла бы быть выдвинута проблема реорганизации всей системы жилищно-коммунального хозяйства и перевода ее на рыночные основы. При переводе жилищно-коммунального хозяйства на рыночные цены может быть определенное удорожание, которое должно быть компенсировано гражданам в виде увеличения их заработной платы, пенсий и пособий.

В итоге 10-летнего реформирования социальной сферы на втором и третьем этапах будет создана принципиально новая социальная сфера, соответствующая рыночному хозяйству.

Чтобы решить пенсионную проблему, надо перейти к накопительной системе пенсий, введя обязательный 10-процентный взнос на пенсии со стороны граждан от уровня своего дохода. Это может быть сделано при единовременном повышении зарплаты и других доходов граждан на 10-12%.

При этом в связи с повышением ожидаемой продолжительности жизни до 77 и более лет и, особенно, повышением продолжительности здоровой жизни, можно будет после 2025 г. повысить пенсионный возраст на 5 лет.

Для радикального улучшения здравоохранения и перевода его на нормальную, достаточную систему страхования придется также привлечь средства граждан в размере не менее 6% от уровня их доходов в виде взносов в эту систему в дополнение к соответствующему взносу предприятий и организаций. Это также должно быть компенсировано повышением заработной платы.

Наконец, переход к рыночным ценам в жилищно-коммунальном хозяйстве также потребует единовременного повышения зарплаты и других доходов граждан, чтобы компенсировать им возможное повышение цен на коммунальные услуги.

Для завершения перестройки социальной сферы и повышения роли местного бюджета в этом деле по примеру других стран целесообразно ввести налог на недвижимость граждан в размере от 0,5 до 1% их рыночной стоимости. Этот налог станет основным доходом местных бюджетов. Введение этого налога также потребует компенсации в виде соответствующей индексации зарплаты.

Таким образом, средняя заработная плата в эти годы могла бы расти дополнительно за счет централизованных мер государства по повышению заработной платы и других доходов граждан для компенсации их взносов на пенсионное обеспечение, здравоохранение и жилищно-коммунальные услуги. Все это повысит размер зарплаты дополнительно к обычному их размеру на 25–30%, сделав ее сопоставимой с заработной платой других стран и по структуре, и по размеру. При этом уровень инфляции должен быть снижен, примерно, до 2% в год, а стоимость ипотечного кредита до 5–6%.

Благодаря переходу к массовому малоэтажному строительству на окраинах мелких и средних городов, сельских поселений и в пригородах больших городов стоимость 1 м^2 жилья не должна выйти за пределы 30 тыс. руб., учитывая дешевизну земли в России, а также дешевизну подключения к электроэнергии, газу и другим коммунальным услугам. Это сделает, наконец, доступным приобретение жилья и улучшение своих жилищных условий для подавляющей части населения, которым сейчас это недоступно.

Три этапа охватывают 15 лет, которых при десятипроцентном росте инвестиций и их эффективном использовании, благодаря преобладанию возмездного инвестиционного кредита, достаточно, на наш взгляд, для того, чтобы технологически обновить все основные отрасли народного хозяйства, переведя их на использование современных технологий. Мы должны достигнуть также показателей развитых стран по развитию высокотехнологических отраслей, доли инновационных товаров и услуг в общей стоимости продаваемых товаров и услуг.

Коренным образом предстоит перестроить структуру экспорта с сокращением доли нефти, примерно, до 20%, а газа — до 5% и с преобладанием в экспорте готовых товаров высоких переделов с большой добавленной стоимостью. Речь идет о массовом производстве современных синтетических материалов и изделий из них, глубокой лесопереработки и соответствующих изделий, развитии самолетостроения не только среднемагистрального, регионального, но также местного самолетостроения, деловой авиации и крупногабаритной авиации КАРГО.

В ходе реиндустриализации промышленности предстоит возродить крупное машиностроительное производство по наиболее важным для страны направлениям энергоэлектротехнического машиностроения, тяжелого, горного, металлургического, нефтяного и химического машиностроения, а также станкостроение. По производству легковых и грузовых автомобилей Россия, естественно, выйдет на первое место в Европе с общим производством 4–5 млн автомобилей и высокой локализацией производства. Здесь должны быть созданы надлежащие условия. Долю инновационных технологий в создании валового продукта с современных 4% предстоит довести до 8–10% и всемерно развить биотехнологии.

За 15 лет в России могла бы быть создана и достаточно развитая современная транспортно-логистическая инфраструктура. Для этого надо уже в ближайшее время приступить к массовому строительству автострад и скоростных железных дорог, нацеливая здесь окупаемость расходов на 20–25 лет, в отличие от окупаемости новых предприятий в 10–12 лет, и технологического обновления действующего производства с окупаемостью 5–7 лет, а тем более жилищного строительства с окупаемостью в 3–5 лет.

Главным локомотивом социально-экономического развития страны, от которого в решающей мере будет зависеть не только среднегодовой темп экономического

роста, но и качество этого роста, является сфера «экономики знаний», включающая весь НИОКР, образование, информационные и биотехнологии и здравоохранение. Эта сфера производит в России всего 15% ВВП, в то время как в лучшие советские годы она производила 20–25% ВВП. В Европейском союзе эта сфера в настоящее время производит до 35% ВВП, а в Америке — около 40% ВВП.

В перспективе предстоит увеличить долю расходов на НИОКР с 1 до 3%, расходы на образование — с менее чем 5% до 8%, долю здравоохранения и биотехнологий — с менее чем 5% до 10%, расходы на информационные технологии — с 4 до 10%. Желательно уже к 2025 г. довести долю «экономики знаний» до 30–35% ВВП, для чего необходимо увеличивать эту сферу по 8–10% в год, начиная, скажем, с 2017–2018 гг. К 2030 г. доля этой сферы в народном хозяйстве России могла бы достигнуть 35–40%. В период до 2020 г. рост сферы «экономики знаний» по 8% в год обеспечит ежегодный рост ВВП по 1% в год, а в период с 2020 г. по 2025 г. — по 1,5% в год, а с 2026–2030 гг. — по 2% в год без учета мультипликативного эффекта, которым эта сфера в высшей степени обладает. С учетом этого эффекта прирост ВВП здесь мог бы быть повышен, по крайней мере, в 1,5 раза.

Вложения средств в человеческий капитал — в знание, умение и здоровье людей и соединение возрастающих физических инвестиций в основной капитал с вложениями в человека — является сегодня главным источником качественного социально-экономического роста.

Другим важнейшим локомотивом социально-экономического развития страны могло бы стать жилищное строительство, которое нам нужно удвоить за 8–10 лет. Для этого ежегодно нужно наращивать ввод жилья хотя бы по 8% в год, как это было в период 10-летнего подъема за 1999–2008 гг. Ежегодный рост жилищного строительства по 8% в год с учетом мультипликативного эффекта поднимет ежегодный рост ВВП сначала на 0,6%, а к 2025 г. — на 1% в год.

Высокотехнологические и инновационные отрасли в промышленности и в сфере интеллектуальных услуг, доля которых сейчас едва превышает 10%, благодаря быстрому росту существенно повысят свой удельный вес. Их развитие по 8% в год в ближайшее время будет ускорять наш экономический рост по 0,5% в год, а когда они наберут силу и их доля возрастет до 20% — до 1%.

Определенным драйвером экономического развития страны уже сейчас может служить быстро обновляемая и развивающаяся оборонная промышленность. Ведь ее экспорт уже превысил 3% общей экспортной выручки, а в ближайшие годы он возрастет до 5%. К тому же эта отрасль обладает мультипликативным эффектом, поскольку принятые здесь инновации широко могут быть использованы при различных гражданских производствах, что мы видим на примере «Суперджета».

Весьма велик мультипликационный эффект в развитии автомобильной промышленности, которая тянет за собой большой хвост отраслей: и металлургию, и химию, и резинотехнические изделия, и компьютерное производство, и многое другое, а также инфраструктуру, огромную сферу ремонта, обслуживания, продаж автомобилей. Для того чтобы выйти на 4–5 млн штук в производстве автомобилей, эту отрасль тоже нужно форсировано поднимать. И если в начале пути ее влияние на общеэкономический рост ограничится 0,2–0,3% в год, то в дальнейшем он может вырасти до 0,5–0,8%.

Об источниках инвестиций и других средств, необходимых для обеспечения социально-экономического роста

Переход к форсированным инвестициям предполагает их ежегодный рост по 10%. Объем инвестиций в основные фонды в 2014 г. в России составил 13,5 трлн руб. из общего объема ВВП 71,5 трлн руб. Как видно, доля инвестиций составляла

около 19%. В 2015 г. объем инвестиций снижается и их доля в ВВП сократится, примерно, до 18%. Для ежегодного роста инвестиций по 10% достаточно изыскать 1,3–1,4 трлн руб. в год. По прогнозам Минэкономразвития РФ, в 2018 г. ВВП России составит около 100 трлн. руб. и при норме инвестиций, которая к тому времени составит 22–23%, для обеспечения десятипроцентного прироста инвестиций потребуется 2,2–2,3 трлн руб. В среднем же в год в ближайшее пятилетие необходимо изыскивать по 2 трлн руб.

Эти средства логичнее и легче заимствовать из активов нашей банковской системы, сумма которых на 1 января 2015 г. составила 77,7 трлн руб. и впервые в 2014 г. превзошла объем валового внутреннего продукта. Сумма банковских активов в 2,5 раза больше всех годовых средств нашего государства, представленных в консолидированном бюджете страны, включая все государственные бюджетные фонды. Активы банковской системы впятеро больше объема федерального бюджета. Хотя удельный вес консолидированного бюджета в 2015 г. составит около 40% всего ВВП, в нем сосредоточено только 18,5% всех инвестиций, причем эта доля все время сокращается. В 2000 г. эта доля составляла 28,4%, в 2005 г. — 22,6%, в 2010 г. — 20,4%. Так что роль бюджета в финансировании инвестиций невелика в сравнении с его общим огромным объемом.

Объем инвестиционных кредитов в активах наших банков составляет всего 1,1 трлн руб. или 1,5%. Мы — одна из немногих стран, где удельный вес инвестиционных кредитов отечественных банков составляет около 9% от объема инвестиций в сравнении с 30–50% в развитых странах и свыше 20% в Китае и развивающихся странах, где доля инвестиций в ВВП составляет свыше 30%, а не 18%, как в России. Ежегодно до 2020 г. нужно из всех активов банков изыскать дополнительно к 1,1 трлн руб. инвестиционных кредитов еще 1,3 трлн руб. на 2016 г. с увеличением этой суммы до 2,5 трлн руб. к 2020 г., когда активы банков перевалят за 100 трлн руб.

Перевод «коротких» денег из активов банков в «длинные» деньги за рубежом решаются разными способами. Самый применяемый и простой способ состоит в следующем. Казначейство выпускает «длинные» ценные государственные бумаги для покрытия дефицита бюджета, в США до 40 лет, в Японии до 50 лет. Думаю, что нам достаточно выпускать эти бумаги в срок до 25 лет, например, под 4% или 5% годовых. Эти бумаги приобретают ЦБ РФ, ВЭБ, Агентство по ипотечному кредитованию жилья и, возможно, другие крупные фонды. К примеру, ЦБ РФ в 2014 г. предоставил российским банкам средств на 9 трлн руб., в том числе Сбербанку и ВТБ 4,5 трлн руб. Так что у ЦБ РФ всегда есть триллион рублей или близкая к этому сумма, которую он может истратить на приобретение этой долговременной бумаги. В результате в пассив ЦБ РФ или ВЭБа поступает большой актив «длинных» денег, который позволяет им в счет этого актива предоставлять «длинные» до 25 лет инвестиционные кредиты коммерческим банкам, получая от этого к тому же и небольшую маржу.

Отобранные для целей инвестиционного кредитования банки под надзором ЦБ РФ используют эти средства для кредитования определенных государством направлений по технологическому обновлению действующего производства, строительству новых предприятий высокотехнологических отраслей, развитие современной транспортной логистической инфраструктуры, разворота жилищного строительства и развитие отраслей, входящих в «экономику знаний».

Все предельно ясно и прозрачно, банк берет на себя ответственность возврата кредита под установленные сроки окупаемости. Коммерческий банк заинтересован в получении крупных денежных средств в виде инвестиционных кредитов. Это дает ему дополнительную прибыль при правильном использовании этих средств. И естественно, что он будет следить за эффективностью этого инвестиционного

проекта, напрямую договариваться вместе с представителями предприятия по поставке оборудования с поставщиками или о строительстве нужных объектов со строителями. Банк привлечет консультантов, экспертов, которые вдоль и поперек проверят бизнес-план, под который эти средства будут предоставляться. В выгоде будет и казначейство, которое за проданную ценную бумагу к тому же будет получать ежегодную маржу.

Но наибольший выигрыш получит, естественно, государство, которое вместо сегодняшней практики, когда на возмещение дефицита бюджета тратится с таким трудом по крупинкам собранный валютный резервный фонд. А тут Резервный фонд остается в неприкосновенности у государства, дефицит покрывается выпуском ценных бумаг, как это делается в других странах. К тому же госорган в виде казначейства получает весомую маржу.

Доволен должен быть и коммерческий банк, который, к примеру, получит этот кредит по крайне низкой процентной ставке, которая ему сегодня даже во сне не придет на ум, например, под 5% годовых, если, например, казначейство выпустит эти бумаги по 4,5%, а 0,5% маржи ни с того ни с сего достанется ЦБ РФ. Что же касается выплаты маржи ЦБ РФ Федеральному казначейству, то оно за это получит средства от коммерческих банков при возврате кредита.

Активы отечественных банков могут стать главным, но не единственным источником инвестиционных средств, необходимых для развития. Эти средства могут быть получены в серьезном объеме, если государство займется приватизацией госимущества, для чего нужна политическая воля, чтобы переломить саботаж чиновников, желающих распоряжаться госсобственностью, не деля это распоряжение с какими-то частными организациями. По нашей оценке, не менее 20% госсобственности могло бы быть постепенно приватизировано, что принесет триллионы рублей дополнительных доходов государству. Ведь чего только нет в госсобственности. Один Волжский завод чего стоит. Или, например, здание торгового центра в Костроме, принадлежащего почему-то администрации области, впрочем, как и теплицы, выращивающие помидоры и огурцы, которые недавно были проданы. И таких объектов тысячи и тысячи, которые под государственным гнетом влачат жалкое существование, не ремонтируются вроде торгового центра в Костроме, используются неэффективно.

К тому же правдами и неправдами руководители госсобственности часто добиваются дополнительных субсидий на поддержание госсобственности, все время ходят с протянутой рукой по отношению к госсредствам. С разными инициативами, как заполучить деньги от государства, например, из Национального фонда благосостояния, все время обращается Роснефть. А частные нефтяные компании, например, ЛУКОЙЛ или Сургутнефтегаз не имеют даже мыслей на этот счет. Их никто не поймет, если они обратятся к государству с просьбой выдать им деньги из Госфонда, это же частная компания. Сравнить, сколько Волжский завод получил от государства в кризис 2009 г., а сколько получило частное автомобильное производство, например ГАЗ, и все станет ясно. Или, например, сколько ЦБ РФ дает денег государственным банкам, а сколько — примерно таким же по величине частным банкам. Железная дорога, управляемая госорганизацией РЖД, мало того что ежегодно повышает тарифы, намного выше уровня инфляции, если взять ряд лет, и одновременно каждый год из государства «высасывает» большие деньги на разные свои нужды. Аэрофлот многие годы зачем-то получал мзду за пролет иностранных самолетов над территорией России, хотя к этому не имел никакого отношения.

Сегодня главным инвестором в стране являются сами предприятия и организации, поскольку финансовая система построена у нас таким образом, что подавляющая часть денег у нее «короткие», а инвестиции, кроме как у иностранцев, взять у банка крайне сложно. Поэтому приходится заниматься самофинансированием.

Без учета бюджетных средств, которые в подавляющей части используются для бюджетных организаций, предприятия и организации за счет собственных средств финансируют 57% всех инвестиционных проектов, изыскивая эти средства, грубо говоря, наполовину из прибыли, а наполовину из амортизационных средств. Часть этих средств тратит к тому же на налоги, поскольку после 2003 г. инвестиции, изымаемые из прибыли, не освобождаются от налогов, как это было раньше. Мы — одна из немногих стран, где отсутствует инвестиционная льгота, и, возможно, поэтому у нас одна из самых низких в мире доля инвестиций в ВВП, она ниже, чем даже в развитых странах, которые, достигнув высокого уровня, довольствуются темпом своего развития в среднем в размере 2–2,5%. А мы собираемся при столь низкой норме инвестиций каким-то образом развиваться и уже довольно скоро, с 2018 г., темпами по 4–4,5%, имея устаревшие фонды, которые надо менять, ужасающий дефицит жилья, особенно неблагоустроенного, который нужно устранять, и т. д.

При нынешней норме инвестиций у нашей страны нет будущего. Если ввести для предприятий и организаций, как главных инвесторов, ощутимые льготы на инвестиции из прибыли, освободив эти суммы от налогов (это недавно предложил Президент РФ В. В. Путин, но Правительство пока на это предложение не прореагировало), а также увеличить амортизационные отчисления, начав, наконец, выбрасывать старье и приобретать новые машины и оборудование, осваивать новые технологии, то, на наш взгляд, можно было бы за счет предприятий и организаций изыскать до 1 трлн руб. дополнительных инвестиций.

Важным источником дополнительных инвестиций могли бы стать сбережения населения. Недавно объем вкладов населения в банки России превысил 19 трлн руб. Еще почти 7 трлн руб. составляет объем наличных денег, значительная часть которых лежит в «кубышках», не считая валютных сбережений. По оценкам экспертов, активы россиян за рубежом составляют не менее 700 млрд долл. Так что у населения имеются немалые средства, которые частично можно было бы обратить им на пользу. За счет небольшой части этих средств можно было бы улучшить жилищные условия тем из владельцев средств, которые в этом нуждаются. Или более полно удовлетворить потребности отдельных семей в легковых автомобилях, а также в дачных участках. Можно создать такую систему, что тот, кто приобретает жилье, автомобили, земельные участки с большей долей собственных средств, получает более выгодный кредит или более дешевую цену. Все это сработает, если, естественно, будет твердая госгарантия и люди будут приобретать не «кота в мешке», а видимое и готовое благо, которое их полностью устроит. Так что частичное финансирование жилищного строительства и развитие автомобильной промышленности может быть осуществлено за счет привлечения инвестиций со стороны населения.

Известно также, что наша страна среди других стран имеет наименьший размер государственного внешнеэкономического долга. Притом Россия, как показывает опыт последних 15 лет, не только вовремя и сполна, но иногда досрочно была готова гасить свои долги, и этим выгодно отличается от многих, даже развитых стран. Так что в случае необходимости наше государство вполне могло бы по относительно низкой процентной ставке занять средства на развитие внутренней экономики весьма значительные средства у международных финансовых организаций и банков, у других стран и крупных частных инвесторов.

Условия для этого могли бы быть более благоприятные, если бы нам удалось нормализовать отношения, для начала, хотя бы с Европейским союзом. В этой связи целесообразно было бы, на мой взгляд, России сделать первый шаг к нормализации этих отношений, отменив, например, наши антисанкции, что для нас и экономически будет выгодно, поскольку будет способствовать некоторому снижению цен из-за прихода более дешевых продовольственных про-

дуктов в страну из-за рубежа и лучшему снабжению продовольствием жителей нашей страны.

С моей точки зрения, наращивание внешнеэкономических государственных долгов нашей страны не очень желательно, и к нему можно прибегнуть в качестве крайней меры. Не очень желательно потому, что у нас все еще высок корпоративный долг, занимающий подавляющее место во внешнеэкономических долгах России. Эти долги снизились до 522 млрд долл. (по состоянию на 1 апреля 2015 г.). По отношению к ВВП, объем которого по рыночному валютному курсу оценивается в 1,4 трлн долл., доля этого долга составляет немногим около 40% при обычной международной норме допустимости долга до 60% ВВП. Но подавляющая часть этих долгов взята не государством, а предприятиями и организациями.

Главными должниками здесь являются Роснефть — 47 млрд долл., Газпром — 45 млрд долл., а в среднем на все госпредприятия и организации падает около 40% всех долгов. И хотя формально государство не отвечает по долгам Газпрома или Роснефти, в критических ситуациях, которые возникают в кризисные годы, когда надо отдавать долг, государство вынуждено использовать свои средства, чтобы помочь столь значимым государственным корпорациям, какими являются, например Газпром, Роснефть, РЖД, Аэрофлот, Сбербанк, ВТБ, Росатом, не говоря уже об оборонных концернах и объединениях. Поэтому значительную часть этого долга иногда называют «квазигосударственным долгом», подчеркивая все же определенное отношение этого долга к государству.

Заключение

При всех диспропорциях и недостатках экономического развития России наша страна обладает огромными возможностями и колоссальным потенциалом. Использование этих возможностей и потенциала при переходе к новой экономической политике и радикальному улучшению государственного регулирования и управления позволит нам серьезно ускорить социально-экономическое развитие страны.

Козырев А. А.

Рекомендации нобелиата экономике России, или Как нам реализовать конкурентные преимущества

Козырев Александр Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
Кандидат экономических наук, доцент
kosyrew@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена проблемам реализации конкурентных преимуществ России и ее регионов в «эпоху турбулентности». Оценивается вклад нобелевского лауреата А. Дитона в развитие экономической теории и практики, возможность применения его рекомендаций для решения задач выхода из сложнейшей экономической ситуации в современной России. Автором предлагается собственное видение проблемы реализации конкурентных преимуществ, намечаются отдельные приоритеты и цели формируемой Стратегии развития страны до 2030 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

благосостояние, благополучие, здоровье, бедность, богатство, социальное неравенство, конкурентное преимущество, Angus Deaton

Kozyrev A. A.

Recommendations of the Nobel Laureate on Economy to Russia or How Can We Realize Competitive Advantages

Kozyrev Aleksandr Aleksandrovich

North-Western Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
PhD in Economy, Associate Professor
kosyrew@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with problems of implementation of the competitive advantages of Russia and its regions in the «age of turbulence». The contribution of the Nobel Prize winner A. Deaton to the development of economic theory and practice, the application of its recommendations to solve the problems out of the difficult economic situation in Russia. The author offers his own view of the problem of realization of competitive advantages, outlined some priorities and goals formed the Country Development Strategy till 2030.

KEYWORDS

welfare, wellbeing, health, poverty, wealth, social inequality, competitive advantage, Angus Deaton

> В XX веке мир стал свидетелем многих ужасных событий, в которых Россия пострадала больше остальных. Политические потрясения, две мировые войны, распад коммунистической системы — все это не могло остаться без последствий и привело к падению жизненного уровня и увеличению смертности населения страны... Колоссальный исторический прогресс вселяет в нас надежду на лучшее будущее.
>
> *А. Дитон, нобелевский лауреат по экономике*

В соответствии с Законом о стратегическом планировании в 2016 г. должна быть принята Стратегия развития до 2030 г. Каким будет данный документ? Насколько реальны будут поставленные в нем приоритеты и цели?

Насколько будут учтены наличные и предполагаемые конкурентные преимущества, как на национальном, так и на региональном уровне? В настоящей статье мы попытаемся ответить на данные вопросы.

***

В конце 2015 г. наша страна поднялась на 8 позиций и заняла 45-е место в ежегодном рейтинге глобальной конкурентоспособности стран, подготовленном Всемирным экономическим форумом. К сожалению, этот показатель не был результатом экономического прорыва, а стал следствием изменения методики оценки одного из 113 показателей рейтинга — странового ВВП по паритету покупательной способности. Остальные же показатели рейтинга ВЭФ либо заметно ухудшились (как образование и здравоохранение), либо с незначительными отклонениями остались на прежних уровнях. Некоторые (такие принципиальные, как качество и развитие институтов) занимают весьма низкие позиции[1]. И эти обстоятельства весьма печальны, ибо показатель конкурентоспособности страны на мировой арене четко отражает состояние дел в экономике данной страны, наличие условий для конкуренции в ее реальных отраслях.

Если к этому добавить, что в России последних лет проявился целый ряд кризисных явлений (помимо собственно глобального кризиса): кризис модели экономического роста России 2000-х гг.; обострение геополитической обстановки; внешний шок от предпринятых против России отраслевых санкций, прежде всего в финансовой сфере; внешний шок в результате падения цен на нефть; валютный кризис как результат двойного внешнего шока (прежде всего падения цен на нефть, но отчасти и финансовых санкций); циклическое снижение, связанное со снижением инвестиционной активности; демографический кризис как сокращение численности населения в трудоспособном возрасте — можно оценить сложность решаемых задач [9].

Возникает закономерный вопрос: что можно сделать для того, чтобы в этих сложнейших условиях «эпохи турбулентности», «турбулентного десятилетия»[2] и последующего выхода из состояния турбулентности более эффективно реализовать имеющиеся конкурентные преимущества, одновременно формируя новые?

На наш взгляд, весьма целесообразно обратиться к рекомендациям нобелевского лауреата Ангуса Дитона (Angus Stewart Deaton), англо-американского экономиста, профессора экономики и международных отношений Принстонского университета и Школы общественных и международных отношений им. Вудро Вильсона. «За анализ потребления, бедности и благосостояния» — именно с такой формулировкой А. Дитону была присвоена самая престижная награда в области экономики.

Отметим, что у нобелиата нет работы, специально посвященной исследованиям экономическим и социальным проблемам нашей страны, но есть целый ряд исследований, посвященных развивающимся экономикам, где остро стоят проблемы преодоления бедности. Оправданность подобного подхода будет очевидной, если мы будем исходить из двух посылок: Россия — бедная страна и Россия — богатая страна.

Итак, первая посылка: Россия — бедная страна. В смысле — страна со значительной частью бедного населения. Именно для таких стран и разрабатывал свои рекомендации Ангус Дитон.

---

[1] Несветов Д. Прорыв в никуда: как конкурентоспособность России растет только на бумаге [Электронный ресурс]. РБК. Ежедневная деловая газета. 2015. 2 октября URL: http://www.rbcdaily.ru/economy/562949997458547(дата обращения: 02.10.2015).

[2] Понятия и характеристики «турбулентной эпохи», «турбулентного десятилетия» (2009–2018) даны В. А. Мау в книге «Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности» [8].

Как нам представляется, сегодня необходимо открыто признать стыдливо замалчиваемый факт, что Россия является бедной страной. Это означает, что значительная часть нашего населения является бедным. Причем, ситуация существенным образом не меняется.

Вот цифры. По данным декабрьского доклада о человеческом развитии Аналитического центра при Правительстве РФ, к 2013 г. крайняя бедность в РФ (в Декларации тысячелетия ООН — доля населения с доходами ниже 1,25 и ниже 2,5 долл. в день с учетом паритета покупательной способности) была ликвидирована. Сокращались и ее усредненные официальные показатели: доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума с начала века к 2013 г. сократилась вдвое — до 10,8%, а уровень крайней бедности (доля граждан с доходами менее его половины) к 2014 г. — почти в 4 раза, до 1,1%. Казалось бы, весьма позитивные факты.

Однако за то же время уровень детской бедности (до 16 лет) вырос на 4,3 п. п. — до 28,7% в 2014 г. от общего числа малоимущих. Если же пользоваться методикой оценки уровня бедности, принятой в мире (доля граждан, получающих менее половины медианного среднедушевого денежного дохода), то он увеличился с 17,5% в 2001 г. до 18,5% в 2014 г.

На основании многокритериальной оценки уровня бедности, которая помимо монетарных характеристик измеряет ограничения в доступе к основным социальным благам, в первую очередь к образованию и занятости, ситуация выглядит не лучше. Так, доля социальных групп, у которых все характеристики — материально-имущественные (доходы, сбережения, движимое и недвижимое имущество), социально-профессиональные (образование и наличие регулярной занятости), субъективные (самооценка социального самочувствия) — находятся на минимальном уровне, в России составляет около 10%, причем эта доля практически не менялась на протяжении 15-летнего периода.

Более того, согласно многокритериальной оценке в случае затяжной рецессии почти 30% российских домохозяйств имеют высокие риски бедности и при неблагоприятных социально-экономических сценариях могут пополнить ряды бедных [2, с. 175–186].

Вторая посылка — не противоречащая первой: Россия — богатая страна. Вспомним слова о нашей стране, сказанные В. В. Путиным в бытность еще премьером: «богатая страна бедных людей».

Россия является одним из самых больших по территории государств мира с площадью — 17125407 км^2. Однако это конкурентное преимущество используется явно недостаточно. Как отмечает А. Дитон, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) используют только «определенные преимущества» своих размеров.

Как нам представляется, одним из направлений реализации данного конкурентного преимущества является развитие туристско-рекреационной сферы. Однако действующая с 2011 г. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», призванная «повысить конкурентоспособность отечественного туристского рынка, создать условия для развития туристской инфраструктуры, привлечь инвестиции в отрасль», страдает отсутствием стратегического видения проблемы и путей ее решения. Реализация этой программы, предусматривающей строительство 152 объектов инфраструктуры на территории 28 регионов страны, идет очень медленно и непрозрачно. Практически отсутствует информация о состоянии дел в туристско-рекреационных зонах РФ. На сайте Ростуризма в разделе «Региональные целевые программы развития туризма в субъектах РФ» нам удалось обнаружить программы развития туризма только 3 (!) областей (Вологодской, Нижегородской и Новгородской).

По данным делового американского сайта 24/7 Wall St. (24/7 Уолл-стрит), исследовавшего позиции стран с самыми большими и ценными природными ресурсами на Земле, Россия занимает первое место среди всех стран мира по количеству запасов природного газа (27,5%) и древесины, второе место в мире по величине месторождений угля и редкоземельных минералов (редкоземельные минералы в настоящее время не добываются). На третьем месте по месторождениям золота. Общая стоимость ресурсов оценивается в 75,7 трлн долл. (у занимающих второе место США — 45 трлн долл.)[1].

Действительно, по разнообразию и величине природно-ресурсного потенциала Россия опережает многие страны. У нас почти идеально (55:45%) соотношение промышленных и сельскохозяйственных ресурсов. Велики запасы пресной воды, дефицит которой уже через 20–30 лет неизбежно приобретает глобальные масштабы и существенным образом повлияет на развитие мировой экономики. По оценкам специалистов, именно производство водоемкой продукции (рынок водоемкой продукции — это рынок продукции, а не сырья) станет доминирующим направлением для российской экономики в «постнефтяной» период [3, с. 55].

Природно-ресурсный потенциал является мощнейшим источником конкурентных преимуществ как всей страны, так и ее отдельных регионов. Так, живущий на нефти Катар, является одной из самых богатых стран мира (ВВП — 88 тыс. долл. на душу населения). Но, с другой стороны, еще одно государство Африки, богатое нефтью, — Ангола — имеет ВВП на душу населения около 6 тыс. долл. Следовательно, проблема состоит не столько в наличии или отсутствии подобного потенциала, а в способности его рационально использовать, а это уже проблема управления, политико-экономическая проблема.

«An Almost Ideal Demand System» («Почти идеальная система спроса»)

Нобелевская премия по экономике была присуждена Ангусу Дитону за его многолетние исследования потребления, бедности и благосостояния. Как сообщается на официальном сайте Нобелевского комитета, «чтобы формировать экономическую политику, которая обеспечивала богатство общества и способствовала сокращению бедности, нужно понимать причины потребительского выбора. Больше, чем кто бы то ни было, Ангус Дитон продвинулся в этом».

Нобелевский комитет назвал одним из главных направлений деятельности своего лауреата создание в соавторстве с Джоном Мюльбауером так называемой «идеальной системы спроса». Результаты их исследования были опубликованы в 1980 г. в работе «An Almost Ideal Demand System» [17].

Предложенная учеными модель «почти идеальной системы спроса» (AIDS) описывает динамику структуры потребления на микроуровне — на уровне реальных домохозяйств. Она показывает в динамике, как и на что расходуются средства, как происходит замещение одних товаров другими, что зависит и от уровня дохода, и от принадлежности к той или иной социальной группе, и от возраста, и от состава домохозяйства.

Подобный подход позволил пересмотреть базовые модели, описывающие зависимость потребления (и сбережений) от уровня дохода, которые создали в 1950-е гг. макроэкономисты-кейнсианцы Милтон Фридман и Франко Модильяни. Они предложили для прогнозирования спроса на потребительских рынках модели Permanent Income Hypothesis и Life-Cycle Model, основанные на представлении об идеальном «среднем

[1] The World's Most Resource-Rich Countries [Электронный ресурс]. 24/7 Wall St. URL: http://top-rating.info/catalog/1/210/ (дата обращения: 25.12.2015).

(типичном) потребителе» с использованием агрегированных показателей спроса и модели изменения нормы сбережений. Дж. М. Кейнс утверждал, что предельная склонность к потреблению в функции потребления принимает значение от нуля до единицы. Средняя склонность к потреблению снижается по мере роста дохода, а текущий располагаемый доход важнейший, влияющий на потребление, фактор. Исследования функции потребления Ф. Модильяни и М. Фридмана, основанные на микроэкономической модели поведения потребителя И. Фишера, объясняли уровень потребления, выбираемый потребителем в настоящий момент времени и на будущее, достигая на протяжении жизни наивысшего возможного уровня благосостояния. Макроэкономисты-кейнсианцы, в теориях жизненного цикла и постоянного дохода, разрешили противоречия, возникшие относительно функции потребления, поскольку определили дополнительные факторы, влияющие в долгосрочном и краткосрочном периоде на уровень потребления. К таким факторам были отнесены: ожидаемый будущий доход, постоянный доход, случайный доход, накопленное богатство, ставка процента.

А. Дитон пошел дальше: выявил взаимосвязи между макроэкономическими показателями и индивидуальным потреблением. Он доказал, что подход, основанный на «усредненных» представлениях о тратах/сбережениях потребителя, приводит к значительным управленческим ошибкам на макроуровне.

Дитон предлагает изучать не усредненного, а конкретного потребителя. К примеру, он доказывает, что только на индивидуальном уровне можно увидеть тот факт, что молодые потребители часто тратят больше, чем зарабатывают, а пожилые — наоборот. Тогда на основании демографического прогноза, можно прогнозировать грядущие траты потребителей.

Проводимые А. Дитоном по собственной методике «микропереписи» домохозяйств позволили увидеть парадоксальные явления. Описанные в научной литературе, они получили название «Парадокс Дитона», называемый также «избыточным сглаживанием». Его суть заключается в том, что жесткой прямой зависимости между динамикой объемов потребления и динамикой совокупного дохода не существует. Как показал Дитон, в действительности люди ведут себя в соответствии с собственными ожиданиями того, как будут меняться их доходы. Очень часто бывает так, что потребление повышается больше, чем растут текущие доходы, так как люди ожидают, что их доходы и дальше будут увеличиваться. Кроме того, он показал, что по мере того, как люди стареют, с точки зрения потребления они становятся все более похожими друг на друга. Таким образом, потребление пожилых людей является более или менее стабильным в этот период их жизни.

Практическая значимость исследований Дитона очевидна. Разработанная им и Д. Мюльбауером модель AIDS доказала свою эффективность для ряда направлений исследований в экономике: изучение инфляции для разных доходных групп, экономики семейных отношений, внутристрановой (региональной) бедности и т. д. Во многих государствах она используется для оценки влияния на потребителей различного вида налогов: изменения НДС, налога с продаж, налогов на загрязнение среды и на транспорт.

Как нам представляется, выводы и рекомендации, содержащиеся в статьях Дитона 1990-х гг., крайне актуальны для исследований спроса, потребления и сбережений в современной России, особенно в связи с падением реальных располагаемых доходов в России в 2014–2015 гг., когда норма сбережений была весьма нестабильной. Совершенно очевидно, что именно падение спроса, реальное снижение покупательной способности особо губительно для отечественной экономики.

Таким образом, можно сделать вывод: Дитон занимается значимыми проблемами потребительского спроса, что вносит вклад в анализ сущности и закономерностей поведения определенных экономических агентов. Исследуя существенные

различия в потребительских стратегиях различных социальных групп населения, он доказывает необходимость их изучения и учета при разработке эффективной экономической и социальной политики. Кроме того, динамика реальных предпочтений домохозяйств с разнящимся доходом позволяет прогнозировать будущее поведение потребителей, в частности в сфере траты/сбережения. «Идеальная система спроса» остается общепризнанным методом изучения последствий экономической политики, индексов инфляции, а также сравнения состояния и динамики покупательной способности населения в различных странах мира.

Благосостояние

Изучение проблем благосостояния — еще одно из направлений исследований А. Дитона, отмеченных Нобелевским комитетом.

Сущность понятия «благосостояние» Дитон раскрывает следующим образом: «Термином “благосостояние” я обозначаю все то, что полезно для человека, что позволяет сделать его жизнь достойной. Под благосостоянием понимается материальное благосостояние, включающее доход и имущественное положение; физическое и психологическое благополучение, выраженное в состоянии здоровья и счастья; образование и возможность принимать участие в жизни гражданского общества в условиях демократии и верховенства закона» [5, с. 41].

Ограниченность наших знаний о проблемах благосостояния нобелевский лауреат видит в том, что оно до сих пор оценивается по усредненным показателям, без учета неравенства, оценивается «лишь по одной или нескольким составляющим его частям, не рассматривая как единое целое» [5, с. 25]. Но одному человеку это сделать не по силам.

Поэтому Дитон оговаривается: его интересует в основном экономическая составляющая благосостояния. Другие важные компоненты благосостояния, такие, как свобода, состояние здоровья, ожидаемая продолжительность жизни или уровень образования — все они так или иначе связаны с доходом и потреблением, но не могут быть адекватно отражены каким-либо простым денежным показателем[1].

Совместно с психологом Даниэлем Канеманом (нобелевский лауреат 2002 г., один из основоположников психологической экономической теории) Дитон провел исследование о том, какой ежегодный доход на семью люди считают оптимальным с точки зрения соотношения качества жизни и стрессов. Результаты исследования были опубликованы в статье «Высокие доходы улучшают оценку жизни, но не эмоциональное благосостояние». Изучалось представление о счастье, которое понималось как «удовлетворенность тем, как протекает ваша жизнь»[2].

Вводя понятие «субъективное благополучение», американские ученые предлагают рассматривать в нем два аспекта: ощущение (чувство) благополучия, возникающее у человека в его каждодневном опыте (частота и интенсивность событий радости, напряжения, печали, гнева и т. д.) и представления людей о счастье («жизненная оценка»). Причем, эмоциональная составляющая измерялась вопросами об эмоциональных событиях «вчера», а жизненная оценка — шкалой Хедли Кентрила[3].

---

[1] Дитон А., Заиди С. Принципы построения агрегированных показателей потребления в целях анализа благосостояния. [Электронный ресурс]. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTPA/Resources/429966-1092778639630/DeatonZaidi-Russian.pdf (дата обращения: 25.12.2015).

[2] Kahneman D. and Deaton A. 2010. «High Income Improves Evaluation of Life but Not Emotional Well-Being». Proceedings of the National Academy of Sciences 107 (38): 16489–16493. [Электронный ресурс]. URL: http://scholar.princeton.edu/deaton/publications/high-Income-Improves-Evaluation-Life-Not-Emotional-Well-Being (дата обращения: 25.12.2015).

[3] Шкала Хедли Кентрила используется для расчета Индекса счастья. При вычислении учитывается социальная поддержка, ВВП на душу населения, продолжительность полноценной здоровой жизни,

Согласно результатам исследования, проведенного в 2008–2009 гг. и основанного на изучении Институтом Гэллапа мнения примерно 450 тыс. респондентов, в США таким порогом являются 75 тыс. долл. в год на семью из 4 человек. При превышении этой планки количество стрессов увеличивается, а денежный доход часто перестает приносить удовлетворение. Дитон и Канеман эмпирически доказали, что высокий уровень доходов коррелирует с продолжительностью жизни, а не с самооценкой благосостояния. Таким образом, «чем сильнее годовой доход переваливает за цифру 75 тыс. долл., тем меньше его обладателя радуют простые человеческие удовольствия: вкусная еда, общение с друзьями и близкими, путешествия. Иными словами, все то, что дает нам ощущение эмоционального комфорта и счастья. Результаты, которые мы получили, еще раз доказали: гармония, в данном случае финансовая, всегда лучше, чем недостаток или переизбыток».

А. Дитон и Д. Канеман считают, что при доходе менее 75 тыс. долл. в год (6 тыс. 250 долл. в месяц) жизненные неурядицы воспринимаются более эмоционально, являются серьезным источником стресса. Таким образом, респонденты высказались за то, что доход 75 тыс. долл. в год достаточен, чтобы не получить тяжелый стресс от развода или переживаний о том, что у тебя не самый большой дом среди соседей и не самый быстрый автомобиль, и так далее. Исследование показало, например, что возможность развода чаще беспокоит тех, кто зарабатывает менее 1 тыс. долл. в месяц, и реже тех, у кого заработок превышает 3 тыс. долл.

Книга А. Дитона «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства» вышла в 2013 г. Под «великим побегом» он подразумевает избавление человечества от бедности и болезней, который некоторые страны уже совершили, другие пытаются осуществить сейчас, а наименее удачливым только предстоит его начать.

В течение тысячелетий миллионы людей если не умирали в детстве, то влачили жизнь в нищете. До трети населения средневековой Европы скашивали эпидемии чумы. Всего два века назад свирепствовала оспа. Еще до середины 1920-х годов прошлого века европейцев и американцев косил диабет, до середины 1940-х — туберкулез, в начале 1950-х детей калечил полиомиелит. Мы продвигались вперед с боями (которые вели наука, медицина и общество), и вот результат: с 1900-х гг. до нашего времени средняя продолжительность жизни в развитых странах увеличилась на 30 лет! Если эта тенденция сохранится, то к 2050 г. в Японии и в Австралии средняя продолжительность жизни достигнет 100 лет! Еще в 1981 г. 42% населения Земли вынуждено было жить на 1 долл. в день. Сейчас — только 14%, — пишет он в своей книге.

Важнейшим компонентом благосостояния является состояние здоровья. Этой проблемой А. Дитон занимался как самостоятельно, так и в соавторстве на протяжении всей своей творческой жизни. Особенно очевиден его интерес к данной проблематике в последние годы.

Результаты исследований Дитона убедительно доказывают, что во всем мире происходит снижение детской смертности. Это происходит за счет улучшения «общих условий — появления чистой воды, санитарных условий, вакцинации и уничтожения вредителей-источников болезней». Но «как только эти „низко висящие“ плоды сорваны... дальнейшие улучшения в области здоровья должны происходить за счет снижения взрослой смертности, а это означает снижение количества случаев сердечно-сосудистых заболеваний и рака» [4, с. 87].

Исследования Дитона обнаружили довольно интересный аспект данной проблемы, описанный им в соавторстве с Энн Кейс в статье «Рост заболеваемости и смертности в середине жизни среди белых неиспаноязычных американцев в XXI сто-

свобода выбора, уровень коррупции в государстве, щедрость и благотворительность. Минимальная оценка — 0, а максимальная — 10 баллов.

летии» (2015) [1]. Констатируемый в названии работы факт является выводом проделанного учеными анализа данных американской статистики за 15 лет (1999–2013). Статистика показала заметное увеличение смертности от всех причин в среднем возрасте белых неиспаноязычных мужчин и женщин. В других возрастных, расовых и этических группах в указанный период времени происходило снижение смертности. Причем это явление, не затронувшее другие развитые страны, отмечено только в США. Анализ причин смертности показал, что рост данного показателя произошел из-за увеличения смертности от наркотиков и алкогольного отравления, самоубийств, хронических заболеваний печени и цирроза. Специально отмечалась такая причина смертности, как повышение с конца 1990-х гг. доступности опийсодержащих препаратов, рецепты на которые выдавались тяжелобольным для обезболивания. Причем, как отмечают исследователи, ужесточение контроля за выдачей опиоидных рецептов привело к росту употребления героина, даже в тех районах, где он ранее был неизвестным. Нынешнее поколение действительно может стать «потерянным», утверждают Кейс и Дитон, если правительство США не примет ряд соответствующих мер по запрещению опиатов и пресечет массовое злоупотребление ими.

В статье «Две головоломки (загадки) о счастье» продолжается анализ темы благосостояния[1]. В частности, рассматривается показатель субъективного благополучия (SWB), его связь с представлением о счастье, иными социокультурными факторами. К примеру, показана прямая и вполне объяснимая зависимость чувства благополучия от уровня религиозности. Но в то же время отмечена прямая зависимость между уровнем религиозности и показателями асоциального и девиантного поведения: преступности, разводов, венерических заболеваний, подростковой беременности и т. д. Причину подобного факта Дитон объясняет тем, что высокая религиозность в неблагополучной ситуации является не причиной неблагополучия, а его следствием, реакцией на чужеродную враждебную среду. Отмечается и более низкая удовлетворенность жизнью у людей, которые имеют детей, хотя при опросах такие респонденты всегда отвечают, что дети приносят им радость и счастье.

Как нам представляется, оценки и выводы объективных и субъективных показателей благосостояния, сделанные в работах А. Дитона, могут быть с успехом применены при исследовании качества жизни как отдельных людей, так и социальных групп в нашей стране. Результаты таких исследований могут быть основой для прогнозирования социальной напряженности, изучения динамики социального самочувствия и качества жизни. Эти показатели должны стать неотъемлемой частью программ мониторинга реализации стратегий развития всех уровней.

«Из леса мы еще не вышли»

Основная проблема, изучением которой занимается А. Дитон, — это проблема бедности и голода. По данным Всемирного банка, сегодня около 17% населения Земли живет менее чем на 1,25 долл. в день. И хотя в последние десятилетия численность бедных неуклонного сокращается, проблема бедности, как внутристрановая, так и межстрановая продолжает сохраняться.

В России сегодня почти 22,9 млн человек получают доход ниже прожиточного минимума. Только за I полугодие 2015 г. число россиян с доходом ниже прожи-

[1] Deaton A., Stone Arthur A. (2013). «Two Happiness Puzzles». American Economic Review, 103(3): 591–97 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1257/aer.103.3.591 (дата обращения: 25.12.2015).

точного минимума (менее 10 тыс. руб. в месяц) выросло с 18,9 до 21,7 млн человек (15,1% от населения страны). Реальное снижение покупательной способности пенсий в 2016 г. затронет 40–45% российских семей [12].

Весьма актуальна для современного мира и проблема голода, об этом говорят следующие цифры и факты. Сегодня почти каждый второй человек на планете голодает. Причем непосредственно от отсутствия пищи страдают только 900 млн, а остальные 2 млрд — от скрытого голода, недостатка в питании витаминов и минералов. В этом плане зажиточный американец, сидящий на гамбургерах и пицце, мало отличается от индийца, питающегося рисом и кукурузой, или русского, потребляющего колбасу с макаронами и майонезом, — все они одинаково голодные. По данным Всемирного банка, от болезней и снижения производительности труда, к которым приводит скрытый голод, мировая экономика теряет почти 5%, или 4 трлн долл. ежегодно [11].

Сама постановка проблемы далеко не нова. Столетие назад именно так, как это сделал Дитон, ее сформулировал российский социолог Питирим Александрович Сорокин в своем труде «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь». Работа отечественного мыслителя посвящалась анализу «социальной роли питания вообще и голода, в частности».

Знал ли Дитон об этой работе? Скорее всего, нет. Дело в том, что она была уничтожена цензурой сразу же после эмиграции Сорокина из страны (1922). А вот с другой работой Сорокина, в которую включался текст первой, мог быть знаком. Тем более труд «Человек и общество в условиях бедствий» (1942), написанный П. А. Сорокиным уже в США, был переведен его женой на английский язык [13].

Даже если Дитон не был знаком с данным трудом Сорокина, остается поражаться тому, насколько совпадает логика исследования российско-американского и англо-американского ученого. Привлекая обширный исторический, статистический материал оба показывают, как влияет голод на организм отдельного индивида, затем воздействие голода рассматривается в масштабе всего общества, и в результате делается прогноз о страшных социальных последствиях голода. В частности, П. А. Сорокин, называя голод «социальным монстром», показывает, как этот монстр связан тесными узами с другими исследуемыми им «социальными монстрами» — войной, революцией, эпидемией. Он утверждает, что существует функциональная связь между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии. С изменением первой «независимой переменной» (*ceteris paribus*) меняется и «идеология общества», и меняется в том же направлении. Таким образом, голод должен вызывать появление, развитие и успешную прививку коммунистически-социалистически-уравнительных рефлексов, в частности рефлексов речевых и субвокальных (убеждений), иными словами, «коммунистически-социалистической идеологии». Последняя в таких голодных массах находит прекрасную среду для прививки и распространения и будет «заражать» их с быстротой сильнейшей эпидемии. Совершенно не важно, под каким соусом она будет подана и как обоснована: по методу ли Маркса или Христа, по системе ли Бабефа—Руссо, и якобинцев, или по системе Катилины, и анабаптистов, на принципе ли «прибавочной ценности» и «материалистического понимания истории», или на принципе Евангелия: «кто имеет две рубашки — пусть отдаст одну неимущему» [18, с. 368].

До исследований А. Дитона в науке доминировали два основных метода определения благосостояния и бедности. Первый — расчет среднего дохода на основе данных официальной статистики, знаменитая «средняя температура по больнице». Применяя данный метод, экономисты осознавали приблизительность своих расчетов, учитывающих только «белую» заработную плату без каких-либо колебаний,

к примеру, сезонных. Другой метод, более тонкий, предполагает расчет объема потребления на индивидуальном уровне.

Именно данный метод и совершенствовал А. Дитон. Он предложил ряд собственных методик анализа значительного массива данных о реально существующих потребительских расходах на уровне домохозяйств и их групп.

Разработанный Дитоном подход позволил, к примеру, на основе оценки потребления в килокалориях, более точно определить понятие «бедность». Особое практическое значение это имело для развивающихся стран, ибо стало понятно, что «черта бедности» не может быть одинаковой для всех стран и выражаться цифрой минимального дохода «на душу населения». К примеру, основываясь на том факте, что в реальном домохозяйстве дети потребляют меньше, чем взрослые, Дитон в цифрах показал, что в странах с высоким уровнем рождаемости (детей больше, чем взрослых) показатель среднего дохода на человека не способен адекватно отразить реально существующую ситуацию. Он также первым предложил считать расходы на детей и самих детей в 30–40% от расходов на взрослого человека, что заставило крупные международные организации пересчитать уровень жизни в ряде развивающихся стран.

Практическая реализация методов, разработанных Дитоном, имеет большое значение в деятельности международных организаций, оказывающих помощь развивающимся странам. По словам Дитона, зная, на покупку каких товаров домохозяйства направляют дополнительные доходы, полученные от зарубежных доноров, можно гораздо лучше организовать процесс оказания помощи, максимально улучшая эффект и обеспечив целевое использование выделенных средств. Сегодня микроэкономические исследования бедности на основе изучения конкретных домохозяйств являются общепризнанными в деятельности Всемирного банка, экономического блока правительств многих развивающихся стран.

Проблема бедности остается актуальной и для России. Высокий уровень инфляции, низкие темпы роста номинальной заработной платы, сокращение государственных расходов на социальные выплаты в регионах и обесценение пенсий в реальном выражении — это, пожалуй, основные причины роста показателя бедности в последние годы. Для решения данной проблемы сделано немало. К примеру, Минтруд предлагает направить 5 млрд руб. на обучение и стажировку уволенных или рискующих потерять работу, возмещение затрат на трудоустройство инвалидов, поддержку и сопровождение самозанятости и организации собственного дела безработными и лицами, ищущими работу, создание рабочих мест, возмещение работодателям затрат, связанных с трудоустройством, сопровождением и адаптацией инвалидов на рабочих местах. Однако эти и подобные им меры носят бессистемный, а порой и просто чрезвычайный характер.

Как нам представляется, в создавшихся условиях необходимо разработать национальную *Стратегию ликвидации бедности,* реализовав ее на региональном уровне в Программах борьбы с бедностью. Программы будут конкретизировать приоритеты и цели национальной стратегии, указывая практические меры и сроки их реализации. Подобный документ должен связать воедино все документы, в той или иной степени направленные на преодоление бедности. К примеру, региональную программу повышения мобильности трудовых ресурсов, программу содействия занятости и т. д.

После получения награды за свои исследования ученый отметил, что число крайне бедных в мире сократилось за последние 20 лет, и, по его прогнозам, эта тенденция продолжится. Однако Дитон подчеркнул, что не хочет при этом выглядеть «слепым оптимистом». «Вместе с тем, как я полагаю, ситуация станет лучше. Необходимо помнить, что „из леса мы еще не вышли“», — отметил ученый.

«Ловушка бедности», или нужна ли помощь развивающимся странам

Нобелевский комитет особо отмечает работы А. Дитона за последние 15–20 лет, посвященные проблематике бедности в развивающихся странах. Специалисты подчеркивают большой вклад А. Дитона в понимание и измерение масштабов нищеты в мире. Так, известный американский экономист А. Табаррок пишет: «Если вы хотите знать, откуда мы знаем, что уровень нищеты в мире впервые опустится ниже 10%, то ответ прост — из работ Дитона, основанных на обследовании домохозяйств, сборе данных и измерении благосостояния»[1].

Создание Дитоном методологии — микропереписи домохозяйств и обобщениях на их основании — имеет большое практическое значение для развивающихся стран. До работ Дитона в исследованиях проблем бедности доминировали лонгитюдные (долгосрочные) панельные исследования, предполагающие работу с одной и той же по составу выборкой. Однако со временем состав выборки мог измениться весьма существенным образом: люди умирали, мигрировали и т. д., что делало выборку нерепрезентативной и приводило к кардинальным изменениям в получаемых результатах.

Нобелевский лауреат предложил применять в оценке потребления в развивающихся экономиках так называемые «перекрестные данные» — оценку затрат социальных групп, а не конкретных домохозяйств. Так, в развивающихся странах им проводились повторяющиеся замеры уровня и качества потребления определенных групп ровесников. Преимущества здесь очевидны: их проще опрашивать, у них формируется некий определенный тип потребления. Задача исследователя состоит только в том, чтобы проследить динамику зависимости потребления от колебаний показателей экономического роста [15].

На основании значительных эмпирических данных А. Дитону удалось доказать, что в развивающихся странах практически отсутствует гендерное неравенство. Так, например, считалось, что мальчикам в многодетных бедных семьях достается все самое лучшее, ибо они рассматриваются как будущие кормильцы. На основе анализа потребления таких товаров, как алкоголь, табак, одежда, Дитон показал, что траты в таких семьях на мальчиков и девочек разнятся в очень незначительной степени.

Исследования А. Дитона подвергли критике концепцию «ловушки бедности». Ее суть коротко можно сформулировать так: низкий уровень жизни, низкая производительность труда в развивающихся странах обусловлена бедностью, необеспеченностью их населения продуктами питания.

Результаты исследований Дитона показали, что уровень экономического развития этих стран не зависит от качества питания. Зависимость как раз обратная: низкий уровень доходов порождает и некачественное питание, и высокую заболеваемость. Поэтому помощь таким странам в виде прямых поставок продовольствия — не эффективна. Вместо «рыбы» они нуждаются в «удочке».

Он последовательно выступает за распространение в развивающихся странах элементарных медицинских знаний, создание системы социальной гигиены. Так, в книге «Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства» Дитон отмечает, что за последние 200 лет человечество совершило мощный рывок в развитии здравоохранения и повышении благосостояния людей. Но этот «побег» от бедности и болезней не устранил, а только увеличил разрыв между развитыми и развивающимися странами. Устранение этого разрыва он видит не столько в финансовой

[1] Tabarrok A. Angus Deaton wins the Nobel [Электронный ресурс]. URL: http://marginalrevolution.com/marginalrevolution/2015/10/deaton.html (дата обращения: 25.12.2015).

помощи бедным странам, сколько в устранении таможенных барьеров, разрешением на въезд трудовым мигрантам и созданием лекарств от тропических болезней.

Дитон рекомендует правительствам развитых стран сократить бюджеты, выделяемые на оказание помощи странам «третьего мира». Он обосновывает свою рекомендацию тем, что эта помощь не способствует экономическому росту стран-получателей. Более того, она становиться тормозом на пути развития стран, она развращает институциональные системы, позволяя руководителям этих стран править без поддержки населения, так как нет необходимости взимать налоги.

Жесткая позиция, занимаемая Дитоном по вопросу помощи развивающимся странам, вызывала и продолжает вызывать критику со стороны западных ученых. Так, Чарльз Кенни, сотрудник Центра мирового развития, пишет: в бедных странах с неразвитыми институтами помощь заменяет налоги примерно один к одному, но в среднем для стран-получателей каждый доллар полученной помощи снижает собираемые правительством налоги всего на девять центов. Также существуют свидетельства того, что даже в странах, зависящих от финансовой помощи и имеющих слабую систему управления, помощь иногда способствует созданию элементарной системы здравоохранения. За период с 2004 г. по 2010 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни в Афганистане увеличилась с 42 до 62 лет, в немалой степени благодаря программе, финансируемой Агентством США по международному развитию и проводимой министерством здравоохранения. Благодаря этой программе 90 процентов населения получило базовые медицинские услуги [7, с. 54].

Есть также и те, кто поддерживает позицию А. Дитона. Так, известный российско-американский ученый В.Л. Квинт в своей книге пишет, что на протяжении многих лет население слаборазвитых и развивающихся стран получало иностранную помощь, а не инвестиции. А если это и были инвестиции, то первостепенным приоритетом иностранных инвесторов было получение прибыли. Кроме того, одна из основных проблем внешней помощи, поступающей в любой форме: питание, одежда, образовательные, медицинские и другие услуги или оборудование, связана с ее надлежащим распределением, что в данных странах осуществляется неэффективно [6, с. 475–476]. Также как и Дитон, В.Л. Квинт называет причиной сложившейся ситуации — неэффективность управления, неэффективность власти. Он высоко оценивает предложение Дитона по микрокредитованию этих стран, предназначенному для решения проблем крайней бедности, болезней и повышения качества жизни.

В оценке перспектив развития этих стран Дитон остается осторожным оптимистом. «Осторожным» потому, что видит политическую нестабильность в мире, постоянно возникающие военные конфликты, которые заставляют двигаться большие массы людей. «Новую опасность колоссального масштаба», по его мнению, представляет собой неконтролируемое изменение климата.

Социальное неравенство и его глобальные последствия

Изучение проблем социального неравенства, его истоков и последствий является еще одним важнейшим направлением исследований Дитона, отмеченных Нобелевским комитетом. Насколько актуальна данная проблема показывают цифры: общее состояние более 3,6 млрд чел., составляющих беднейшую часть населения Земли, с 2010 г. уменьшилось более чем на трлн. долл., в то время как общее состояние 62 самых богатых человека в мире увеличилось за тот же период на 1,76 трлн долл. Эксперты полагают, что причинами растущей разницы в достатке между бедными

и богатыми являются налоговые льготы, доступные наиболее состоятельной прослойке населения, увеличение разницы наибольшей и наименьшей оплаты труда и сокращение финансового вознаграждения рабочих[1].

Велико неравенство в доходах и в современной России. В 2014 г. 28,4 млн человек (20% населения) жили на 7 тыс. руб. в месяц, а в январе — сентябре 2015 г. на них приходилось лишь 5,6% всех доходов. Но реальный уровень расслоения по доходам гораздо выше, чем принято считать в российском обществе. В октябре 2015 г. российские респонденты считали, что на долю 1% самых обеспеченных граждан России приходится 53% всех доходов, но фактический показатель — 70%, свидетельствует исследование «Ловушки восприятия-2015» Ipsos Public Affairs, которое проводилось в 33 странах[2].

Неравенство в доходах, разрыв между бедными и богатыми Дитон называет «одной из главных опасностей в современном экономическом строе». Процесс, который сегодня оборачивается большими проблемами, начался 250 лет назад. Именно тогда некоторые регионы мира начали устойчиво развиваться, уверенно опережая другие, что и привело к сложившемуся нынешнему состоянию неравенства.

Дитон отмечает также, что наряду с существованием традиционных неравенств по доходам, продолжают существовать иные виды социальных неравенств, например, в использовании достижений здравоохранения. В книге «Великий побег...» Дитон утверждает, что «современные, более глубокие исследования экономических данных показывают, что в то время, как большинство людей выиграли в сферах здравоохранения и здоровья вследствие роста ВВП, многие группы населения этого не получили».

Другие виды социальных неравенств, по мнению нобелиата, практически исчезают. В работе «Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data» [14] он в качестве примера называет гендерное неравенство и возникающую на его основе гендерную дискриминацию. Исследовав данные опросов домохозяйств, Дитон не нашел заметных различий в паттернах потребления семей при рождении детей разного пола.

Одним из способов преодоления социальных неравенств Дитон называет миграцию. В этом он видит ее положительную, прогрессивную роль в истории человечества, выравнивании социальных неравенств. Вот только несколько цифр, приводимых в журнале Всемирного банка «Финансы и развитие»: Мигранты пересылают в свои родные страны огромные суммы денег. Например, денежные переводы составляют 9% ВВП Бангладеш, 10% ВВП Гватемалы и 23% ВВП Лесото. По меньшей мере столь же значительную роль миграционные потоки играют, содействуя потокам инвестиций, торговли и идей. Рост индийской отрасли ИТ опирался на передачу навыков из Соединенных Штатов, но рост экономики в США зависит от мигрантов, на которых приходится примерно четверть патентных заявок в стране. Здравоохранение США также зависит от остального мира, и не только в связи с угрозой пандемий, но и потому, что одна пятая часть медсестер, работающих в Соединенных Штатах, получила образование за пределами страны. По мере того как индустриальный мир стареет, спрос в нем на мигрантов будет только расти [8, с. 13].

Губительным последствием глобального неравенства Дитон называет неконтролируемую миграцию, породившую громадные потоки беженцев. «То, свидетелями

[1] Половина человечества обеднела на триллион долларов за пять лет — эксперты // Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL:http://www.aif.ru/money/mymoney/polovina_chelovechestva_obednela_na_trillion_dollarov_za_pyat_let_-_eksperty (дата обращения: 25.12.2015).

[2] Шаповалов А. Перед нефтью все равны [Электронный ресурс]. Коммерсант. 2016. 9 января URL: http://www.kommersant.ru/doc/2884661 (дата обращения: 25.12.2015).

чего мы сегодня являемся, стало результатом неравномерного развития, которое длилось сотни лет».

Необходимо заметить, что анализ проблем неравенства — это более уязвимая для критики часть исследований Дитона. К примеру, заявляя о задаче изучения «истоков неравенства», он сосредоточил основное внимание на анализе его социальных последствий, его роли в истории человечества. Но и даже последнее сделано без достаточной глубины. В практически одновременно с «Великим побегом» вышедшей книге Т. Пикетти содержится более системный и глубокий анализ социального неравенства. Так, в частности, Пикетти делает акцент на том, что наряду с нарастанием неравенства между странами, наблюдается тенденция к усилению неравенства в распределении доходов и особенно сбережений внутри страны. Причем последнее характерно как для развитых стран, так и для «верхней» группы развивающихся экономик [16].

Особое значение для измерения проблем социального неравенства, бедности и благосостояния имеет инструментарий исследования. И в этом отношении можно отметить вклад А. Дитона. Так, для измерения уровня жизни в развитых и развивающихся странах проводились LSMS-обследования (Измерение уровня жизни, *Living Standards Measurement Survey*)[1].

В обследованиях применялись различные инструменты сбора данных:

1) анкета для опроса в домохозяйствах. Такой опрос обычно проводится в относительно небольшой выборке, включающей 2000 — 5000 домохозяйств; как правило, в таких обследованиях ведется сбор данных по широкому спектру вопросов, включая демографические характеристики домохозяйства, его экономическую деятельность, потребление товаров и услуг, жилищные условия, доступ к услугам и удобствам, общее состояние здоровья и уровень образования всех членов домохозяйства;
2) анкета для опроса сообщества. В каждом из населенных пунктов или административных единиц, где проводятся собеседования с домохозяйствами, применяется анкета для опроса сообществ. В ней аккумулируется информация о качестве инфраструктуры, доступности различных услуг и удобств в данной местности;
3) «ценовая» анкета. «Ценовая» анкета также применяется на уровне каждого сообщества для сбора данных о действующих ценах на широкий круг товаров и услуг, имеющихся на местном рынке;
4) анкета опроса в образовательных и медицинских учреждениях. Эти анкеты заполняются во всех школах и медицинских учреждениях, находящихся в границах данной административной единицы; в этой анкете аккумулируется типичная информация о штатном укомплектовании, качестве инфраструктуры и о номенклатуре услуг, предлагаемых данным учреждением и т. д.

А. Дитон отмечает, что при проведении своих исследований он и соавторы сталкивались с множеством трудностей. И слабость имеющегося инструментария была одна из них. Так, к примеру, он отмечает, что результат оказания многих услуг трудно поддается измерению. Оценки статистиков в данном случае — это оценочные значения с большой погрешностью. Он пишет: «Оценка одной из самых важных услуг — выгоды от проживания в собственном доме — почти полностью основана на допущениях и часто делается путем экстраполяции показателей малых и непредставительных рынков аренды или предположения о стоимости актива для пользователя» [4, с. 82].

Много проблем создают и самооценки респондентами неравенства, благосо-

[1]Дитон А., Заиди С. Принципы построения агрегированных показателей потребления в целях анализа благосостояния. [Электронный ресурс]. URL: http://siteresources.worldbank.org/INTPA/Resources/429966-1092778639630/DeatonZaidi-Russian.pdf (дата обращения: 25.12.2015).

стояния и счастья. В частности, Дитон пишет: «Мы не всегда понимаем, что имеют в виду люди, когда отвечают на задаваемые им вопросы; есть сомнения относительно интерпретации одних и тех же вопросов разными людьми или людьми, проживающими в различных странах» [5, с. 65]. К примеру приводится очень тонкое замечание: американцы применяют слово «happy» чаще и в более широком смысле, чем французы «heureux», а жители Восточной Азии вообще не очень любят говорить о своем счастье [17].

Оценивая вклад Дитона в разработку методологии, методов и инструментария экономических исследований, специалисты отмечают, что в эпоху, когда многие честолюбивые экономисты разрабатывали гранд-теории о том, как расти и развиваться экономике, Дитон был внизу, на земле, пробираясь через массивы реальных эмпирических данных, выполняя тяжелую, непрестижную работу, убеждая нас в том, что мы получили факты непосредственно, напрямую[1].

И в заключении отметим, что проделанный нами анализ вклада нобелевского лауреата А. Дитона в развитие экономики как науки — эконометрики, макро- и микроэкономики — не претендует на полноту и завершенность, нами рассмотрены лишь основные направления его исследований, отмеченные Нобелевским комитетом. Более того, они представлены под определенным углом зрения — целесообразности использования результатов исследований, выводов и рекомендаций Дитона для решения насущных проблем развития экономики нашей страны. Совершенно очевидно, что некоторые выводы требуют дополнительной проверки, о чем неоднократно пишет сам нобелиат, с некоторыми вообще трудно согласиться, к примеру, об отсутствии в развивающихся странах гендерного неравенства, но необходимо согласиться с решением Нобелевского комитета, что заслуги Ангуса Дитона перед мировой экономикой действительно велики. Как каждый ученый, он имеет право на достижения, заблуждения и ошибки. Это наука.

Литература

1. *Данилов-Данильян В. И.* Глобальная проблема дефицита пресной воды //Век глобализации. 2008. № 1. С. 45–56.
2. *Дитон А.* Через тьму к светлому будущему / Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. М. : Изд-во Института Гайдара. 2016.
3. *Дитон А.* Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М. : Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Москва», 2016.
4. *Доклад* о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015.
5. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес-Атлас, 2012.
6. *Кенни Ч.* Далеко идущие цели // Финансы и развитие. 2015. Июнь. С. 8–13.
7. *Кенни Ч.* Помощь и пособничество // Финансы и развитие. 2013. Декабрь. С. 54.
8. *Мау В. А.* Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016.
9. *Мау В.* Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5–31.
10. *Никитин А.* Путеводная еда // Коммерсант. Деньги. 2015. № 42. 26 октября.
11. *Смирнов С.* Как бороться с бедностью // Аргументы и факты. 2015. № 38. 16 сентября.

[1] Smith N.A Nobel for a Real-World Economist. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bloombergview.com/articles/2015-10-12/a-nobel-for-a-real-world-economist (дата обращения: 25.12.2015).

12. *Сорокин П. А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М. : Academia & LVS, 2003.
13. *Сорокин П. А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М. : Наука, 1994.
14. *Case A., Deaton A.* 2015. «Rising Morbidity and Mortality in Midlife Among White Non-Hispanic Americans in the 21St Century». Proceedings of the National Academy of Sciences, 1–6.
15. *Deaton A.* (1989). Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data // World Bank Economic Review 3 (1): 1–15.
16. *Deaton A.* (2005). Measuring Poverty in a Growing World (or Measuring Growth in a Poor World) // Review of Economics and Statistics. Vol. 87, N 1. P. 1–19.
17. *Deaton A., Muellbauer J.* (1980). An Almost Ideal Demand System // American Economic Review 70 (3): 312–326.
18. *Piketty T.* (2014). Capital in the Twenty First Century.Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press.
19. *Wierzbicka A.* (1994). «"Happiness" in cross-linguistic and crosscultural perspective» // Daedalus, 1994, 133 (2): 34–43.

References

1. Danilov-Danilyan V. I. *Global problem of deficiency of fresh water* [Global'naya problema defitsita presnoi vody] // Century of globalization [Vek globalizatsii]. 2008. N 1. P. 45–56. (rus)
2. Diton A. *Through darkness to bright future* [Cherez t'mu k svetlomu budushchemu] / In 100 years: the leading economists predict the future [Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvayut budushchee]. M. : Publishing house of Gaidar Institute [Izd-vo Instituta Gaidara]. 2016. (rus)
3. Diton A. *The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality* [Velikii pobeg: Zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva]. M. : Publishing house of Gaidar Institute; Fund Liberal Moscow [Izd-vo Instituta Gaidara; Fond «Liberal'naya Moskva»], 2016. (rus)
4. *The report on human development in the Russian Federation for 2015* [Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god] / under the editorship of L. M. Grigoriev and S. N. Bobyliov. M. : Russian Government Analytical Centre [Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii], 2015. (rus)
5. Kvint V. L. *The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke]. M. : Business Atlas, 2012. (rus)
6. Kenny Ch. *Far-reaching purposes [Daleko idushchie tseli] // Finance and development* [Finansy i razvitie]. 2015. June. P. 8–13. (rus)
7. Kenny Ch. *Help and complicity [Pomoshch' i posobnichestvo] // Finance and development* [Finansy i razvitie]. 2013. December. P. 54. (rus)
8. Mau V. A. *Crises and lessons. Economy of Russia during a turbulence era* [Krizisy i uroki. Ekonomika Rossii v epokhu turbulentnosti]. M. : Publishing house of Gaidar Institute [Izd-vo Instituta Gaidara], 2016. (rus)
9. Mau V. *Social and Economy Policy of Russia in 2014: exit to new boundaries?* [Sotsial'no-ekonomicheskaya politika Rossii v 2014 godu: vykhod na novye rubezhi?] // Economy questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 2. P. 5–31. (rus)
10. Nikitin A. *Guiding food* [Putevodnaya eda] // Kommersant. Money [Kommersant. Den'gi]. 2015. N 42. October 26. (rus)
11. Smirnov S. *How to fight against poverty* [Kak borot'sya s bednost'yu] //Arguments and facts [Argumenty i fakty]. 2015. N 38. September 16. (rus)
12. Sorokin P. A. *Hunger as factor. Influence of hunger on behavior of people, social organization and public life* [Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudei, sotsial'nuyu organizatsiyu i obshchestvennuyu zhizn']. M. : Academia & LVS, 2003. (rus)
13. Sorokin P. A. *Public textbook of sociology. Articles of different years* [Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let] / Institute of Sociology [In-t sotsiologii]. M. : Science [Nauka], 1994. (rus)
14. Case, Anne, and Angus Deaton. 2015. *«Rising Morbidity and Mortality in Midlife Among White Non-Hispanic Americans in the 21St Century».* Proceedings of the National Academy of Sciences, 1–6.

15. Deaton A. (1989). *Looking for Boy-Girl Discrimination in Household Expenditure Data* // World Bank Economic Review 3 (1): 1–1
16. Deaton A. (2005). *Measuring Poverty in a Growing World (or Measuring Growth in a Poor World)* // Review of Economics and Statistics. Vol. 87, N 1. P. 1–19.
17. Deaton A., Muellbauer J. (1980). *An Almost Ideal Demand System* // American Economic Review 70 (3): 312–326.
18. Piketty T. (2014). *Capital in the Twenty First Century.* Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press.
19. Wierzbicka A. (1994). *«"Happiness" in cross-linguistic and crosscultural perspective»*// Daedalus, 1994, 133 (2): 34–43.

Генеральный план Санкт-Петербурга 2019–2043: стратегия и тактика

Албин Игорь Николаевич
Вице-губернатор Санкт-Петербурга
albin@vg.gov.spb.ru

РЕФЕРАТ
Достижение целей создания в Санкт-Петербурге удобной и комфортной среды проживания, повышение его привлекательности как исторического, культурного и туристического центра требуют разработки и реализации единой концепции территориального планирования.

В статье рассматриваются концептуальные основы и логика разработки Генерального плана Санкт-Петербурга на 2019–2043 гг., который является неотъемлемой составляющей единой стратегии социального и экономического развития города. Ключевыми ориентирами территориального планирования Санкт-Петербурга выступают не только создание многофункционального города с высоким качеством жизни и его интеграция в российскую и мировую экономические системы, но и развитие городской агломерации — совместное градостроительное развитие Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области.

В статье подробно рассматривается последовательность этапов разработки Генерального плана Санкт-Петербурга, начиная с утверждения задания на разработку Генерального плана и сбора актуализированных баз данных, необходимых для планирования, и вплоть до момента вступления документа в силу. Отдельное внимание уделено ключевым тактическим задачам, которые стоят перед разработчиками Генерального плана Санкт-Петербурга: развитию инженерного и транспортного каркаса города, повышению качества общественных пространств, диверсификации туристических потоков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Генеральный план Санкт-Петербурга, городская агломерация, транспортный каркас, общественное пространство

General Plan of St. Petersburg for 2019–2043: Strategy and Tactics

Albin Igor Nikolaevich
Vice-Governor of St. Petersburg (Russian Federation)
albin@vg.gov.spb.ru

ABSTRACT
Achievement of the objectives of creation in St. Petersburg of a convenient and comfortable living environment, increase of its appeal as historic, cultural and tourist center demands development and implementation of the uniform concept of territorial planning.

In the article, conceptual basics and logic of development of the General Plan of St. Petersburg for 2019–2043, which is the integral component of uniform strategy of a social and economic development of the city, are covered. Key reference points of territorial planning of St. Petersburg are not only creation of the multipurpose city with high quality of life and its integration into the Russian and world economic systems, but also development of city agglomeration — joint town-planning development of St. Petersburg and territories of the Leningrad Region.

In the article the sequence of development stages of the General Plan of St. Petersburg, starting with the statement of a task for development of the General Plan and collecting the statistic databases necessary for planning and up to the moment of the introduction of the document in force, in detail is considered. The separate attention is paid to key tactical tasks, which face developers of the General Plan of St. Petersburg: development of an engineering and transport framework of the city, improvement of quality of public spaces, diversification of tourist streams.

KEYWORDS
General Plan of St. Petersburg, city agglomeration, transport framework, public space

Формирование Генерального плана Санкт-Петербурга на новую четверть века — это фундаментальная задача, стоящая перед органами власти, научным, экспертным, профессиональным сообществом, институтами гражданского общества. В условиях внешних санкций, замедления темпов экономического роста и неопределенности условий хозяйствования крайне актуальным вопросом в повестке развития страны в целом является необходимость усиления регионов. Регионы во все большей степени должны ориентироваться на собственную активную инвестиционную, ресурсосберегающую политику, реализацию задач импортозамещения, выход на внешние рынки с конкурентоспособной продукцией и услугами.

Концепция Генерального плана на 2019–2043 гг. ориентирована на «Стратегию экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года», прогнозные сценарии развития демографии, экономики и социальной сферы, отраслевые схемы территориального планирования, отражающие прогнозные планы развития основных отраслей экономики и сферы жизнеобеспечения.

Ключевым ориентиром также является совместное градостроительное развитие территорий Санкт-Петербурга и Ленинградской области — развитие городской агломерации. Возрождение и укрепление традиций совместного решения проблем территориального развития двух соседствующих регионов являются залогом их социально-экономической стабильности и устойчивого развития.

Первый этап разработки Генерального плана Санкт-Петербурга на 2019–2043 гг. предполагает утверждение Технического (Градостроительного) задания на разработку Генерального плана Санкт-Петербург и плана-графика мероприятий по его подготовке. Одним из этапов решения поставленной масштабной задачи стало проведение 29 октября 2015 г. научно-практической конференции в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, итоги которой были подведены в середине декабря в формате депутатских слушаний.

На первом этапе к разработке Генерального плана Санкт-Петербурга также подключились отраслевые исполнительные органы государственной власти города, в задачу которых входит подготовка актуализированных данных в части социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, экономического каркаса города, предполагается разработка климатической стратегии и карты (плана) зон затопления и подтопления территории Санкт-Петербурга.

Планируется, что подготовка и актуализация данных будет проводиться уполномоченными органами на протяжении 2016 г., а создание актуального экономического каркаса города, проведение оценки текущего и перспективного состояния основных фондов (промышленность, услуги, торговля) и разработка программы комплексного развития промышленности, торговли и услуг будут осуществляться до конца первого полугодия 2017 г.

Второй, третий и четвертый этапы подготовки Генерального плана Санкт-Петербурга, предполагающие анализ и оценку представленных исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга исходных данных в части инженерно-транспортной инфраструктуры и зон с особыми условиями использования территорий, уточнение задач по развитию перечисленных направлений, будут осуществлены в течение 2016 и 2017 гг. в тесном взаимодействии с Комитетом по архитектуре и градостроительству Ленинградской области, Законодательными Собраниями Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

К середине III квартала 2016 г. планируется завершить разработку вариантов градостроительного развития Санкт-Петербургской городской агломерации, кото-

рые будут обсуждаться с архитектурным и профессиональным сообществом, а также с общественностью. Итогом проведенных мероприятий в начале IV квартала 2016 г. станет выбор оптимального варианта градостроительного развития и разработка плана-графика мероприятий по подготовке и согласованию Концепции агломерации.

Разработка Концепции, а также ее обсуждение, согласование и одобрение подготовленного стратегического документа территориального планирования на зону Санкт-Петербургской городской агломерации придется на IV квартал 2016 г. и I–II кварталы 2017 г. Вторая половина 2017 г. будет посвящена подготовке и согласованию отдельных стратегий и пилотных проектов развития элементов планировочной структуры территории агломерации.

К разработке самого Генерального плана Санкт-Петербурга на 2019–2043 гг. Правительство города приступит на пятом этапе подготовки документации, после подготовки, согласования и утверждения Технического (Градостроительного) задания и завершения работы по актуализации исходных данных в части социально-экономического развития Санкт-Петербурга, социальной, инженерной, транспортной инфраструктур и экономического каркаса города, которая должна завершиться в апреле 2017 г.

Подготовка материалов по обоснованию внесения изменений в Генеральный план Санкт-Петербурга на основе представленных исходных данных, в соответствии с первым и пятым этапами графика, а также сбор и анализ предложений в Генеральный план города придутся на вторую половину 2017 г. и I квартал 2018 г. I квартал и первая половина II квартала 2018 г. будут посвящены обсуждению материалов Генерального плана Санкт-Петербурга с архитектурной и профессиональной общественностью и согласованию материалов с исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга и Министерствами Российской Федерации.

Рассмотрение материалов, актуализирующих Генеральный план Санкт-Петербурга, на публичных слушаниях, согласно графику, предполагается с мая 2018 г. Корректировке материалов с учетом мнения общественности, согласованию и утверждению Генерального плана Санкт-Петербурга Правительством и Законодательным Собранием Санкт-Петербурга будут посвящены III и IV кварталы 2018 г. Вступит в силу новый Генеральный план в январе 2019 г.

Соглашаясь с мнением, что самые лучшие стратегические планы бесполезны, если их нельзя выполнить тактически, следует остановиться на тех конкретных задачах, которые стоят перед разработчиками Генерального плана Санкт-Петербурга.

При подготовке этого документа предстоит учесть разрабатываемые в настоящее время отраслевые схемы развития и адресные программы по созданию объектов транспортной инфраструктуры. В частности, это Концепция транспортного обслуживания территории Санкт-Петербурга на период до 2028 г., схема развития опорного каркаса улично-дорожной сети, схема развития метрополитена.

В условиях возрастающей автомобилизации решение вопросов транспорта является абсолютно приоритетным. Поэтому транспортный каркас города должен быть в дальнейшем запланирован таким образом, чтобы он мог удовлетворить потребности петербуржцев и исключить транзит транспорта через городские территории. Во многом эта задача может быть достигнута благодаря сочетанию Кольцевой автодороги и Западного скоростного диаметра.

Транспортная ситуация внутри города в настоящее время далека даже от общепринятых европейских стандартов. Места работы, отдыха, проживания петербуржцев должны максимально отвечать задаче сокращения транспортных перемещений и перехода на иные виды транспорта: пешеходный, велосипедный, общественный.

Очень важной задачей является реализация концепции транспортно-пересадочных узлов, которые позволили бы населению — городскому и прилегающих тер-

риторий Ленинградской области — пользоваться общественным транспортом (в том числе метрополитеном, легкорельсовым трамваем) и минимизировали использование личного транспорта. В ходе подготовки обосновывающих материалов предусмотрены мероприятия по развитию инфраструктуры парковочного пространства на территории города на долгосрочную перспективу.

Одна из задач в рамках работы над новым Генеральным планом — сделать его сбалансированным с точки зрения развития инженерного и транспортного каркаса города, наполнить социальной функцией и создать условия для комплексного освоения территории с целью размещения объектов жилищного строительства.

Точечное размещение жилой застройки должно быть сведено к минимуму, необходимо выйти на разумные региональные нормативы градостроительного проектирования, чтобы стройка означала и для новоселов, и для жителей уже застроенных территорий — комфорт и гармоничное развитие.

Одним из важных направлений Генерального плана должно стать развитие системы общественных пространств, увеличение площади рекреационных территорий (особенно зеленых насаждений общего пользования), как экологического каркаса, обеспечивающего комфортное проживание населения.

В последние годы при росте численности населения и количественные, и качественные характеристики общественных пространств изменились не в лучшую сторону. Например, в последние десятилетия оказалась забыта и требует возрождения практика проектирования бульваров, представляющих особенное общественное пространство, где совмещается и транспортная составляющая, и рекреационная.

В разрабатываемом Генеральном плане прорабатывается идея развития больших дворовых территорий. Рассматривается вопрос создания общественного пространства на Западной оконечности Васильевского острова.

В Санкт-Петербурге, как и во многих городах мира, планировалось создание системы связанных пространств зеленых насаждений. В частности, в Генеральном плане Ленинграда 1948 г. предполагалось развитие территорий зеленых насаждений от площади Революции через Петропавловскую крепость, далее через территорию Петроградской стороны и Леонтьевский мост с выходом через Тучков мост на Петровский и Крестовский острова. Сложилось так, что этот проект не был реализован, но идея была правильной, городу необходимы подобные проекты, которые предполагается включить в новый Генеральный план.

Одна из важнейших задач нового Генерального плана — формирование комфортной туристической среды как в городе, так и в пригородах. Туристические потоки должны быть диверсифицированы от центра к не менее привлекательному полукольцу пригорода.

Стратегией экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 г. поставлена задача сделать город удобным и комфортным для проживания, привлекательным как исторический, культурный и туристический центр. Работа по созданию Генерального плана Санкт-Петербурга, развитию агломерации с Ленинградской областью является важным шагом, приближающим достижение поставленных целей.

Дарькин С. М.

Стратегические проблемы Дальнего Востока России

Дарькин Сергей Михайлович
Президент ПАО «Тихоокеанская Инвестиционная Группа» (Москва)
Кандидат экономических наук
info@tigrup.ru

РЕФЕРАТ
В статье дается общее представление о предпосылках и особенностях написания стратегии экономического и социального развития, озвученных в ходе панельной сессии ПМЭФ 2015. В качестве примера приводится успешная реализация в 2001–2012 гг. стратегии Приморского края как модели развития. Основной акцент делается на оценку ограничения природных, кадровых, технологических, научно-исследовательских и финансовых ресурсов в отдельно взятом регионе. Обозначены существующие проблемы и возможные перспективы применения механизма ГЧП в России и ДФО на основе имеющегося опыта развитых стран. Рассмотрены некоторые особенности такой стратегически важной отрасли рыбной промышленности, как аквакультура, на современном этапе ее развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
ПМЭФ 2015, предпосылки написания стратегии, концентрация усилий, конкурентные преимущества, модели регионального развития, ВРП на душу населения, СДД на душу населения, инструменты ГЧП, развитие рыбохозяйственного комплекса

Darkin S. M.

Strategic Problems of the Far East of Russia

Darkin Sergey Mikhailovich
President of PJSC Pacific Investment Group (Moscow, Russian Federation)
PhD in Economics
info@tigrup.ru

ABSTRACT
The article provides an overview of premises and features for working out an economic and social development strategy voiced during the SPIEF 2015 panel session. The article contains a case study of the Primorsky Region development strategy and its successful implementation as a development model. The main focus is placed on assessing natural, human, technological, scientific and financial resources limitations in a particular region. Current problems and possible perspectives for implementing public-private partnership mechanisms in Russia and the Far East Federal District are determined in the article with reference to the experience of developed countries. Aquaculture as a sector of the fishing industry and its current development features are also under scrutiny in this research being strategically important for the Far East Region.

KEYWORDS
SPIEF 2015, premises for working out a strategy, efforts concentration, competitive advantages, regional development models, growth regional product per capita, average income per capita, public-private partnership instruments/mechanisms, fisheries sector development

Российский Дальний Восток — один из наиболее стратегически важных регионов России, развитие которого является фактором общенационального значения. Дальневосточный федеральный округ, уровень развития его производительных сил предопределяют роль России на важнейшем экономическом пространстве мира — Азиатско-Тихоокеанском регионе. Степень развития инфраструктуры, приоритетных экономических отраслей, социальная сфера тихоокеанского по-

бережья России воздействуют на степень реализации всего экспортного потенциала страны.

Одной из основных проблем реализации стратегического потенциала России в мире и, в частности, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является отсутствие выверенной и обоснованной методологии стратегирования. Происходит подмена понятий: в качестве «стратегии» разрабатываются и предлагаются, в лучшем случае, программы и планы развития. Это документы, схожие по характеру, но имеющие принципиально иную структуру и содержательную часть. Довольно часто можно встретить «стратегии», включающие лишь ряд необоснованных «добрых пожеланий», причем как в масштабе субъектов РФ и федерального округа, так и в целом для страны. На данном этапе развития в России нет единой общегосударственной, сориентированной на национальные приоритеты, ресурсно-обеспеченной стратегии. В дальнейшем, когда на каком-либо из уровней стратегирования встает вопрос о выборе базиса стратегического планирования, приоритет отдается ресурсно-необеспеченным, «догоняющим» программам и планам, что сводит на нет комплексную реализацию полноценной стратегии развития.

Стратегический подход при определении перспектив развития регионов позволяет эффективнее концентрировать ресурсы на наиболее перспективных и конкурентных приоритетах развития. Одно из самых существенных ограничений любой стратегии — это невозможность реализации потенциально выгодных проектов в течение ограниченного времени на определенных территориях по причине ограниченности необходимых экономических факторов.

Именно поэтому развитие базовых экономических факторов в регионах должно стать основой для успешной реализации стратегических проектов. Опираясь на имеющийся опыт в области государственного администрирования, можно с уверенностью заявить: «Без формирования конкурентных преимуществ в экономической сфере добиться значимого устойчивого социального эффекта не удастся». С самого начала разработки стратегических документов основной акцент необходимо делать на экономических показателях, изменив характер документов с «социально-экономических» на «экономические и социальные». Такая постановка задачи позволит лучшим способом использовать имеющийся экономический потенциал для достижения долгосрочных целей развития. При этом решение социальных проблем должно основываться на экономических достижениях и быть логичным результатом успеха реализации стратегии, а не его предпосылкой.

В качестве иллюстрации обозначенного выше тезиса приведем данные по валовому региональному продукту в расчете на душу населения в Приморском крае за период 2001–2012 гг.[1] По данным Федеральной службы государственной статистики, показатель ВРП на душу населения за период 2001–2012 гг. и в Приморском крае, и в ДФО в целом, год от года неуклонно увеличивался (см. рис. 1). Этому способствовала поэтапная реализация стратегии Приморья как модели развития.

Известно, что модели регионального развития определяются, с одной стороны, объективными процессами, которые обусловлены уровнем накопленного потенциала и располагаемыми ресурсами, с другой — социальными интересами различных групп населения.

Стратегия Приморья на указанный выше период была представлена как взаимосвязь трех моделей регионального развития, каждая из которых является отражением специфического социального и экономического интереса определенной группы людей и бизнесов.

[1] Валовой региональный продукт. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/met-r.htm (дата обращения: 01.12.2015).

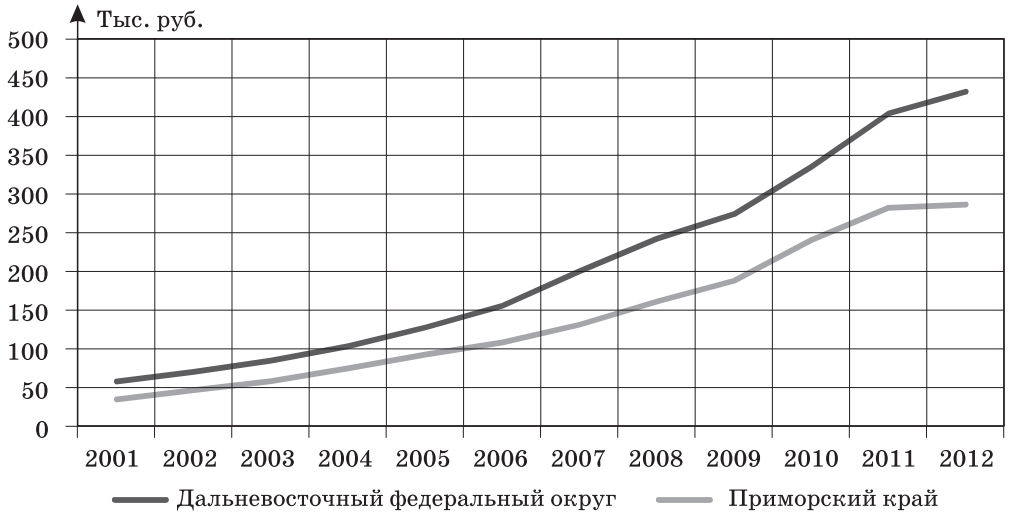


Рис. 1. Валовой региональный продукт на душу населения
(в текущих основных ценах, руб.)

Первая модель описывает механизмы устранения инфраструктурных и институциональных ограничений для экономического роста посредством постепенных изменений. Эта постепенность обеспечивает адаптацию экономических агентов, занятых в производствах с низким уровнем международной конкурентоспособности, и гарантирует в будущем сохранение их социального статус-кво (неизменность текущего потребления). Основа данной модели — алгоритмы, обеспечивающие инерционное развитие. В ее программе лица, принимающие стратегические решения, ориентированы не на темпы роста, а на способность региональных субъектов экономической деятельности успешно адаптироваться к текущим структурным изменениям.

Вторая модель базируется на механизмах активной поддержки и защиты со стороны региональных органов власти приоритетных для края производственных систем и комплексов. Ее алгоритмы разработаны и всесторонне апробированы в индустриальных экономиках XX в., в том числе и в российской. Их отличительной характеристикой была активная государственная политика по концентрации ресурсов и сил на прорывных направлениях технологического прогресса.

Третья модель базируется на механизмах создания новых видов продукции, новых точек роста, новых видов бизнеса и форм деятельности. Ее основу составляют алгоритмы инновационной деятельности. Важнейшей характеристикой является стратегия государственной поддержки инновационных исследований и создания монопольных режимов, которые формируются государством посредством патентного и авторского права. Особенность данной модели — ориентация бизнеса на создание индивидуализированных товаров и услуг [1, с. 116–117].

Для достижения высоких и стабильных темпов прироста ВРП в 2001–2012 гг. (см. рис. 1) в условиях высокого уровня технологической неопределенности мировых потребительских рынков власти Приморского края совместно с региональным бизнес-сообществом вынуждены были реализовывать все три модели одновременно. Основная сложность данного варианта стратегического управления региональным развитием состояла в том, что переход от одного сценария к другому возможен только в случае, если разработаны и внедрены механизмы предыдущего.

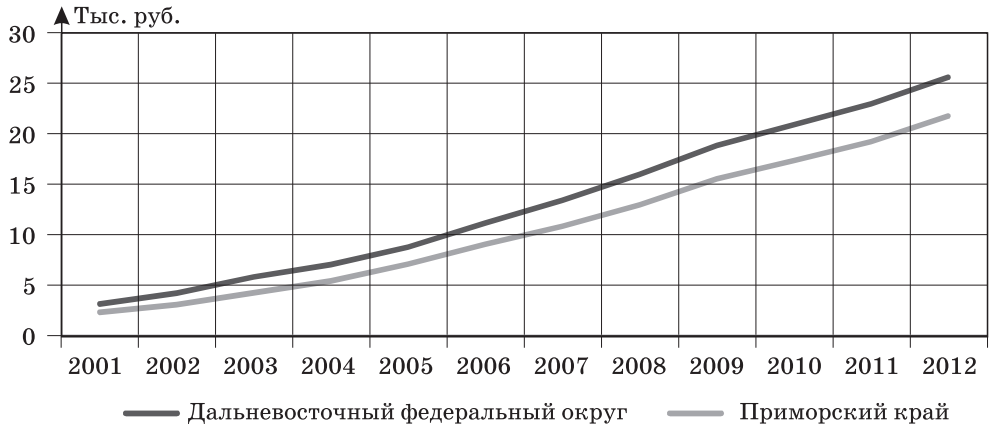


Рис. 2. Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.)

Генеральная стратегическая цель администрации Приморского края в указанный период была сформулирована следующим образом: «Обеспечить на территории Приморья лидирующие национальные стандарты жизни экономически активного населения. Создать для этого условия, обеспечивающие сохранение и привлечение в край высокоэффективных ресурсов развития, качественные параметры которых позволят увеличить к 2010 г. региональный доход на душу населения в 2,2 раза». [1, с. 124].

Результатом поэтапной реализации Стратегии развития Приморского края в 2001–2012 гг. стал кратный рост среднедушевых денежных доходов населения, причем как в Приморском крае (в 9,3 раза), так и в ДФО в целом (в 8,2 раза)[1] (рис. 2).

Стратегические приоритеты развития страны, регионов, отдельных предприятий и производств должны формироваться с учетом возможности их реализации в периоде среднесрочного стратегирования. Однако д. э. н. профессор В. Л. Квинт отмечает, что краткосрочность и долгосрочность — понятия относительные [3, с. 359]. Так, на сегодняшний день в КНР существует стратегия развития до 2050 г. с индикативными показателями экономического и социального развития для каждого этапа от года «пятилетки» до десятилетия «шага модернизации». Директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС д. э. н. В. А. Шамахов в ходе панельной сессии ПМЭФ 2015 упомянул о стратегии возрождения великой китайской цивилизации сроком реализации в 200 лет[2]. Постановка генеральной стратегической цели в этом случае соответствует периоду ее достижения. Корпоративная стратегия, как правило, разрабатывается на период не менее трех лет. Стратегии на 5 и 10 лет характерны для международных корпораций. Если компания пытается разработать стратегию на более короткий период, чем 3 года,

[1] Доходы, расходы и сбережения населения. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/murov1.htm (дата обращения: 01.12.2015).

[2] Стенограмма панельной сессии «Стратегии регионального развития: ставка на конкурентоспособность» Петербургского международного экономического форума 2015. [Электронный ресурс] // Сайт фонда «Петербургский международный экономический форум». URL: http://forumspb.com/bfx-cc/system/uploads/files/site_session_attr/stenogram_ru/580/1168_ru.pdf (дата обращения: 25.11.2015).

то срок ее разработки может оказаться дольше срока использования, в результате чего стратегия часто теряет свою актуальность, устаревает уже на стадии ее окончательного внедрения [3, с. 360].

Региональная (внутренняя) стратегия наряду с национальной секторной (отраслевой) занимают промежуточную позицию в системе стратегии, находясь между корпоративным и национальным уровнем стратегирования. Многие современные представители научного сообщества отмечают важность данного элемента стратегирования и необходимость его дальнейшей всесторонней проработки. Именно в региональных стратегиях «на местах» концентрируется реализация национальных общегосударственных стратегий, интересов и потребностей бизнес-сообщества, различных социальных групп. При этом на сегодняшний день сроки реализации региональных стратегий составляют от 3 до 10 лет. Лишь в исключительных случаях речь идет о периоде в 15 лет и более. Хорошим примером может послужить принятая правительством Санкт-Петербурга стратегия экономического и социального развития города до 2030 г.[1]

Для стратегов стабильность успеха — критическая проблема. Не следует подразумевать под стратегией временное достижение поставленных приоритетов, целей и задач; стратегия — достижение долгосрочного стабильного успеха, когда точка разворота стратегии сдвигается как можно ближе к видимому горизонту будущего [3, с. 359].

Стратегия по приоритетным направлениям предполагает использование ограниченного набора ресурсов.

В первую очередь следует оценить достаточность и доступность необходимых природных ресурсов. В производственной сфере, для развития которой требуется привлечение реальных инвестиций, стоимость производства и, соответственно, проектируемые показатели прибыли и рентабельности во многом зависят от ряда факторов. В их числе наличие необходимого количества качественного первичного сырья, стоимость добычи, выработки и доставки которого к месту производства продукции удовлетворяет условиям производства. Это и создает относительные конкурентные преимущества для потенциальных инвесторов. Следовательно, первым критерием при выборе стратегических приоритетов развития макрорегионов России должно стать наличие природных ресурсов, эксплуатация которых экономически обоснована.

Эффективное развитие производства и реализация стратегически важных инвестиционных проектов невозможны без достаточного количества квалифицированной и опытной рабочей силы. Без обеспечения производства трудовыми ресурсами с высокими показателями производительности и современных методов производства невозможно запустить инвестиционный процесс и эффективную эксплуатацию даже имеющихся в наличии природных ресурсов. Недостаточность трудовых ресурсов в итоге может привести к тому, что имеющиеся в наличии природные ресурсы так и не будут включены в хозяйственный оборот и останутся «законсервированными» на долгое время, что, в свою очередь, приведет к тому, что будут упущены конкурентные преимущества. Обеспеченность российских регионов и, в частности ДФО, рабочей силой — одна из острых проблем отечественной экономики, обусловленная не столько недостаточностью трудоспособного населения, сколько неравномерностью ее распределения между субъектами РФ.

[1] «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года: Выбор основных направлений и целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 г.». [Электронный ресурс] // Energy Consulting. URL: http://www.ec-group.ru/upload/projects/Strategia_socialno-ekonomicheskogo_razvitia_Sant-Peterburga_do_2030_goda._Vybor_osnovnyh_napravleniy_celei.Ver.2.pdf (дата обращения: 30.11.2015).

Так, восточные регионы страны, обладающие колоссальными природными ресурсами и разведанными запасами разнообразных полезных ископаемых, в наименьшей степени заселены[1] (табл. 1).

Низкая численность населения этих районов и высокая концентрация проживания в нескольких крупных городах существенно ограничивают реализацию потенциально выгодных инвестиционных проектов. Таким образом, следующим критерием выбора стратегических приоритетов развития региона является наличие требуемого количества трудовых ресурсов необходимой квалификации. В отдельных случаях недостаток трудовых ресурсов можно относительно быстро устранить, особенно в условиях возникновения потребности в производственных рабочих. Однако для формирования кадрового потенциала профессионалов в области инженерных специальностей и квалифицированных управленцев могут потребоваться существенные финансовые и временные затраты. Одной из причин невозможности реализации принимаемых в России стратегических документов является не недостаточность природных ресурсов, а именно невозможность подготовки специалистов в предусмотренные сроки.

Одним из мероприятий по решению этой проблемы стала организация Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке. Цель создания Агентства — комплексное решение вопросов по обеспечению ДФО инвестиционными проектами и трудовыми ресурсами, достижение положительной миграционной динамики за счет дополнительного притока населения и его закрепления. Предполагается, что результатом работы Агентства в среднесрочной перспективе станет заинтересованность работодателей — представителей крупного бизнеса, инвесторов, резидентов ТОРов в прямом взаимодействии с федеральными и региональными властями и практическом решении актуальных задач повышения качества трудовых ресурсов и кадровой мобильности[2].

Успех реализации инвестиционных проектов зависит не только от имеющихся природных ресурсов и рабочей силы, но также от наличия производственных мощностей и промышленной инфраструктуры. Важное условие для потенциальных инвесторов — возможность реализации инвестиционного процесса на базе уже накопленных в экономической системе региона производственных мощностей. Их включение в эксплуатацию в рамках новых проектов существенно снижает расходы на формирование основных фондов, модернизация и реконструкция которых требует отвлечения из текущего оборота существенно меньших сумм, чем в случае необходимости формирования материально-технической базы с нулевого цикла. Наличие же инфраструктурных объектов обеспечивает удобство доступа к основным транспортным магистралям, энергетическим сетям и рынкам сбыта. Отдельные проекты, какими бы крупными они ни были, редко могут обеспечить эффективное функционирование, если необходимо формировать транспортную и промышленную инфраструктуру. Регион, в котором предполагается приоритетное развитие определенных направлений промышленности, должен быть подготовлен к принятию инвестиций.

С этой целью в случае отсутствия накопленной инфраструктуры возможно строительство подобных объектов на основе государственно-частного партнерства (ГЧП) с перераспределением нагрузки по созданию и эксплуатации подобных объектов между участниками.

---

[1] Дальневосточный федеральный округ: регионы. [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации. URL: http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=25 (дата обращения: 28.11.2015).

[2] Об Агентстве по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке: Распоряжение от 2 сентября 2015 года № 1713-р. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/docs/19559/ (дата обращения: 29.11.2015).

Таблица 1

Площадь и численность населения субъектов Дальневосточного федерального округа

Субъект ДФО	Площадь (тыс. км^2)	Численность населения (тыс. чел.)
Республика Саха (Якутия)	3103,2	949,0
Камчатский край	464,3	347,1
Приморский край	165,2	2071,0
Хабаровский край	788,6	1436,0
Амурская область	363,7	903,0
Магаданская область	462,4	183,0
Сахалинская область	87,1	493,3
Еврейская автономная область	36	191,0
Чукотский автономный округ	737,5	50,0

К числу препятствий, сдерживающих эффективность инструмента ГЧП как в общемировой, так и в российской практике, следует отнести [2, с. 118]:

- несоответствие между ожиданиями и результатами партнерства как со стороны государства, так и бизнеса;
- отсутствие четких целей у государства и приверженности партнерству;
- слишком сложную процедуру принятия решений;
- «невнятную» политику государства в отношении отдельных секторов экономики;
- недостаточную законодательную базу;
- слабый риск-менеджмент;
- низкое доверие к государственной политике;
- недостаточное развитие местных рынков капитала;
- недостаточное количество инструментов и механизмов привлечения долгосрочных финансовых ресурсов по приемлемым ценам (часто стоимость частных денег выше по сравнению с государственными ресурсами, что приводит к удорожанию проекта);
- низкую «прозрачность» проектов.

Однако, несмотря на вышеобозначенные проблемы, механизм ГЧП быстро развивается и вызывает большой интерес во всем мире. Сферы применения ГЧП в развитых зарубежных странах очень разнообразны и представляют собой широкий спектр бизнес-моделей и отношений. При этом привлекаемые из частного сектора ресурсы могут быть разными — от капитала и «ноу-хау» до опыта менеджеров. Под термином «государственно-частное партнерство» понимаются разнородные схемы реализации проектов, не похожие на известные в нашей стране приватизацию или «совместные предприятия». Все чаще ГЧП начинают рассматривать как один из эффективных механизмов восполнения дефицита средств для развития инфраструктуры в большинстве развитых стран. Большинство из них имеет многолетний опыт разработки методологии и практического применения инструментов ГЧП. Изучение этих аспектов и их поэтапное внедрение (с учетом отечественной специфики) становится одним из условий успешного регионального стратегирования в России.

В процессе осуществления стратегического инвестирования одной из важных задач является обеспечение производства современным высокопроизводительным оборудованием. В условиях ограниченности трудовых ресурсов технологические

процессы с высоким уровнем автоматизации могут обеспечить устойчивость производственного процесса и генерирование прибыли на удовлетворительном для инвесторов уровне. Соответственно, очередным критерием при выборе приоритетов развития следует принять доступность необходимого оборудования и достаточность капитала для финансирования его приобретения. Помимо этого, следует учитывать способность компаний генерировать достаточную денежную массу для обеспечения функционирующих производств оборотными активами.

Современные производства работают в условиях все большего распространения экономики знаний. Для обеспечения высокого уровня конкурентоспособности необходимо внедрять передовые научные технологии. И здесь ни в коем случае нельзя ограничиваться только разработками отечественных исследователей, следует перенимать накопленные мировые научные и технологические знания. Таким образом, очередным критерием выбора приоритетов развития должны стать наличие либо возможность доступа и получения современных научных и технологических достижений.

В современных условиях резкого ослабления рубля один из базовых критериев отбора инвестиционных проектов, обладающих высоким потенциалом развития, — это выбор проектов с высокой долей экспорта. Таким образом будет максимально эффективно использован экспортный потенциал предприятий, расположенных в исследуемом регионе.

К примеру, Дальневосточный федеральный округ (ДФО) имеет исключительные условия для широкомасштабного развития марикультуры. Площадь акватории для развития марикультуры у берегов Сахалина составляет почти 1,4 млн га, Приморского края — 376,5 тыс. га, Хабаровского края — 420 тыс. га. Наиболее перспективными видами культивирования являются дальневосточный трепанг, приморский гребешок, серый морской еж, ламинария, тихоокеанская мидия, тихоокеанская устрица[1]. По итогам 2013 г. объем производства продукции рыбоводства в РФ составил 155,5 тыс. т. Государственной программой РФ «Развитие рыбохозяйственного комплекса» предусмотрено увеличение объема производства продукции аквакультуры к 2020 г. до 315,5 тыс. т в год.

Однако в рыбном хозяйстве региона сохраняются механизмы и условия хозяйствования, характерные для неразвитой рыночной экономики, в которой действует ряд факторов, негативно влияющих на функционирование и развитие рыбохозяйственного комплекса, включая аквакультуру.

Основными факторами, сдерживающими развитие аквакультуры, являются[2]:

- отсутствие законодательства, учитывающего в полной мере специфику функционирования аквакультуры (в частности, речь идет о процедуре формирования рыбоводных участков);
- слаборазвитая рыночная инфраструктура и отсутствие маркетинговой информации состояния российского и международного рынков рыбопродукции аквакультуры;
- высокая степень износа основных производственных фондов;
- прекращение ввода новых производственных мощностей;
- дефицит инвестиционных ресурсов из-за низкой инвестиционной привлекательности существующих рыбоводных хозяйств.

---

[1] Аквакультура в России: Дальневосточный ФО. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии». URL: http://www.aquacultura.org/aquacultura/dalnevostochniy-fo/ (дата обращения: 02.12.2015).

[2] Стратегия развития аквакультуры в Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: http://www.mcx.ru/documents/document/show/12208.77.htm (дата обращения: 02.12.2015).

Представителям бизнеса, научного, экспертного сообществ и органам государственной власти необходимо объединиться и совместно решать задачи развития аквакультуры. Преимущественными направлениями деятельности должны стать:

- взаимодействие с федеральными и региональными органами законодательной и исполнительной власти для устранения существующих административных барьеров;
- разработка и реализация масштабных инвестиционных проектов в области аквакультуры, создание новых и реконструкция существующих производственных фондов;
- освоение внутренних и внешних рынков продукции аквакультуры, стимулирование процесса импортозамещения.

В случае планомерной реализации эти меры, наряду со многими другими, будут способствовать развитию малого и среднего предпринимательства в регионе, созданию условий для привлечения инвестиций, направленных на развитие аквакультуры, более полному развитию внутриотраслевых связей науки и производства продукции аквакультуры, обеспечению развития смежных производств (таких как производство кормов, кормовых добавок, рыбоводного оборудования и инвентаря), а также повышению эффективности мер, направленных на сохранение и воспроизводство водных биоресурсов и среды их обитания[1].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что ресурсные ограничения всегда предполагают их концентрацию на жизненно важных приоритетах, недостаточная обеспеченность поддержания и развития которых приводит к угрозам необратимого характера. В связи с этим в ближайшие годы регионы России и, в частности, ДФО, должны ориентироваться на чрезвычайную концентрацию ресурсов в узком спектре приоритетных направлений. Ранее разработанные стратегии развития субъектов федерации, отраслей народного хозяйства России и отдельных крупномасштабных производств должны быть вновь проанализированы и, если необходимо, пересмотрены с точки зрения реализации жизненно важных интересов России.

Литература

1. *Дарькин С. М.* Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М. : Дело, 2007.
2. *Дарькин С. М., Квинт В. Л.* Стратегические приоритеты развития Дальнего Востока России. 2015.
3. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бизнес-Атлас, 2012.

References

1. Darkin S. M. *Pacific Russia: strategy, economy, safety* [Tikhookeanskaya Rossiya: strategiya, ekonomika, bezopasnost']. M. : Business [Delo], 2007. (rus)
2. Darkin S. M., Kvint V. L. *Strategic priorities of development of the Far East of Russia* [Strategicheskie prioritety razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii]. 2015. (rus)
3. Kvint V. L. *Strategic Management and Economics in the Global Emerging Market* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke]. M. : Business Atlas, 2012. (rus)

[1] Отраслевая деятельность: аквакультура. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: http://www.fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/akvakultura (дата обращения: 01.12.2015).

Алимурадов М. К., Зиярова А. Л.

Методологические основы разработки отраслевых финансовых стратегий

Алимурадов Мурад Камилович
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
Доцент кафедры финансовой стратегии, заместитель заведующего кафедрой
Кандидат экономических наук
alimuradov@mse-msu.ru

Зиярова Аида Летифовна
Филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте
Старший преподаватель кафедры экономических, естественных и математических дисциплин
ziyarova75@mail.ru

РЕФЕРАТ

Развитие предприятий в различных отраслях российской экономики происходит в условиях активной динамики факторов внешней среды, изменения технологического уклада и роста внутренней и международной конкуренции. Без реализации стратегического подхода при постановке долгосрочных финансовых целей и задач в подобных условиях добиться сколь-нибудь значимого устойчивого результата от реализации инвестиционных проектов становится крайне сложно. В работе описывается суть применения стратегического подхода к принятию финансовых решений в различных отраслях. Нами предложена концептуальная схема разработки финансовой стратегии предприятия.

В статье раскрываются особенности применения стратегического подхода к развитию финансов компаний в отраслях экономики. Приводится последовательность этапов разработки отраслевых финансовых стратегий. Описывается механизм принятия стратегических финансовых решений, касающихся формирования структуры капитала компании, формирования производственного потенциала в виде распределения средств между основными и оборотными активами и инвестиционной деятельности. Указано на взаимосвязь между методами анализа результатов финансово-хозяйственной деятельности и методами принятия стратегических инвестиционных решений.

В работе указана взаимосвязь между процессами финансового прогнозирования и непосредственно стратегирования. Отмечается, что эти процессы нельзя взаимозаменять — прогнозы не являются частью финансовой стратегии, а служат основой для формирования стратегических документов.

Результаты работы могут использоваться практиками в различных отраслях при формировании стратегических финансовых документов. Финансовые стратегии, разрабатываемые в соответствии с предложенной схемой, обладают высоким потенциалом эффективности реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

финансовая стратегия, структура капитала, инвестиционные решения, эффективность эксплуатации активов, рентабельность инвестиций

Alimuradov M. K., Ziyarova A. L.

Methodological Bases of Development of Branch Financial Strategy

Alimuradov Murad Kamilovich
Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Financial Strategy, Deputy Head of the Chair
PhD in Economics
alimuradov@mse-msu.ru

Ziyarova Aida Letifovna
Derbent Branch of the Dagestan State University (Republic of Dagestan)
Assistant Professor of the Chair of Economic, Natural and Mathematical Disciplines
ziyarova75@mail.ru

ABSTRACT
Companies in Russian economy different industries develop under condition of high level economic environment dynamics, changes of technologies and raising of internal and international competition. Under such conditions to achieve some level of sustainable results from investing projects without using the strategic approach in the process of long-term financial goals and objectives determination becomes too difficult. In the article we describe the essence of using the strategic approach to financial decision making process in the different industries. We suggest the principle scheme of company financial strategy development.

In the article the strategic approach implementation to the different branches companies financial development features are developed. The branches financial strategy stages and their sequences are determined. The mechanism of financial strategic decisions making in company capital structure determination, production potential creation by formation of working capital and fixed assets and investing activity is described. We pointed to the correlation between the financial economic results analysis methods and strategic investing decision making process.

In the article the interrelation between the financial forecasting and strategizing processes is pointed. We note that this two processes are not substitutes — the forecasts are not the part of financial strategy and used just as a basis to formulate strategic statements.

The results of the article may be used by financial specialists in the different industries to prepare strategic financial papers. Financial strategies developed in accordance with the suggested mechanism have the high potential of efficient implementation.

KEYWORDS
financial strategy, capital structure, investment decisions, assets exploration efficiency, return on investments

Принятие инвестиционных решений требует реализации подходов, основанных как на анализе результатов финансово-хозяйственной деятельности объекта инвестирования, так и на определении тенденций развития основных экономических факторов, определяющих успех развития компании и ее стратегических перспектив. Особенно остро необходимость во втором подходе возникает для предприятий и отраслей, у которых отсутствует достаточно долгий период функционирования, анализ которого позволил бы сделать выводы об эффективности реализации принимаемых инвестиционных решений, а также тех объектов инвестирования, в которых происходят существенные трансформации продуктов и рынков за относительно короткие периоды времени.

Необходимость реализации стратегического подхода при принятии финансовых решений продиктована тем, что их результаты отложены во времени. Без выявления основных стратегических тенденций и перспектив развития основных экономических факторов, обусловливающих долгосрочный успех предприятий разных отраслей, определить эффективный при реализации набор финансовых целей и задач компании становится невозможным. В отсутствие обоснованных целевых параметров, ориентированных на устойчивый долгосрочный успех предприятия, финансисты оказываются в условиях неопределенности и невозможности дать вероятностные оценки планируемых результатов [2; 3].

Особенно остро подобная проблема возникает при принятии финансовых решений, определяющих структуру капитала компании, формировании производственного потенциала в виде распределения средств между основными и оборотными активами, а также выделении финансовых активов на реализацию инвестиционных проектов (требующих, как правило, привлечения существенных средств на достаточно долгосрочный период). Одновременно возникают сложности, связанные с определением

параметров эффективности принимаемых финансовых решений в разных отраслях. Так, в сфере услуг доля основных средств в структуре активов компании существенно ниже этого показателя в производственных предприятиях. И основной задачей финансистов становится оперативное управление оборотными активами. В случае же реализации масштабных инвестиций в основной капитал от финансистов требуется применение детального стратегического подхода, определяющего целевые показатели соответствия потока денежных поступлений и выплат по параметрам объема и времени.

В случае если компания окажется не в состоянии погасить обязательства в требуемом объеме и в соответствии с графиком погашения обязательств, то она столкнется с существенными трудностями. Таким образом, фактор времени, который следует учитывать при планировании долгосрочных финансовых решений, становится одним из определяющих в системе финансовой стратегии. Это существенно отличает стратегический подход к финансам предприятий от традиционного, в рамках которого учитываются только денежные ограничения, определяемые величиной денежного потока.

В целом в системе финансов компаний следует выделять два блока решений:

- решения по финансированию: определение источников финансирования и, соответственно, структуры капитала;
- инвестиционные решения: определение способов эксплуатации привлеченного капитала.

Однако следует отметить, что два этих блока тесно взаимосвязаны. С одной стороны, для обоснования необходимости привлечения финансовых активов требуется наличие обоснованных по показателям эффективности инвестиционных решений, а с другой — принимаемые инвестиционные решения ограничиваются объемом доступных источников финансирования. При этом для многих предприятий основным источником долгосрочных финансовых средств являются собственные средства — т. е. накопленная нераспределенная прибыль. В противном случае, особенно в условиях высоких процентных ставок в экономике, происходит существенное ухудшение структуры капитала компании и повышение его стоимости. В результате уровень рисковости принимаемых инвестиционных решений также существенно возрастает, что негативно сказывается на финансовой устойчивости компании.

Инвестиционные решения, на первый взгляд носящие в основном финансовый характер, при более детальном рассмотрении связаны с использованием целого комплекса экономических факторов, определяющих долгосрочный стратегический успех предприятия. Так, для эффективной реализации большинства проектов, помимо финансовых активов, требуется привлечение необходимых технологий, использование труда специалистов, формирование и эксплуатация технологической и производственной базы, промышленной инфраструктуры, а также природных ресурсов. Отсутствие либо недостаточность одного из этих факторов может привести к существенному снижению эффективности либо срыву реализации принимаемых стратегических финансовых решений.

В процессе принятия стратегических финансовых решений показатели, традиционно используемые для анализа исторических результатов финансово-хозяйственной деятельности, становятся инструментами определения целевых ориентиров эффективности реализации элементов финансовой стратегии. Так, при формировании решений относительно структуры капитала компании, следует определить как в динамике, в процессе реализации финансовой стратегии, будут меняться такие показатели, как доля собственного капитала в общих источниках финансирования, финансовый рычаг, долговая нагрузка и платежеспособность по процентам и финансовой аренде. Профессиональная реализация финансовой стратегии должна учитывать прогнозы изменения

основных экономических факторов, обеспечивающих достижение целевых ориентиров. В результате учета стратегических тенденций и прогнозов развития компании формируют элементы финансовой стратегии, потенциал эффективной реализации которых оказывается достаточно высоким. Основываясь на принятых стратегических приоритетах развития, обеспеченных выявленными (либо сформированными за относительно короткий период времени при небольших вложениях) конкурентными преимуществами, компания может формулировать достижимые цели с их последующей детальной декомпозицией в финансовые задачи.

В целом систему разработки финансовой стратегии можно представить в виде последовательно реализуемых взаимосвязанных этапов[1] (рис. 1).

Представленная принципиальная схема определяет основные элементы и последовательность разработки финансовой стратегии компании. На схеме указано отличие между прогнозированием и стратегированием — двумя видами деятельности, которые зачастую идентифицируются. Согласно данной методике, прогнозы развития основных финансовых показателей являются этапом, непосредственно предшествующим процессу разработки стратегии. Соответственно, прогнозы не являются частью финансовой стратегии компании как документа. Финансовая стратегия позволяет в результате сформулировать и обеспечить эффективную реализацию финансовых целей и задач развития компании. Прогнозы же лишь служат основой для определения тенденций развития основных экономических факторов, определяющих долгосрочную динамику, с учетом которой необходимо формулировать стратегические финансовые документы. Так, если бы компании включали прогнозы непосредственно в стратегию, то они воспринимались бы как целевые ориентиры. Тогда как компании должны определять для себя цели и задачи, соответствующие их интересам и желаемым состояниям бизнеса, что не всегда согласуется с общеэкономическими трендами. Одни компании могут достичь финансовых результатов, существенно превышающих общеэкономические либо отраслевые, тогда как другие могут оказаться в условиях существенных ограничений со стороны рынка и конкурентов.

Поскольку стратегические документы разрабатываются в определенной последовательности, каждый последующий элемент имеет достаточно обоснованные формулировки и позволяет осуществлять декомпозицию на основе предыдущего документа. Наиболее ярко это положение проявляется в процессе декомпозиции целей в финансовые задачи. Такая возможность появляется только тогда, когда при формулировании самих финансовых целей учитывались стратегические финансовые приоритеты компании и то, насколько они обеспечены сравнительными конкурентными преимуществами. Набор показателей, позволяющих выявить наличие конкурентных преимуществ компании по сравнению с лидерами отрасли, со среднеотраслевыми показателями, либо ближайшими конкурентами, должен делиться на две группы — недисконтированные и дисконтированные оценки. Если первая группа позволяет определить то, каковы стратегические ориентиры компании по показателям платежеспособности, финансовой устойчивости, рентабельности и рыночной капитализации на каждом этапе реализации стратегии, то вторая — выявляет уровень эффективности принимаемых инвестиционных решений с учетом стоимости капитала (и ее динамики) и рисковости финансовых решений [2; 3].

В зависимости от отрасли значения данных показателей существенно варьируются. Разработчики финансовой стратегии должны учитывать отраслевую специфику, глобальные и региональные отраслевые тренды. Обусловлено это во многом тем, что в современных экономиках, с одной стороны, все больше начинают преобладать компании в сфере услуг, предлагающие инновационные продукты и различные технологии, а с другой — традиционные производства подвержены достаточно быстрым

[1] Составлено на основе методики разработки стратегии В. Л. Квинта [1, с. 396].

Рис. 1. Этапы разработки финансовой стратегии компании

трансформациям, в процессе которых структура активов существенно изменяется. Так, крупные машинные производства переходят на новые высокопроизводительные технологии, позволяющие уменьшить инвестиции в основной капитал и повысить возможности компании по развитию текущей операционной деятельности.

Однако смена технологических укладов во многих производствах стала происходить достаточно быстро, что требует от компаний, с одной стороны, быстрого реагирования на изменяющиеся тренды, а с другой — формирования источников финансирования, необходимых для проведения соответствующих трансформаций. Как правило, каждое такое изменение требует привлечения существенных инвестиционных ресурсов и если в стратегии развития компании подобные финансовые задачи не определены, то при появлении необходимости в инвестиционных финансовых ресурсах компания может оказаться перед выбором — либо отказываться от существующих производств ради формирования новых, либо прибегать к дорогостоящему заемному финансированию. Второй вариант предполагает существенное изменение структуры капитала компании и, соответственно, снижение ее финансовой устойчивости.

Как показывает анализ опросов организаций, проведенных Росстатом[1], среди факторов, ограничивающих возможности развития компаний, большинство указывают именно финансовые сложности (табл. 1).

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/

Таблица 1

Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность (по материалам выборочных обследований инвестиционной активности организаций[1]; в процентах от общего числа организаций)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Факторы, ограничивающие инвестиционную деятельность							
Недостаточный спрос на продукцию	10	21	19	19	19	21	23
Недостаток собственных финансовых средств	41	65	67	60	64	59	60
Высокий процент коммерческого кредита	47	31	31	25	25	27	29
Сложный механизм получения кредитов для реализации инвестиционных проектов	39	17	15	14	13	14	16
Инвестиционные риски	35	25	23	27	27	27	30
Неудовлетворительное состояние технической базы	18	9	5	6	7	8	7
Низкая прибыльность инвестиций в основной капитал	8	14	11	11	10	13	13
Неопределенность экономической ситуации в стране	49	18	32	31	26	26	34
Несовершенная нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционные процессы	36	17	10	10	11	9	11

[1)] Организаций, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды.

Как видно из представленных данных, на проблему недостаточности собственных средств указали 60% опрошенных. В условиях высокой стоимости заемного капитала именно собственные ресурсы (основным из которых является нераспределенная прибыль) становятся зачастую чуть ли не единственным источником финансирования инвестиционных проектов. В результате уровень рисковости инвестиционных решений резко возрастает, что в свою очередь приводит к росту стоимости коммерческого кредита и сложностям его получения.

При этом в большинстве отраслей уровень рентабельности активов, сформированных за счет инвестирования собственного и заемного капитала в основные и оборотные средства, остается достаточно низким.

Помимо того что рентабельность инвестиций в активы все последние годы снижалась по экономике в целом, из всех отраслей только четыре демонстрируют рентабельность выше средней по экономике. Безусловно, резкое снижение рентабельности инвестиций в активы компаний объясняется кризисными явлениями в экономике. Особой проблемой является снижение рентабельности в обрабатывающих производствах, поскольку это приводит к усугублению отсталости промышленности в целом. Развитие этих производств требует либо существенной модернизации, либо инвестирования в новые промышленные объекты и производственные мощности. Эти процессы предполагают детальный стратегический инвестиционный анализ, поскольку ошибки при формировании инвестиционных ресурсов и принятии

Таблица 2

Рентабельность активов организаций по видам экономической деятельности (в процентах)[1]

	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Всего в экономике	8,8	6,7	6,5	6,1	4,5	2,5
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,8	2,9	3,9	3,5	1,7	4,9
Рыболовство, рыбоводство	0,1	13,3	11,9	11,5	8,1	0,3
Добыча полезных ископаемых	12,9	11,6	14,2	11,9	11,3	12,1
Обрабатывающие производства	11,9	8,2	8,4	8,1	4,5	2,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,7	4,6	1,1	0,9	0,7	0,2
Строительство	3,2	2	2,1	2,9	5,6	–0,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8,4	7,1	9,8	7,9	6,7	3,2
Гостиницы и рестораны	9,3	4	3,4	3,2	2,1	–4,1
Транспорт и связь	5,7	5,3	4,9	5,5	4,4	0,9
Финансовая деятельность	15,3	9,4	1,9	2,8	2,7	–2,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,6	3,7	0,5	2,7	0,7	0,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	1,7	1,4	1,8	1,2	–7,8	0,3
Образование	5,2	2,3	3,2	0,5	5,6	1,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,5	2,1	1,7	4,4	1,2	2,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,8	5	4,1	3,6	2,8	1,8

Примечание: по данным бухгалтерской отчетности, знак (–) означает убыточность.

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики // http://www.gks.ru/

решений об инвестировании могут привести в лучшем случае к еще большему снижению рентабельности, либо к потере инвестированных средств. Однако следует обратить внимание, что, несмотря на системные экономические проблемы, такие отрасли, как сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и торговля демонстрируют устойчивый рост рентабельности. Обусловлено это среди прочего тем, что приоритеты развития этих отраслей, обеспеченные конкурентными преимуществами, создают основу успешному долгосрочному инвестированию.

Наличие финансовой стратегии позволяет компаниям предвосхитить негативные события и рассматривать в рамках реализации стратегии все потенциальные из-

менения не как угрозы, а как новые возможности, использование которых позволило бы им получить преимущества перед конкурентами.

Литература

1. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке. М. : Бюджет, 2012.
2. *Брейли Р., Майерс С.* Принципы корпоративных финансов. М. : Олимп-Бизнес, 2008.
3. *Van Horne James C., Wachowicz John M.* Fundamentals of Financial Management. NY: Prentice Hall. 2008.

References

1. Kvint V. L. *Strategic management and economy on a global emerging market* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke]. M. : Budget [Byudzhet], 2012. (rus)
2. Brealey R., Myers S. *Principles of corporate finance* [Printsipy korporativnykh finansov]. M. : Olympus-business [Olimp-Biznes], 2008. (rus)
3. Van Horne James C., Wachowicz John M. *Fundamentals of Financial Management*. NY : Prentice Hall. 2008.

Баннов И. П.

Роль стратегии экономического и социального развития региона в достижении показателей экономического роста

Баннов Илья Павлович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
Ведущий специалист отдела подготовки документов для торгов СПб ГБУ «Управление инвестиций»
ilyatol@mail.ru

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается роль стратегии экономического и социального развития региона в достижении показателей экономического роста, выявлены ключевые понятия стратегического планирования, показана роль стратегии и стратегического планирования в целостном развитии региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
экономическое развитие региона, социальное развитие региона, показатели экономического роста, стратегическое планирование, эффективность

Bannov I. P.

The Role of Economic and Social Development of the Region in Achieving Economic Growth

Bannov Ilya Pavlovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student
Leading expert of department of documents preparation for the auction of SPb State Budgetary Institution "Management of Investments"
ilyatol@mail.ru

ABSTRACT
The article discusses the role of economic and social development of the region in achieving economic growth, identified the key concepts in strategic planning, strategy and shows the role of strategic planning in the holistic development of the region.

KEYWORDS
regional economic development, social development of the region, economic growth, strategic planning, efficiency

Стратегия — это доктрина, описывающая путь к победе, преимуществу [5, с. 4]. Стратегическое планирование и стратегическое прогнозирование — эти два понятия сегодня одни из наиболее востребованных в практике государственного и муниципального управления. Эти термины устойчиво вошли в современный лексикон.

Почему сегодня так необходимо развитие данной предметной области? Прежде всего это обусловлено переходом Российской Федерации и ее регионов к долгосрочной стратегии развития, увязывающей в рамках как государственного, так и муниципального управления вопросы развития экономики, социальной сферы, гражданского общества, возможности финансовой системы страны, ее демографический, производственный, интеллектуальный и ресурсный потенциал с задачами в области национальной безопасности. Безусловно, темпы и динамика преобразований за последние годы достигнуты значительные. Вместе с тем в «заделе»

государственных задач — еще целый ряд крупных системных начинаний, требующих придания большей динамики и эффективности социально-экономическому развитию регионов, введения в практику новых научно обоснованных механизмов и методов муниципального управления, основу которого составляет система документов стратегического планирования.

Базовая цель стратегического планирования — рациональное распределение усилий и ресурсов государства и региона в интересах устойчивого социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности, как Российской Федерации, так и отдельно взятого региона. Для достижения указанной цели требуется высокая управленческая культура и широкое использование методов системного анализа и прогнозирования, стратегического планирования на перспективу. Значение такого инструмента в последние годы существенно возросло, поскольку имеется объективная потребность обеспечить согласованность действий органов государственного управления на федеральном и региональном уровне с учетом бюджетных ограничений и реальных ресурсных возможностей.

На повышение эффективности и качества государственного управления нацелены указы президента РФ от 7 мая 2012 г., содержащие в качестве стратегического целеполагания конкретные индикативные показатели социально-экономического развития страны и обеспечения национальной безопасности и предусматривающие в т. ч. комплекс мероприятий по формированию системы государственного стратегического планирования. Более того, как показывает опыт, отказ от государственного стратегического планирования в важнейших сферах государственной деятельности содержит риски кризисных проявлений и негативных последствий для развития общества и государства.

Стратегическое планирование должно рассматриваться всеми органами государственной власти и управления как универсальный инструмент, обеспечивающий системное и взаимосвязанное стратегическое целеполагание, постановку и реализацию крупных государственных задач с использованием механизма государственно-частного партнерства и комплексный учет всего многообразия факторов внутреннего и внешнего характера. Именно стратегическое планирование способно обеспечить повышение эффективности и качества государственного управления в жестких условиях глобализации и усиления стратегических рисков для развития и угроз национальной безопасности. Стратегическое планирование — деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации[1].

Система стратегического планирования и стратегического управления базируется на принципе единства, взаимосвязи и взаимозависимости целей и задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны и регионов. В нашем политическом лексиконе этот принцип уже получил название «безопасность через развитие». Можно утверждать, что стратегическое планирование и стратегическое управление объединяют два общих элемента: стратегические цели (цели функционирования и развития) и стратегия действий (замысел и стратегический план) по достижению этих целей. Отличие состоит в том, что стратеги-

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

ческое планирование завершается разработкой стратегического плана действий. Последний, в свою очередь, становится началом стратегического управления, условно разделяемого на управление функционированием и управление развитием системы.

В то же время с полным основанием можно говорить о том, что стратегическое планирование и стратегическое управление находятся в непрерывной взаимосвязи и взаимовлиянии. Эта непрерывность обеспечивается мониторингом выполнения принятых документов планирования, оценкой хода их реализации и периодической корректировкой документов стратегического планирования по результатам их мониторинга с учетом изменений социально-экономической обстановки. В этой связи можно предложить формулировку, что стратегическое планирование социально-экономического развития и обеспечения безопасности в масштабе государства представляет собой выбор оптимальной модели управления, способной при минимизации разноплановых стратегических рисков и угроз обеспечить реализацию избранных политических и экономических национальных приоритетов и придать процессам развития страны новое качество — устойчивость.

Процесс стратегирования начинается непосредственно с поискового прогнозного анализа глобальных закономерностей и трендов. Далее следует поисковая оценка отраслевых и региональных трендов без ориентации на какие-либо ранее установленные цели [4, с. 7].

Обязательными элементами и необходимыми механизмами стратегирования является стратегический анализ. Он включает в себя анализ существующей стратегии, анализ ресурсов по факту времени, разработку стратегии выхода, организационный анализ, план внедрения стратегии, реинжиниринг стратегии, стратегический пересмотр системы менеджмента, а также стратегическую мотивацию [5, с. 17]. Причем в случае разработки государственных стратегий речь идет и о мотивации государственных служащих [14, с. 32].

В Российской Федерации разработки в области стратегического планирования достаточно длительное время оставались на втором плане. Вопросы развития государственного стратегического планирования долго являлись лишь предметом научной дискуссии. Следует отметить, что до настоящего времени в научной среде отсутствует единая позиция, касающаяся оценки эффективности механизмов стратегического планирования для достижения долгосрочных целей социально-экономического развития, стратегии формирования единых федеральных информационных систем [12, с. 70], обеспечения национальной безопасности.

В 2014 г. принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В определенной степени этот закон отразил методологию, разработанную и примененную в течение 2013–2014 гг. в Санкт-Петербурге при подготовке «Стратегии экономического и социального развития города до 2030 года». Механизм реализации этой стратегии ориентирован на последовательное воплощение в жизнь трех важнейших приоритетов стратегии, декомпозированных в 17 стратегических целей [6, с. 15].

Положения Стратегии-2030 реализуются через обеспеченные бюджетным финансированием государственные городские программы (например, «Комплексное развитие систем коммунальной инфраструктуры, энергетики и энергосбережения в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы», «Благоустройство и охрана окружающей среды в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы», «Развитие сферы культуры и туризма в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы», утвержденные постановлениями Правительства Санкт-Петербурга от 17.06.2014 г. № 486, 487 и 488, «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы» и «Экономическое развитие и экономика знаний в Санкт-Петербурге на 2015–2020 годы» от 23.06.2014 г. № 495

и 496, «Развитие транспортной системы Санкт-Петербурга на 2015–2020 годы» от 30.06.2014 г. № 552) [1, с. 38–39].

Как отмечает всемирно известный ученый-стратег В. Л. Квинт, инновации могут обеспечивать огромные стратегические преимущества [5, с. 22]. Если выстраивать иерархию конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга, то первый ранг будет иметь, безусловно, экономика знаний. И Стратегия развития Санкт-Петербурга, и инновационная стратегия регионального развития называют экономику знаний приоритетом развития. Анализ нынешнего состояния экономики знаний позволяет сделать вывод, что мы находимся только в начале этого пути, испытывая все трудности и противоречия процесса роста [11, с. 323].

В настоящее время в Санкт-Петербурге разрабатывается Программа (план) реализации Стратегии, представляющая собой комплекс мер экономической политики Санкт-Петербурга. Проект программы проходит профессиональное и общественное обсуждение [2, с. 47].

Одной из важнейших мер экономической политики является поддержка развития конкуренции в Санкт-Петербурге. В разработанной Комитетом по развитию предпринимательства и потребительского рынка Государственной программе «Развитие предпринимательства и потребительского рынка в Санкт-Петербурге на 2015–2020 гг.», подчеркивается, что важнейшим фактором динамичного роста экономики Санкт-Петербурга является создание развитой добросовестной конкурентной среды [15, с. 47].

Однако превалировавшие в 1990-е гг. надежды на саморегулирующую роль рынка постепенно сменились осознанием необходимости рационального государственного регулирования экономики. Стратегическое планирование как в сфере социально-экономического развития, так и в области обеспечения национальной безопасности, является сложной научно-практической задачей, требующей для своего решения применения различных методов исследования, научно-практического анализа противоречий и взаимозависимости национальных интересов РФ и интересов противоборствующих сил (сторон), развития системы стратегического планирования государственной политики РФ в сфере обеспечения национальной безопасности. В этой части первоочередное значение имеют вопросы определения и структурирования стратегических национальных приоритетов и обоснование облика системы стратегического планирования РФ, а также развитие принципов, форм и методов стратегического планирования с учетом задач обеспечения национальной безопасности.

Важность стратегического планирования была отмечена президентом РФ В. В. Путиным в послании Федеральному Собранию РФ[1]. Глава государства подчеркнул, что решение стоящих перед государством и обществом проблем требует системного подхода, стратегического планирования, высокой эффективности государственного и муниципального управления, профессионализма и ответственности государственных и муниципальных служащих.

В. Л. Квинт, автор теории глобальных формирующихся рынков [3, с. 114], сегодня фактически является создателем методологии ряда успешных региональных стратегий [13, с. 49]. Причем их реализация довольно скоро приводит к повышению конкурентоспособности региона [10, с. 33].

Важнейшее значение при разработке национальных стратегий развития В. Л. Квинт придает проблеме обеспечения качества жизни [9, с. 412]. Причем автор в своих исследованиях анализирует качество жизни и ценностей в стратегии развития стран с формирующимся рынком, а также в западных странах [7, с. 41–43]. При этом, категории «качество жизни» и «хорошая жизнь» являются теоретически и практически взаимосвязанными [8, с. 1–3].

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2012 г.

Среди основных направлений развития государственного стратегического планирования ключевую роль играет нормативно-правовое регулирование. В настоящее время имеется около 300 нормативных правовых актов и документов стратегического планирования (федерального, регионального и отраслевого уровня), в т. ч. регламентирующих деятельность органов государственной власти и органов управления государственных корпораций и акционерных обществ с государственным участием в этой области [17, с. 8].

К основным концептуальным и нормативным правовым актам, прежде всего, относятся:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.;
- Стратегия национальной безопасности до 2020 г. — базовый документ по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности РФ;
- Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».

Стратегия — сложное и потенциально мощное оружие, с помощью которого современное государство может противостоять меняющимся условиям. Но это непростое оружие. Его внедрение и использование обходятся недешево. Однако есть веские доказательства того, что внедрение стратегического управления оправдывает себя с лихвой, особенно в условиях современной нестабильной политической и экономической ситуации в мире.

Литература

1. *Балашов А. И., Козырев А. А.* Теоретические основания региональной конкурентоспособности и предпосылки ее реализации в стратегии развития Санкт-Петербурга // Экономика и управление. 2015. № 7 (117). С. 34–40.
2. *Балашов А. И., Козырев А. А.* Форсайт как технология разработки и контроля реализации документов стратегического планирования // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 45–56.
3. *Квинт В. Л.* Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке: учеб. пособие для студентов вузов, слушателей бизнес-школ, школ государственного и общественного администрирования, обучающихся по направлению 080100.68 «Экономика». М., 2012.
4. *Квинт В. Л.* Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 6–11.
5. *Квинт В. Л.* Стратегирование в современном мире. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
6. *Квинт В. Л.* Стратегирование в России и мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11 (109). С. 15–17.
7. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Сравнение роли качества жизни и ценностей в стратегии развития стран с формирующимся рынком и запада // Инновации. 2014. № 9 (191). С. 41–51.
8. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Теория и практика взаимосвязи категорий «хорошая жизнь» и «качество жизни» // Экономика качества. 2013. № 3. С. 1–16.
9. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 412.
10. *Козырев А. А.* Конкуренция как экономический феномен: основные направления исследований // Управленческое консультирование. 2014. № 10 (70). С. 29–35.
11. *Козырев А. А.* Реализация конкурентных преимуществ региона в стратегии инновационного развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 315–323.
12. *Козырев А. А., Пинских М. В.* Перспективы создания единой федеральной системы в сфере государственной регистрации прав и кадастрового учета // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 5. Вып. 2 (14). С. 67–74.
13. *Козырев А. А.* Необходимость выявления конкурентных преимуществ региона при разработке стратегии его развития // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 22. С. 46–50.
14. *Козырев А. А.* Система мотивации трудовой деятельности государственных служащих // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 30–37.

15. *Козырев А. А.* Стандарт развития конкуренции как инструмент решения экономических и социальных проблем региона // Экономика и управление. 2015. № 11 (121). С. 44–49.
16. *Козырев А. А., Борисов А. В.* Наукоемкий бизнес как конкурентное преимущество региона // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 5. Вып. 2 (14). С. 75–82.
17. *Назаров В. П.* Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления // Власть. 2013. № 12. С. 4–11.

References

1. Balashov A. I., Kozyrev A. A. *The theoretical bases of regional competitiveness and the prerequisite of its realization in strategy of development of St. Petersburg* [Teoreticheskie osnovaniya regional'noi konkurentosposobnosti i predposylki ee realizatsii v strategii razvitiya Sankt-Peterburga] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 7 (117). P. 34–40. (rus)
2. Balashov A. I., Kozyrev A. A. *Foresight as technology of strategic planning* [Forsait kak tekhnologiya razrabotki i kontrolya realizatsii dokumentov strategicheskogo planirovaniya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 7 (79). P. 45–56. (rus)
3. Kvint V. L. *Strategic management and economy on a global emerging market* [Strategicheskoe upravlenie i ekonomika na global'nom formiruyushchemsya rynke] / manual for students of higher education institutions, listeners of the business schools, schools of the state and public administration which are trained in the Economy. M., 2012. (rus)
4. Kvint V. L. *Development of Strategy: Scanning and Forecasting of External and Internal Environments* [Razrabotka strategii: monitoring i prognozirovanie vnutrennei i vneshnei sredy] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 7 (79). P. 6–11. (rus)
5. Kvint V. L. *Strategizing in the modern world* [Strategirovanie v sovremennom mire]. SPb. : NWIM of the RANEPA Publishing Center [IPTs SZIU RANKhiGS], 2014. (rus)
6. Kvint V. L. *Strategizing in Russia and the world: a rate on the person* [Strategirovanie v Rossii i mire: stavka na cheloveka] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. N 11 (109). P. 15–17. (rus)
7. Kvint V. L., Okrepilov V. V. *Comparison of a role of quality of life and values in strategy of development of the countries with an emerging markets and the West* [Sravnenie roli kachestva zhizni i tsennostei v strategii razvitiya stran s formiruyushchimsya rynkom i zapada] // Innovations [Innovatsii]. 2014. N 9 (191). P. 41–51 (rus)
8. Kvint 1. L., Okrepilov V. V. *Theory and practice of interrelation of the categories «good life» and «quality of life»* [Teoriya i praktika vzaimosvyazi kategorii «khoroshaya zhizn'» i «kachestvo zhizni»] // Quality Economy [Ekonomika kachestva]. 2013. N 3. P. 1–16. (rus)
9. Kvint V. L., Okrepilov V. V. *Quality of life and values in national strategy of development* [Kachestvo zhizni i tsennosti v natsional'nykh strategiyakh razvitiya] // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2014. V. 84. N 5. P. 412. (rus)
10. Kozyrev A. A. *Competition as economic phenomenon: main directions of research* [Konkurentsiya kak ekonomicheskii fenomen: osnovnye napravleniya issledovanii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 10 (70). P. 29–35. (rus)
11. Kozyrev A. A. *Realization of competitive advantages of the region in strategy of innovative development* [Realizatsiya konkurentnykh preimushchestv regiona v strategii innovatsionnogo razvitiya] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 6. P. 315–323. (rus)
12. Kozyrev A. A., Pinskikh M. V. *Prospects of creation of uniform federal system in the sphere of the state registration of the rights and the cadastral account* [Perspektivy sozdaniya edinoi federal'noi sistemy v sfere gosudarstvennoi registratsii prav i kadastrovogo ucheta] // Scientific works of North-West institute of management of RANEPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. V. 5–2 (14). 2014. P. 67–74. (rus)
13. Kozyrev A. A. *Necessity of detection of competitive advantages of the region when developing strategy of its development* [Neobkhodimost' vyyavleniya konkurentnykh preimushchestv regiona pri razrabotke strategii ego razvitiya] // Strategy of a sustainable development of regions of Russia [Strategiya ustoichivogo razvitiya regionov Rossii]. 2014. N 22. P. 46–50. (rus)

14. Kozyrev A. A. *System of Motivation of Labor Activity of State Administrators* [Sistema motivatsii trudovoi deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 4. P. 30–37. (rus)
15. Kozyrev A. A. *Standard of competition development as tool of the solution of economic and social problems of the region* [Standart razvitiya konkurentsii kak instrument resheniya ekonomicheskikh i sotsial'nykh problem regiona] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 11 (121). P. 44–49. (rus)
16. Kozyrev A. A., Borisov A. V. *Knowledge-intensive business as competitive advantage of the region* [Naukoemkii biznes kak konkurentnoe preimushchestvo regiona] // Scientific works of North-West institute of management of the RANEPA [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. T. 5–2 (14). P. 75–82. (rus)
17. Nazarov V. P. *Strategic planning as the most important factor of increase of efficiency of public administration* [Strategicheskoe planirovanie kak vazhneishii faktor povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya] // Power [Vlast']. 2013. N 12. P. 4–11. (rus)

Нобелевская премия по экономике присуждена Ангусу Дитону

The Nobel Prize on Economics is Awarded to Angus Deaton

12 октября 2015 г. был назван лауреат Премии Шведского государственного банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Лауреатом Нобелевской премии стал профессор Принстонского университета Ангус Стюарт Дитон.

Претендентами на премию называли британского ученого Ричарда Бланделла, известного своими исследованиями рынка труда и воздействия политических режимов на экономическую ситуацию; американских ученых Джона Листа из университета Чикаго, доказавшего важность полевых исследований для понимания экономических процессов и психологических факторов, влияющих на выбор потребителя, и Чарльза Мански — автора трудов по теории рационального выбора.

Награда А. Дитону присуждена «за анализ проблем потребления, бедности и благосостояния». В сообщении Нобелевского комитета отмечается, что работы профессора помогают лучше понять то, как рядовые потребители принимают решения о распределении своих расходов, как спрос на тот или иной товар зависит от цены и от уровня дохода потребителей.

Чтобы объяснить формирование капитала и величины экономических циклов, необходимо понять взаимосвязи между уровнями дохода и потребления на протяжении долгого времени. В ряде своих работ А. Дитон доказал, что традиционная теория потребления не может объяснить фактические отношения, если учитывать только усредненные доход и потребление. Вместо этого следует учитывать то, как отдельные люди адаптируют свой собственный уровень потребления под их собственный уровень дохода, который меняется совсем не так, как усредненный доход. Это исследование ясно показало, почему анализ индивидуальных данных является ключом для понимания усредненных данных. Данный подход стал широко применяться в современной макроэкономике.

Кроме того, А. Дитон в своих работах анализирует прямую взаимосвязь между материальным достатком и ощущением счастья, удовлетворенности человека своей жизнью. Дитон утверждает: финансовая гармония всегда лучше, чем недостаток или переизбыток. В случае переизбытка обладателя все меньше радуют простые человеческие удовольствия, дающие нам ощущение счастья и эмоционального комфорта: вкусная еда, общение с друзьями и близкими, путешествия.

А. Дитон защитил докторскую диссертацию «Модели потребительского спроса и их применение в Великобритании» в 1975 г. В качестве научного сотрудника отделения прикладной экономики Кембриджа работал рядом с такими экономи-

стами, как сэр Ричард Стоун и Терри Баркер. Отметим, что Р. Стоуну в 1984 г. присудили Нобелевскую премию за разработку моделей учета результатов экономической деятельности как в отдельных странах, так и в международном масштабе. Т. Баркер исследовал проблемы изменения климата и их влияние на экономику. Оба ученых оказали большое влияние на взгляды и карьеру Дитона.

В 2014 г. А. Дитон удостоен Премии Леонтьева за расширение границ экономической мысли (англ. Leontief Prize for Advancing the Frontiers of Economic Thought) — международной экономической премии, ежегодно с 2000 г. (за исключением 2003 г.) присуждаемой Институтом глобального развития и окружающей среды (Медфорд, Массачусетс). Премия учреждена в память выдающегося экономиста В. Леонтьева, сотрудничавшего с институтом с 1993 по 1999 гг. Премия присуждается за комбинированные теоретические и эмпирические исследования, способствующие более полному пониманию общественных процессов и процессов окружающей среды.

В настоящее время А. Дитон исследует факторы, определяющие уровень здоровья в богатых и бедных странах, а также изучает уровень бедности во всем мире. Работы выдающегося исследователя служат основой для значительного переосмысления приоритетов политики, концентрируя фокус на качестве жизни.

Подготовлено А.А. Козыревым,
профессором кафедры стратегии,
территориального развития и качества жизни СЗИУ РАНХиГС

Стратегия на перспективу

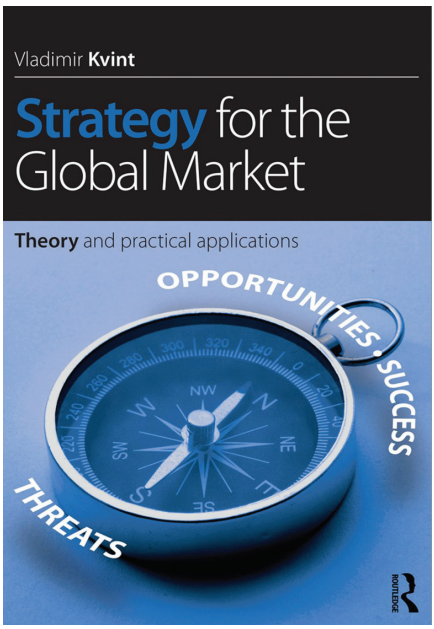
Strategy on Prospect

В Северо-Западном институте управления состоялась первая в нашей стране презентация книги заведующего кафедрой стратегии, территориального развития и качества жизни СЗИУ, председателя Попечительского совета, иностранного члена РАН Владимира Львовича Квинта “Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications” (Стратегия на глобальном рынке: теория и практические приложения). Монография выпущена международным издательством Taylor & Francis и презентована 19 октября в Колумбийском университете (США), а также в ряде стран Европы.

Первая российская презентация вызвала большой интерес представителей органов власти и научной общественности. В обсуждении участвовали директор СЗИУ РАНХиГС В. А. Шамахов, вице-губернатор Санкт-Петербурга И. Н. Албин, председатель Комитета по экономической политике и стратегическому планированию Е. В. Ульянова, академик РАН В. В. Окрепилов, управляющий Санкт-Петербургским филиалом АКБ «Транскапитал» И. В. Топровер и другие.

В.А. Шамахов, открывая презентацию, обратил внимание на высокую оценку вышедшей монографии мировым научным сообществом. Так, Эдмунд Фелпс — лауреат Нобелевской премии 2006 года по экономике (директор Центра Капитализма и Общества, Колумбийский университет, США) — считает, что «эта новаторская книга изучает понятие стратегии, рассматривая ее развитие с древних времен до настоящего времени, и показывает, что она — основа экономического роста и качества жизни».

Стратеги, как объясняет В. Л. Квинт, работают, чтобы найти новые перспективы и спроектировать новые сценарии на будущее. Эта оригинальная, глубокая и практическая книга обязательна к прочтению всеми, кто хочет понять современные экономические системы. По мнению Шарон П. Смит (президента Университета Питсбурга, США), «благодаря 45-летнему опыту изучения глобальных рынков, начиная со студенческих времен, опыту преподавателя и советника в различных секторах экономики и регионах мира, В. Л. Квинт разработал мудрую и сильную теорию бизнес-стратегии и предложил дорожную карту практикам, которые, если будут ей следовать, достигнут долгосрочного успеха».



И. Джозеф Уграс (декан колледжа долгосрочных исследований и переподготовки профессиональных кадров Ласалльского университета, США) отмечает, что «В. Л. Квинт представил превосходную работу, дающую четкое объяснение бизнес-стратегии и внешней среды мирового рынка».

Книга очень своевременна и подходит как для руководителей, ответственных за реализацию стратегий, так и для аспирантов, сфера научных интересов которых связана с бизнесом, экономикой, финансами или международными отношениями. Для практиков, занимающихся разработкой и реали-

зацией стратегий, а также их кампаний, книга будет чрезвычайно полезна прежде всего тем, что содержит превосходные объяснения понятий».

В. Л. Квинт на презентации своей книги ответил на главные вопросы: Что является исходной точкой разработки стратегии? Какие документы являются стратегическими, без которых стратег не может создать полноценную стратегию? Что является теоретическим базисом, основанным на опыте и рекомендациях, изложенных в некоторых научных монографиях и учебниках?

Несмотря на эволюцию теории стратегии, интуиция все же дает лидерам и стратегам неоспоримые преимущества. Даже тогда, когда лидеры и стратеги вооружены определенными теориями, они могут приумножить и использовать это очень сильное оружие с помощью интуиции и трудолюбия.

Тем не менее, гораздо проще основывать стратегические выводы не только на интуиции и трудолюбии, но и на теории, которая является ничем иным, как локомотивом для всех других элементов стратегического гения. Когда развиты первоначальные элементы теоретического инструментария, стратеги и лидеры получают существенные преимущества в конкуренции даже с такими же одаренными личностями, которые обладают волевыми чертами характера и природными способностями. «Стратегия глобального рынка» дает объяснение различиям между прогнозированием и предсказанием, с одной стороны, и планированием с другой, а также создает теоретическую основу для понимания того, как эти три явления объединяются с четвертым — феноменом стратегии и собственно процессом стратегирования.

И. Н. Албин в своем выступлении подчеркнул значимость научной деятельности В. Л. Квинта: при участии коллектива Северо-Западного института управления, при участии Владимира Львовича Квинта у Санкт-Петербурга появилась Стратегия. Он отметил также, что занимался этим направлением на федеральном уровне, уровне законодательной и исполнительной власти, и может уверенно утверждать: стратегия в Петербурге — лучшая, это факт. Презентация этой книги — мост из прошлого в будущее нашей страны.

В. В. Окрепилов подчеркнул, что Владимир Львович не только теоретик, но и практик, один из соавторов стратегии, которая сегодня реализуется в Санкт-Петербурге. Однако нужно было не просто разработать стратегию, но и обучить руководителей, что позволило преодолеть ряд проблем и очень помогло в работе над стратегией.

Предыдущая монография В. Л. Квинта “The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics” издана во многих странах и стала предметом обсуждения на симпозиуме, организованном Экономическим и социальным советом ООН, а ее выводы рекомендованы к реализации многонациональным институтам. Такое же внимание структуры ООН уделяли и другим работам В. Л. Квинта.

Подготовлено А.А. Козыревым,
профессором кафедры стратегии,
территориального развития и качества жизни СЗИУ РАНХиГС

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

23.00.00. Политология;

07.00.00. Исторические науки и археология;

08.00.00. Экономические науки.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich's Periodicals Directory” (http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
   - распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
   - две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
- **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
  - **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
  - **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
   поля — 2,5 см везде;
   - номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
   - шрифт — Times New Roman;
   - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
   - основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
   - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
   - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
   - название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
   - краткий реферат на русском языке;
   - краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
   - ключевые слова на русском языке;
   - ключевые слова на английском языке;
   - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
   - абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
   - расстановка переносов не применяется;
   - все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
   - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
   - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
   - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.

5. Оформление ссылок **(ВАЖНО!!!):**
   - ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
   - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
   - для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
   - список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- *Монографии:*
  Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.
- *Статьи в научных сборниках:*
  Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.
- *Публикации в многотомных изданиях:*
  Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
  Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

- *Статьи в научных журналах:*
  1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В*. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
  2. *Шамахов В. А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.
- *Статьи в газетах:*
  Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- *Правовые акты:*
  О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.
  О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):
  Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.
  Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
  1. *Манойло А. В*. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2013).
  2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2016. № 1(85)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.01.2016.
Подписано к печати 15.01.2016.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,03. Тираж 650 экз.
Заказ № 1/16.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97